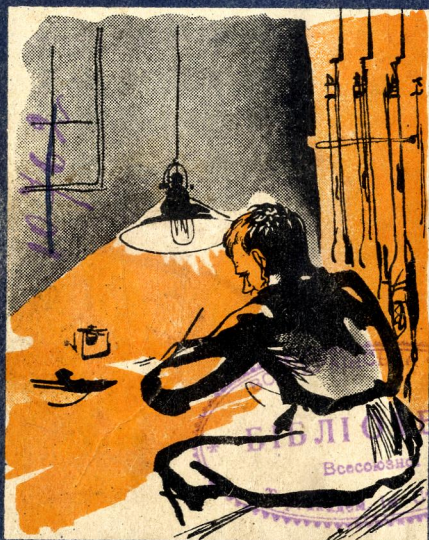

24-58
3995
А. Л. ИСБАХ

С ВИНТОВКОЙ И КНИГОЙ

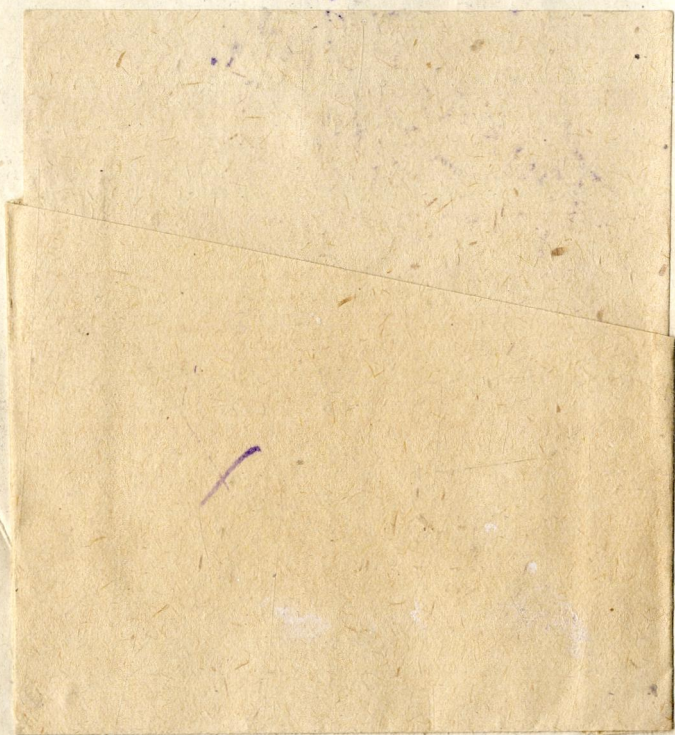

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 3 1

№ 12

ЦЕНА 50

32760.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

АЛЕКСАНДР ИСБАХ

С ВИНТОВКОЙ И КНИГОЙ

КРАСНОАРМЕЙСКИЕ БУДНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ
ФЕЛИКСА КОНА

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ

19 МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 31

Св. сп. в. СССР - 1973, 31

У4.6(2)243

Москва. Главлит А 88951. Зак. № 41 25000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Львівська державна
наукова бібліотека

№ 2583

ПОСВЯЩАЮ ПАМЯТИ ДРУГА
ДМИТРИЯ ФУРМАНОВА

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION
500 5TH AVENUE NEW YORK 17, N.Y.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нелегко писать предисловие к очеркам тов. Исбаха... Невольно вспоминаются времена, когда революционная молодежь не в красную казарму направлялась, а «по Владимирской дальней Сибирской дороге» странствовала в каторжные тюрьмы, когда одетая в военные мундиры молодежь выполняла роль караульщиков и палачей. Случалось, что на том или другом этапе не оказывалось места для политиков, и они ночевали в казарме, вместе с солдатами...

Об этой старой царской казарме уже стирается память. Это был очаг лакейства, подхалимства, шпионажа, очаг, в котором приказ заменял все — и мысль, и сознание, и совесть.

Кто видел царскую казарму, кто хотя бы самое короткое время провел в ее стенах, тот всю жизнь не забудет царившей в ней фельдфебельщины, издевательства «высшего чина» над низшим, глумления над солдатом-иногородцем». Грязь, смрад, матерщина, похабщина, игра в карты, пьяные фельдфебеля, пьяные унтер-офицеры... Старая, заплесневелая дореволюционная быль...

И когда эту гнусную быль сопоставляешь с современной «красной казармой», весьма трудно отрешиться от воспоминаний о прошлом.

Это становится особенно трудным, когда читаешь дневник тов. Исбаха. Это — новая быль, послеоктябрьская. В дневнике нет прикрас. Ценность дневника и состоит в том, что автор просто знакомит читателя с тем, «чему свидетелем

в жизни был», что сам пережил. Перед глазами читателя проходят, как в калейдоскопе, новые люди, какими они есть в действительности, новый быт, быт солдат-граждан, кто бы они ни были по национальности, по социальному положению, по занимаемой в армии должности, новая дисциплина, новое отношение призванных на военную службу к возложенной на них обязанности... Все — новое, подлинно советское. И это новое в каждом красноармейце оставляет след на всю жизнь. Вчерашние красноармейцы по оставлении рядов армии становятся подлинными проводниками ленинских идей...

Прежний солдат с проклятием становился в ряды армии, с проклятиями, с ненавистью он вспоминал о ней всю жизнь, уже по освобождении из армии.

Солдат Красной армии на службу в ней возлагает огромные надежды, а уходя, чувствует то, что чувствовал и переживал тов. Исах и что им рассказано в таких простых, а вместе с тем так волнующих читателя, словах!

«Шумной гурьбой высыпали мы на улицу с сундучками.

С этого момента перестали мы быть военными и становились вольными гражданами.

Каждого из нас ждала своя привычная, большая и сложная работа.

И каждый из нас, выходя в этот вечер из казарменных ворот, думал о таком большом-большом прожитом армейском годе.

И каждый вспоминал о нем с теплым чувством... И то, что было в прошедших днях плохого и тяжелого, бледнело перед тем хорошим, нужным, чем были наполнены наши дни на путях прошедших армейских месяцев».

Такова эта новая казарма, эта новая военная служба, отражающая частицу нашего нового советского быта.

Феликс Кон

А вот воспойте красноармейца
в казарме,
Во имя революции добивающе-
го азы.

А. Безыменский

НАКАНУНЕ

Шелестели листы газет и журналов, но глаза как-то рассеянно бегали по строчкам. Глаза видели уже другое. Большое здание казармы... а там — ничего не могли разглядеть глаза... Здание было загадочным, как та жизнь, которая предстоит в нем.

Комната призывной комиссии была полна. Группами стояли перед плакатами с изображением винтовки в разрезе, обсуждали отдельные пункты приказа о призыве.

Окруженный призывниками, стоял политрук. И, словно листья с деревьев осенних после сильного вихря, сыпались на политрука вопросы: «А как комсомольская работа?..» «А куда ушлют нас отсюда?» «А нельзя ли во флот?..»

И тот, кто спрашивал о флоте, парнишка в клетчатой кепке, долго еще пытался указывать политруку, что и м е н н о е г о нужно послать на море, что он давно мечтает об этом и что ему даже ячейка сказала: не иначе, как во флот.

Кроме политрука, ответы давал грузный парень в военной шинели и кепке неопределенного цвета. Он важно ходил мимо стола с газетами, покровительственно похлопывал по плечу призывников и авторитетно давал разъяснения по всевозможным вопросам. Призывники парня в шинели

считали главным командиром. Но когда распахнулась дверь и стремительно поднялись с места призывники, чтобы в одну линию протянуться к столу, «главный командир» скромно занял место в общем череду, как и другие.

Это и был наш чудака Капернаут, с которым потом делили мы много дней и нашей учебы и походов.

Осмотр, внимательный, детальный осмотр... Входят в одну дверь металлистами, текстильщиками, монтерами, конторщиками, выходят артиллеристами, матросами, пехотинцами... А куда, в какую часть — еще нет указаний... Об этом еще потом, через месяц, в повестке...

За час ожидания познакомились, сроднились и мечтают о том, как бы хорошо попасть всем в одну часть.

И среди уходящих выделяется объемистая фигура в кепке, опять оживленно рассуждающая о сроках отправки. Капернаут — на своем посту.

... Месяц пролетел быстрым степным конем. Был этот месяц необычным и стремительным.

И, когда на ячейке жаркую речь говорил Мишка-секретарь и каждому призывнику от ячейки поднес карандаш заграничный и книжку записную, ответными словами выплеснулось то, что накопилось в груди.

Прощались с ячейкой для новой работы, такой неизведанной и незнакомой — там, в рядах бойцов.

Двенадцать было призывников. И по разным концам советской земли могли разъехаться они, члены одной ячейки. И из разных концов обещали они слать письма-весточки в родную ячейку.

А потом был вечер, как все вечера. Так же плясал Федька Чернов, так же мрачно острил Борька-эксправ и так же старательно и фальшиво играл струнный оркестр. Из оркестра тоже уходили двое.

А из зала на призывников с грустью смотрела не одна пара девичьих глаз... Не одну занозу сердечную оставляли в ячейке двенадцать будущих бойцов.

Но они были горды и серьезны в этот вечер — последний вечер в родной ячейке.

Об индивидуальном прощании после вечера и о том, сколькими поцелуями покрыл каждый из двенадцати лиц любимой — не будем писать. Не наше это дело. Не считали мы этого, статистики не вели. Да и ночка выдалась темная. Ни зги не видать.

Наутро двенадцать бойцов явились на пересыльный пункт.

Наутро двенадцать членов комсомольской ячейки вступили в ряды Красной армии.

Началась военная жизнь.

В полк!..

Еще на пересыльном пункте пугало всех непонятное и загадочное слово «карантин». «Старые служаки» рисовали этот карантин в самых черных красках. В их рассказах вставало перед глазами что-то среднее между тюрьмой и камерой для пыток.

Но завлеченуголком Кузьмин разбил все наши страхи. — Нет ничего страшного. В баньку сходите, укольчики примете, передохнете малость, и конец карантину. Айда в роты!..

Решили вопроса больше не обсуждать. Жизнь покажет. Только Капернаут, собрав «терпеливых» ребят, читал им лекцию о том, для чего делаются «укольчики».

Маленький, приземистый помкомвзвода был первым начальством, с которым суждено нам было познакомиться. О... Мы тогда не знали еще значения трех треугольников

на петлицах, и в нашем представлении помкомвзвода Утин был весьма крупным начальством.

— Начальник карантина,—авторитетно объявлял Капернаут. Но вид у «начальника карантина» был не весьма солидный. «Мужичок с ноготок» — прозвали его некоторые ребята. Так это прозвище и укоренилось за ним в дальнейшем. На прозвища была сильна наша рота.

Первый раз (не считая допризывки, но там что — там не то было), первый раз настоящим военным строем зашагали мы в казармы.

Москва еще спала. И некому было смотреть, как молодежато шагали будущие бойцы, некому было послушать наших боевых песен. Только одна мать призывника-москвича все время быстрыми шажками семенила за строем. Старушка всхлипывала, утирала глаза концом теплого платка и жалобно смотрела на нас.

А сын ее, будущий наш стенгазетчик Миронов, шагал, плотно сжав губы, и страшно краснел за свою несознательную мать.

Важно выступал наш помкомвзвода, важно болтался на боку помкомвзводовском наган с ремнями и кистями. И с нескрываемым уважением смотрели мы на этот атрибут командирской власти.

На перекрестке близ Серпуховки папиросная торговка, увидев нас, быстро отобрала несколько пачек папирос и торопливо, молча начала всовывать в руки призывников.

Мы не знали—полагается ли это в строю или нет. Но помкомвзвода молчал, и мы не хотели обижать добрую женщину.

Город уже просыпался. Сбоку нас бегали мальчишки, кричали: «новобранцев гонють!..», подпевали нашей песне и яростно командовали.

Вот они, те самые стены, то самое здание, где два года будем мы вместе делить наши радости и наши печали.

На дворе нас встречало командование полка. Играл оркестр. Говорил речь бравый командир с двумя орденами Красного знамени, как мы потом узнали, командир полка, и отвечал командиру полка вышедший из строя маленький коренастый парень в кожанке и кубанке, Ваня Фуражкин, будущий наш секретарь ячейки и главный общественник. Говорили недолго. Опять играл оркестр.

Стараясь перед лицом командования показать свою молодцеватость и не сбиться с ноги, мы отправились в «загадочный карантин».

КАРАНТИН

И тут был посрамлен Капернаут. «Начальник карантина» привел нас к большому казарменному корпусу в глубине двора. Здесь мы впервые услышали и увидели, что такое рапорт. На крыльце карантина стояло несколько человек. Впереди — командир среднего роста, в пенсне, сквозь стекла которого глядели на нас серьезные глаза.

— Смирно! — скомандовал Утин и, приложив руку к козырьку, доложил командиру в пенсне:

— Товарищ начальник, команда призывников в количестве 83 человек прибыла в ваше распоряжение.

Восемьдесят три — это были мы. Человек в пенсне был настоящим начальником карантина. Это был товарищ Диванов, будущий начальник полковой школы.

Начальник карантина сказал всего несколько слов.

— Вы с этого момента — красноармейцы. Мы будем учить вас военному делу. Мы ждем от вас самих помощи, сознательности и дисциплины.

Мы не знали, нужно ли отвечать или кричать что-либо. Фуражкин попытался было опять вылезть вперед. А Капернаут одиноко и протяжно закричал «ура».

Перед баней была генеральная стрижка. Руководил стрижкой Утин. С особым вожделением смотрел он на мои буйные вихры и на гигантскую шапку волос Федьки Чернова.

Что ни говори, печально было отдавать кровожадной машинке свои волосы, которые были гордостью и по которым так любила проводить рукой родная Наташа.

Особенно злорадствовали наши «старички» с преждевременными лысинками на макушке. Им терять было почти нечего.

— Сашка, на память клочок возьми, — советовали друзья. А Федька Чернов, мрачно взъерошив напоследок свою природную папаху, словно в петлю ринулся под ножницы отделкома Леонтьева...

Были волосы... И нет волос... В бане мы не узнавали друг друга. Казалось, все блестящие шары голов были до точки похожи одна на другую. И только черным лесистым островком высилась голова Неливцева.

Эта была первая Неливцевская хитрость, первый трюк Неливцева, ухитрившегося каким-то способом уберечь свои волосы.

В баню пришли в кожанках, пальто, шубах. Из бани вышли настоящими красноармейцами в шинелях и шлемах. И эта новизна, это совсем новое чувство, чувство, которое поймет только тот, кто его пережил, захватывало всех.

Забыты были утерянные волосы, печаль по дому, тревога и боязнь неизвестного будущего. Все мы глядели друг на друга и чувствовали себя сильнее и мужественнее в этих островерхих шлемах.

Правда, и тут без беды дело не обошлось. Маленький Дыркин, самый маленький человек в полку, получил шинель, в которую с успехом можно было всадить еще одного Дыркина. Наоборот, «старик» Капернаут с сожалением смотрел на свои колени, выпирающие из короткополой шинели.

— Брось, Карпернаут, хороша шинелька, что надо, — смеялись ребята. И Капернаут, этот всегда и всем восхищающийся человек, уже соглашался, что шинель действительно хороша.

Так «в новой коже» вернулись мы в карантин. Вечером была первая перекличка.

Вдоль длинного коридора протянулись мы двойной лентой, и Леонтьев, наш «страшный» отделком, ревел на все здание: «Артамонов, Дыркин, Капернаут, Яковлев...»

Один за другим кричали короткое «Я». И некоторые произносили его тихо и скромно, другие кричали на весь карантин.

А когда Леонтьев вызвал Неливцева, никто не ответил «Я».

Молчание повисло в воздухе. И на вторичный вопрос ответил всеведущий Капернаут: «Его домой отпустил начальник».

Это был первый отпуск Неливцева.

В первую ночь спали на соломенных матах. Долго не могли уснуть. Долго шептались на койках. И многие с тихой грустью думали о доме, о своей работе, о любимой девушке с синими или карими глазами.

Было темно. Только у столика в коридоре сидел дневальный и тоже о чем-то думал.

...Первый укол был для нас большим испытанием. После укола болела спина, ожесточенно пульсировала кровь и поднималась температура.

В ленинском уголке было чисто и нарядно. Лежали газеты и журналы. У углового стола небольшого роста политрук объяснял, почему нужны прививки, как предохраняют они от заболеваний, и убеждал не бояться второго укола.

В ленинском уголке было приятно сидеть. Ярко горел свет и вспоминался собственный, родной клуб. Но слишком ныла спина, и потому в этот день большинство валялось на койках.

Промелькнули те дни карантина. И вспоминаешь теперь о них, как о далеком-далеком, и о ленинском уголке, где не один плакат был своей рукой написан, и о гармошке, которая то жалобно разливалась, то бурно гремела на площадке, и об уколах, испытывавших наше терпение...

Всёкое бывало...

А потом перед концом карантина были испытания.

Посадили всех в огромную клубную комнату. Раздали листки, называемые «тестами», и давали задачи — на сообразительность, на память, на догадливость и т. д. Зачеркивали мы кружочки. Расстанавливали по порядку нарисованные картинки. Много разных задач было на листках — по ним определял потом врач уровень нашего умственного развития.

Никогда не забыть мне вдумчивого, серьезного лица Капернаута, сидевшего рядом со мной и немилосердно заглядывавшего в мои листки.

Испытания были и физические. Бегали. Кидали учебные гранаты.

И когда Дыркин кинул вперед так удачно, что попал в стоявшего сзади Миронова, крепким и дружным хохотом гремела команда.

Незаметно промчались дни карантина. Простились мы с начальником нашим, с политруком. Последний раз на

поверке гремел бас Леонтьева, последнюю ночь провели мы на карантинных койках.

Впереди нас ждали роты. Ждала настоящая красноармейская учеба. И мы, столь различные по воспитанию, по образованию и развитию, все были объединены для учебы в одну большую красноармейскую семью.

МАРИЙЦЫ

Из далекой Марийской области приехали они в полк. Мало кто из них понимал по-русски, а не разговаривал почти никто. Не понимали они даже друг друга. Было среди них три племени. Три племени — и три наречья. Горные марийцы, долинные марийцы и еще городские.

Поздно вечером, когда мы улеглись уже на покой, на дворе раздалась музыка.

— Пополнение пришло, — сказал дежурный.

Москва казалась им чудной и диковинной после маленьких деревушек далеких марийских кантонов.

И когда в тулупах и лаптях шагали они по московским тротуарам, нельзя было никак успокоить маленьких марийцев. Вслух выражали они свое изумление и трамваям, с шумом проносившимся мимо, и бешено мчавшимся автомобилям, и залитым огнями московскими улицам.

Все это было так не похоже на родные деревни, все это обещало такую новую, необычайную и красивую жизнь. Они были некрасивы, эти маленькие марийцы. Широкие скулы и маленькие глаза говорили о монгольском происхождении. Но некоторые из них поражали необычайной живостью, и острая пыливость светилась в их глазах.

Недаром потом стал любимцем школы самый маленький из них — Салим Саликаев. Недаром из них потом воспитались лучшие наши комсомольцы.

Надо было видеть радость марийцев, когда они сменили свои лапти и тулупы на шинели, шлемы и сапоги. Галдеж стоял невыносимый. Все радостно делились впечатлениями.

Единственный мариец отделком, ценившийся у нас на вес золота, буквально разрывался на части, успокаивая их и давая разъяснения.

Через несколько дней напротив нашей роты водворились марийцы и на всю лестницу развернули огромный плакат: «**Э р е л ы к т у н к а з а н л ы к**», что означало: чистота — залог здоровья...

Не одну беседу провели мы с нашими ребятами о марийцах. Многие относились к ним презрительно. «Нешто это бойцы — пиголицы...» И часто передразнивали их быстрый-быстрый, непонятный говор. Но оказалась сильнее всяких бесед жизнь. Когда в первом походе благодарность за особую выносливость получил маленький Салим и когда звание одного из лучших стрелков заслужил Сакарбаев, уважение было завоевано и с повесток наших бюро сам собой отпал «марийский вопрос».

Марийская рота была одной из наиболее дисциплинированных в полку:

... Первый раз в клуб мы пришли вместе с марийцами. Большое здание клуба понравилось всем. Читальня, комната отдыха, библиотека, различные кабинеты — обо всем этом мечтали не только марийцы, подобных клубов не было и у нас на заводах. И особенно взыграло сердце наших драмкружковцев, когда они увидели огромный зрительный зал.

Шла кинофильма «Машинист Ухтомский». Многие из нас уже видели эту фильму, но марийцы видели кино вообще

первый раз в жизни. Как дети выражали они свой восторг и удивление.

А когда паровоз стал все увеличиваться и, занимая собою весь экран, как бы шел вперед — в зал, на первых марийских скамьях началось смятение.

Испуганно заговорили все разом марийцы и стали срываться с мест. И только когда отделком-мариец Урсулов — сам только недавно приобшившийся к культуре кино — когда он с видом превосходства стал успокаивать их и объяснять, они нерешительно, с опаской заняли свои места.

Жизнь текла день за днем, а по вечерам на площадке собирались марийцы у свей двери и долго-долго пели свои тягучие, монотонные, заунывные песни.

ЗАЩИТНИК СОВЕТОВ ИЗ БИРСКОГО КАНТОНА

В далекой башкирской республике затерялась деревушка Изымаринская, Чураевской волости, Бирского кантона.

Жили в этой деревушке разные люди. Были и кулаки, были и такие, которым куренка некуда было выпустить, да и куренка, правду сказать, тоже не предвиделось.

Когда знамя советов взметнулось над Россией, захватило оно своим краем и Башкирию. Рано ли, поздно ли, выбрали в деревне Изымаринской сельский совет.

В секретари совета попал кулак. А один из караульных деревенских, у здания совета, бедняк был — мариец Яныев.

Плохо говорит по-русски 15-летний Яныев, плохо понимает. Но одно понял он, что не так, как следует, ведет совет секретарь — не по-нужному, не по-советскому. И еще понял, что бороться надо, а поддержкой ему комсомол будет.

Львівська державна наукова бібліотека
2583

Пытался кулак и на мировую с Яныевым итти, и выпить приглашал, и револьвер дать обещал. Отказался Яныев. Вражда, открытая вражда была в деревне.

Кулак был сильнее. Часто и долго бил он маленького марийца. Все глубже западали глаза молодого Яныева. И затаил он про себя одну думку: «Не так надо... Эх, побольше бы научиться и поставить, дело, как нужно».

... Настал великий день для молодого Яныева. Его вместе с десятками других ребят потребовала в свои ряды Красная армия. Дух захватывало у Яныева при одной мысли о том, что он будет красноармейцем. И вот, из далекой Изымаринской деревни помчал его паровоз в самую Красную Москву.

Когда ходил Яныев по улицам с музыкой, когда лаптями мерил московские улицы от вокзала до казарм, все казалось ему чудным и необычным. Потом прошли эти дни, и стал Яныев ловким, умелым красноармейцем-бойцом, защитником советской власти. На ряду с другими молодой мариец Яныев стал членом великой красноармейской семьи.

Шли дни и недели. И часто оттуда, из далекой деревни, приходили письма со штампом Башкирской республики, и писал ему старший брат: «Смотри Ялвек, старайся учиться лучше по военному уставу. Не теряй ни минуты зря».

Не забыл молодой Яныев своей старой думки. Он стал учиться, чтобы стать красным командиром. Он — и в совете ленинского уголка, и в самообразовательных кружках... Он учится. Он должен учиться, чтобы «сделать все, как нужно», в своей деревне...

... Зимой уже, как-то присев на мою койку, рассказал мне Яныев уже по-русски, правда, еще путая и коверкая слова, про свою жизнь, про свою думку заветную и про те письма, которые пишут ему с далекой родины.

КАНЦЕЛЯРИЯ ШЕСТОЙ РОТЫ И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Занятия еще не начинались. В нашей роте было еще очень мало народа. Большинство товарищей растасовали по другим ротам. Ушел в другую роту Дыркин, ушел Фуражкин, ушел «старик» Капернаут. Разошлись, чтоб вновь встретиться в полковой школе через пару месяцев.

Я остался почти в одиночестве. В соседнюю пятую роту пришло пополнение. Были там хорошие ребята из Башкирской области, из Бирска, и с ними коротал я свои длинные казарменные вечера.

Ребята были и рабочие и крестьяне. Особенно выделялся среди них комсомолец Симонов, будущий верный помощник мой по школьному комсомолу.

Разбирали мы с ним газеты, говорили об армии. Иногда скучали ребята, говорили о своих ячееках, о работе в далеком Бирске и почти ежедневно писали длинные-длинные письма домой. Каждый вечер на столике дневального вырастала горка писем в самодельных серых конвертах. И несли эти конверты домой, за много сотен километров сокровенные мысли и переживания молодых красноармейцев.

Потом с каждой неделей стали писать все реже. Пошли занятия, кружки, спортработа. Каждый втянулся с головой в военную жизнь.

А в канцелярии старшины по вечерам собирался небольшой кружок. Старшина, облеченный столь важными полномочиями и с гордостью носивший 4 треугольника на петлицах, был такой же пришедший в прошлом году молодой крестьянский парень-комсомолец. В прошлом году кончил он полковую школу. И теперь был главным лицом в роте. В служебное время он старался показать свою строгость и

серьезность и «наводил в роте порядок». Правда, не всегда ему удавалось быть исключительно серьезным. И порою во время разбора важных ротных дел улыбка расплзалась по широкому лицу этого комсомольца-«фельдфебеля».

Но ребята сами понимали, что значит служба, и старались помогать старшине Рудакову.

Маленький, коренастый, типичный рязанец, он по вечерам, после служебных занятий, проинструктировав отделкомов и писаря и произведя ротную поверку, вгрызался в гранит науки.

В 10 часов вечера, когда утихала рота и когда кончались песни и в лунголке и на площадке, в 10 часов в ротной канцелярии 6-й роты начиналась дискуссия.

Дело было в преддверии 9-й годовщины Октября, и вопросов было много сложных и занимательных.

В 10 часов вечера в канцелярии 6-й роты шло обсуждение вопросов мировой революции.

Обсуждающих было трое: старшина и два комсомольца отделкома.

Для консультации приглашался я.

Начинали вопрос с оппозиции. Этот вопрос остро волновал комсомольцев. Здесь они забывали поверку и ежедневные занятия и целиком уходили в решение партийных судеб.

Один из комсомольцев, отделком Серогодский, вечно изумленный парень, с широко открытыми, вопрошающими глазами, всему удивлялся и забрасывал нас десятками вопросов:

— Как же вот оппозиция? Вот я все понимаю и про смычку и про политику. А они... Ведь там Троцкий и Зиновьев — все вожди. Неужго они глупее меня?.. — изумлялся Серогодский.

Старшина принимался авторитетно разъяснять ему суть дела. А Серогодский сидел и так же смотрел широкими изумленными глазами. И видно было, что он хоть и понимает, а все же в глубине души сомневается: «Как же такие люди—и вдруг глупее...»

А старшина любил вопросы «сурьезные», больше теоретические.

И гранит науки грызли они следующим способом. Брали словарик и по алфавиту читали разъяснения всех слов. И так за вечер до половины буквы проходили, вгрызаясь в каждое слово.

В некоторых словах было что-то красивое и заманчивое. Особенно им понравилось слово на букву И—«и н д е п е н д е н т ы». И над этим словом долго сидели молодые командиры.

Со словаря часто перескакивали на жизнь.

— Что такое слово «партия»? — спрашивал старшина и долго читал лекцию внимательным слушателям.

Иногда вставлял что-нибудь Серогодский. Но не по теме, а так, из своих сокровенных мыслей.

И опять мирно текла беседа...

Казарма погружалась во тьму. Спали все. Только дневальный бодрствовал и думал. О чем думал он?.. О казарме ли, о ячейке ли родной, о доме, о будущих боях...

Мирно спала казарма.

И только в канцелярии 6-й роты кончали решение вопроса: когда будет мировая революция...

СКРИПКА КОМАНДИРА ТРЕФИЛОВА

В нашем помещении заняты еще не все койки. Ждем пополнения. Покамест оборудуем ленинский уголок.

Сегодня приехал из командировки командир взвода Трефилов, или, как выговаривает его имя наш старшина-украинец, Трехвиллов. Трефилов—человек семейный. Комнаты у него нет и семью он оставил в лагерях. Сразу же нагрузился всякими мешочками, получил паек и поставил его в канцелярию роты.

Потом погрузился в чтение судебного отдела «Рабочей Москвы». Читал долго, переживая каждое происшествие. И особо занимательные вычитывал вслух с интересом слушающим старшине и отделкам.

Потом Трефилов исчез и вернулся к вечеру. Я уже собирался заснуть, когда он подошел к соседней койке, разостлал тюфяк и начал располагаться.

— Домой далеко ехать. Я уж тут расположусь, — мирно позевывая, сказал Трефилов.

Минут пять лежали мы молча. Потом неожиданно прервал мою дремоту странный вопрос:

— А что к примеру лучше — скрипка или гармошка?..

— Как сказать, — изумленно отозвался я. — И то и другое хорошо. Нельзя сравнивать.

— Не-ет, — сказал Трефилов, — скрипка — она тоньше гармошки. Не в пример тоньше, гаммов у нее больше.

Я неопределенно промолчал. Вообще я был не склонен к спорам на столь сложные музыкальные темы. Но Трефилов не унимался.

— О человеке со скрипкой совсем другое понятие — интеллигентное. К примеру, живу я где-нибудь в доме и имею гармошку или скрипку — са-авсем другое дело.

Я ничего не мог ответить. Я пытался было взять под защиту «неинтеллигентную» гармошку, но из этого ничего не вышло. Не в моих силах было переубедить Трефилова.

Уже засыпая, я еще слышал какое-то бормотание Трефилова о гаммах, высоких нотах и еще о чем-то.

Потом уже, много после, я узнал, что еще в лагере купил Трефилов скрипку и немилосердно мучил весь лагерь и игрой своей и разговорами о пользе скрипки.

Послужить мне с ним не пришлось. На другой день его отправили в другой полк, и он скрылся с нашего горизонта.

КОМАНДИРЫ

Вторым командиром взвода, моим непосредственным начальником, был молодой парень Свободов. Был это невысокого роста человек, с широким лицом и необычайно приплюснутым носом.

И в лице его и во всей фигуре было разлито широчайшее добродушие.

Он понравился мне с первого взгляда. Был он рязанский крестьянин. Кончил нормальную школу и теперь командовал взводом.

Особенно в нем располагала к себе какая-то пытливость. Николай Свободов был коммунист. Он интересовался не только военными науками. Усиленно занимали его партийные проблемы.

Каждый вечер ходил он на вечерние курсы Свердловского университета.

Говорить он об этом не любил. Некоторые товарищи считали его «слишком ученым» и издевались над его страстным желанием узнать как можно больше.

Это был первый средний командир, с которым мне пришлось столкнуться. И я и многие мои товарищи долго будем помнить этого крестьянского парня, выросшего и выдвинувшегося в командиры РККА, этого командира, с которым

так много интересных разговоров вели мы после служебных часов в ротной канцелярии и который первый показал нам, кто такие командиры нашей армии.

Особенно любил Свободов говорить на партийные темы. Он не просто читал газеты. Он до точки штудировал «Правду» и потом каждое недостаточно понятное место долго обдумывал и совещался о том, как его понять. В то же время был он хорошим строевым командиром, этот неладно скроенный, но крепко сшитый человек.

В первый же день познакомились мы с командиром нашей роты. Это был высокий украинец Ильиченко. Голос был у него громоподобный.

Впоследствии уже, когда в конце года стал он начальником школы и на плацу командовал репетицией к параду, тогда мы узнали всю необычайную силу этого львиного голоса.

Ильиченко был старый командир. Не по летам, ему было около тридцати, а по боевому стажу. Он был рабочим Донбасса. Некогда он был коммунистом, потом его исключили из партии. И про это исключение ходили целые легенды. Говорили, что на фронте, находясь со своей частью в каком-то городке, приказал он провести поголовную мобилизацию коммунистов. И когда уком по каким-то причинам отменил распоряжение, он, ничтоже сумняшеся, распустил уком.

Был он строг, временами даже груб. Когда он рывкал во всю силу своего баса, тряслись поджилки. Но красноармейцы любили его. Секрет этой любви был в простоте. Обходился он со всеми по-рабочему, по-простому. И чувствовали в нем своего человека.

Глядя на этого человека, чувствовалось, что, несмотря на грубость, несмотря на все свои недостатки, он сумеет повести свою часть в бой, а за ним без страха пойдут на врага бойцы.

Страстью Ильиченко было оборудование ленинского уголка.

С первого же дня, когда я один еще был в роте, засел он со мной в канцелярии, и наметили мы полные планы оборудования.

Ильиченко обладал способностью из-под земли выкапывать нужные ему вещи. Он тащил в других ротах, вырывал с бою в клубе, и потому наш ленуголок впоследствии считался лучшим в полку.

Целый день сидел я, рисовал плакаты, делал монтажи, писал диаграммы.

Ильиченко наклонялся над моей работой, бормотал свое привычное «так-так» и исчезал.

Тут же мы устраивали стенку с оружием, саперный уголок, уголок Авиахима, электрифицированную политдоску и много всякого другого.

Часто делали работу абсолютно никому не нужную. Но доказать это Ильиченко было невозможно. Упрямство его нельзя было перешибить ничем.

Помкомвзвода Бачилов и Утин были нашими главными плотниками. Они строгаи, рубили, резали, строили. И над всем этим витал дух неутомимого Ильиченко.

ПОМКОМВЗВОДА УТИН

Особенно много помогал мне комсомолец-помкомвзвода Утин. Я уже разгадал тайну трех треугольников. И хоть был он моим непосредственным начальством, не было уже у меня того первоначального боязливового уважения к страшному «начальнику карантина».

Командовать было еще некем, и потому помогал мне Утин в оборудовании ленуголка. Клеил, резал, прибивал.

За работой он рассказывал о себе. Был Утин зажиточным владимирским крестьянином. В селе вступил в комсомол. Заведывал избой-читальней. Поснимал у себя дома все иконы. Устроил дома красный уголок.

— В деревне все ко мне старики ходили. Как и что? И кто на царском месте теперь?... А Калиныча хорошо знают. Много говорил Утин о деревенской темноте.

— Пьянки много. Как в деревню кто несильный попал, обязательно свихнется. Вот прислали нам секретаря волкома. Первое время хороший парень был. А потом запил, совсем пропал парень.

Утина не хотели в прошлом году в армию брать. Говорили: здоровьем не подходит. Упросил. Очень уж хотел он знаний в армии набраться.

Год учился в полкшколе, вышел командиром. С гордостью надел свои треугольники. И партшколу посещал — кончил, и курсы библиотечные.

Утин срывается с места, бежит к своему сундуку и показывает мне «дипломы» и книги, даренные за хорошую учебу.

Все хорошо шло у Утина. Только вот... отец умер. Хозяйство теперь разрушается, и это заставило Утина упасть духом.

— Домой бы теперь. Общество там мало помогает. В хозяйстве один брат малый остался. Был сейчас в отпуску — хотел жениться, хозяйку оставить. Да времени мало, за две недели не поженишься. Рвения у меня много. Работать хочется. Да вот дела домашние руки опускать заставляют. И домой тянет...

Так сидели мы, работали, строили ленуголок.

А в углу второй помкомвзвода, тоже владимирский парень, из одной волости с Утиным, строит саперный ящик. Росли

у него под ножом окопы всех типов, пулеметные гнезда, блиндажи...

— Молодец,—удивился я,—откуда он все это может?

— О,—отвечал Утин,—это инженер, гений 6-й роты. У него не голова, а целый глобус...

ПЕРВОЕ КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Сегодня первое комсомольское собрание 5-й роты. Собрались ребята в недоконченной ленуголке. Конечно, пришедший из 2-й роты в гости Капернаут сел на мою диаграмму о росте партии и, измазав всю диаграмму, отметил себе некоторую часть тела красной краской.

Президиум — я и Симонов. Симонов ведет заседание. И кажется, что вновь родная комсомольская, заводская ячейка, опять знакомые и понятные вопросы, опять родная комсомольская семья.

Где бы они ни были, комсомольцы: на заводе ли, в деревне, там, за далеким рубежом, или здесь в Красной армии — всюду они близки друг другу, всегда они друг друга узнают и сроднятся...

Доклад делает политрук марийской роты Шиманский. Это — высокий суровый мужчина, с резкими чертами лица. На груди Шиманского значок «За отличную стрельбу», значок, который повышает наше уважение к политруку.

Говорит докладчик о задачах комсомола в армии, и о том, что необычны эти задачи, и о дисциплине, и о примерности.

А потом, сообщив, что вопросы эти встанут еще на полковом собрании, переходит к основной теме об Октябрьской революции.

Прений нет по докладу. Еще стесняются ребята. Еще не привыкли к новой обстановке. И только маленький Саликаев, еле заметный из-за черной доски, говорит что-то по марийски.

— Он просит, чтобы вы о марийцах рассказали, — переводит, улыбаясь, знающий марийский язык Симонов.

Салим радостно машет головой. И глаза его ярко блестят из-за доски.

УТИН — ДЕЖУРНЫЙ

Бачилов получил сегодня из дому посылку. По сему поводу все угощаются сухарями и целый день что-нибудь жуют. А в канцелярии старшина устроил целое чаепитие. Во время чаепития принесли приказ и зачитали в нем, что Утин назначается помощником дежурного по полку.

Утин сразу переменялся. Прошла хандра. Даже вспотел от удовольствия.

Мигом полетел он в штаб и по дороге радостно сообщал всем, что назначен помдежем.

... Мы сидели в лунголке. Рисовали и мирно беседовали. Бачилов задавал вопросы на партийные темы, а писарь наш Велигжанин, широкий, как печь, мастерил как-то по-иному свой пояс, чтобы вечером во всей красе пойти гулять на «сковородку», на Серпуховскую площадь.

— 5-я рота, смирно! — вдруг загремел голос дежурного по соседней роте, и мы услышали, как кому-то отдают рапорт. Писарь быстро спрятал пояс, подтянулись и мы. Неровен час — сам командир полка.

Шаги приближались. Открылась дверь, и в комнату вошел... Утин. На боку у него болтался старый знакомый наган с ремнями и кистями. И весь он был важный и торжественный.

— Вот какой чести дождался,—сказал Утин.—Только год прошел, как я в армию поступил, а уже целую часть доверять стали. За сколько людей отвечаю. Вот как. Я уж приказал старшине 7-й роты «экстренно» дать одного кипя- тильщика. Буду ходить по полку, а дежурные всюду коман- довать будут «мирно». Вот как.

С завистью смотрел на Утина Велитжанин. А сам Утин уже удалялся, и где-то далеко за стеной во 2-й роте слыша- лась громкая команда...

ВОСПИТАННИКИ ПОЛКА

Поздно ночью привез вчера Свободов команду пополнения для нашей роты из Тверской губернии. Скоро заживет наша рота полной учебной жизнью. Кончаем оборудовать лен- уголок. Комроты вгрызается в каждую мелочь. Нужно, чтоб наш ленуголок был первым в полку.

Помогает нам клубный художник Титов, веселый курча- вый парнишка. Титов — воспитанник полка. Взяли его на бульваре. Рисовал он на-лету портреты прохожих. И на за- работок от этих незадачливых портретов кормился. Взяли Титова в полк, и остался он в нем. Помогает оборудовать ленуголки, клуб. Вступил в комсомол. Провели его прика- зом как воспитанника полка, и теперь Титов — один из главных наших общественников. Полковая обстановка по- бедила бульвар. Стал Титов активным дисциплинированным членом нашей красноармейской семьи.

Таких воспитанников несколько в полку. Большинство из них учится в музыкальном взводе... А сегодня в столовой увидели мы совсем махонького парнишку в огромном шлеме. Сидел парнишка и за обе щеки уписывал утрен- нюю кашу. Подсели мы к нему. Разговорились.

Дело было в деревне Большое Исберде, Шахмановской волости, Козловского уезда, Тамбовской губернии. Была в деревне Большое Исберде комсомольская ячейка, каких много рассеялось по деревням нашего Союза.

И в апреле месяце 1926 года пришел в ячейку сельский хозяин Василий Стрельников. Невелик был хозяин — 15 лет с хвостиком. Да и хозяйство-то оставили Стрельникову родители никудышное — можно сказать, совсем хозяйства не было. А на иждивении у Стрельникова двое ребят. Двое братишек: 8 и 12 лет.

Слышал Вася Стрельников о комсомоле. Решил комсомольцем стать.

Приняли Васю, до зимы работал Вася в ячейке. В политшколе состоял и даже решения XIV партсъезда изучал.

Прочел Вася в книжках комсомольских, что Ленин все говорил: учиться, учиться и учиться.

Очень хотел учиться Вася. А в деревне учить некому. Школу деревенскую прошел. Что же дальше?..

Крепко думал маленький комсомолец и решил: податься в Москву.

Будь что будет. Родных там нет. Путь тяжелый. Но ведь учиться надо. А Москва заманчиво зовет. И потом — Ленин говорил.

Оставил Вася братишек у дяди и за сотни верст из деревни Большое Исберде двинулся в Москву за учебой.

Маленький, на вид лет двенадцати, в огромной нахлобученной шапке явился в Москву мужичок с ноготок.

Москва велика. Куда итти... Знал Вася, что в казармах красноармейских земляк в Красной армии служит. Туда двинул.

Приютил земляк, накормил. У себя оставил.

Только нельзя же вечно в казармах. Не разрешается. Командир увидит, может нагоняй быть.

Раздобыл Вася где-то шлем красноармейский, сменил на него шапку свою и пошел в большую Москву искать учебы, искать, как на завод поступить. Ночью в роте спит — в казармах, а днем ходит — «чтоб учиться». Увидел Вася заводы. Большие. Совсем не то, что в Большом Исберде, и пуше прежнего учиться захотел.

В казарме, в ячейке научили Васю, куда пойти. Пошел в Московский комитет комсомола, там приветливо встретили — в райком направили, зарегистрировали, на биржу записали.

Ходил маленький комсомолец по Москве, мавзолей осмотрел — того Ильича, что учиться велел. Потом возвращался в казармы. Крепко засыпал, и снился ему завод и книжки, много книжек, а поверх всего стоял Ленин и говорил какую-то очень хорошую речь.

Настал наконец счастливый день для Васи.

Послали Васю на завод. Арматурный завод № 2.

Будет Вася Стрельников учеником слесаря. На большом заводе работать будет и учиться. Начали сбываться Васины сны. Маленький комсомолец из деревни Большое Исберде Тамбовской губернии добыл учебу.

Вечером в тот же день в казарме на койке земляка написал Вася письмо домой, а в письме том писал о планах своих: «Как устроюсь, братишек выпишу. Учиться братишкам надо, это — первое дело».

В ячейке арматурного завода № 2 в Москве прибавился новый член — маленький ученик слесаря Вася Стрельников... А так как нету еще у Васи комнаты и так как крепко полюбился он красноармейцам 2-й роты, заменили они ему роди-

телей. И стал маленький Вася Стрельников сыном 2-й роты... Родители очень довольны. А сын... Когда я спросил об этом у Васи, он глянул на меня из-под шлема и ничего не ответил. Я прочел ответ в его глубоких карих глазах.

Не одного воспитанника имеет полк. Были случаи, что и черной неблагодарностью платили они своим воспитателям. Одного даже пришлось удалить из полка за кражу.

Но это — единичные случаи. Большинство воспитанников выходит в жизнь крепкими, энергичными, закаленными ребятами, которым много пользы принесла армейская обстановка.

НА ДОКЛАДЕ БУБНОВА

Первый раз попал на гарнизонный актив. Доклад о XV партконференции делает Бубнов.

Здесь, на партийном собрании, нет никакого различия в чинах.

Мы, простые красноармейцы, сидим вперемишку с командирами с двумя—тремя ромбами.

Сказать бы какому-нибудь досужему белогвардейскому писаке, что солдат, рядовой, сидит рядом с «генералом», на равных правах с ним. Ни за что не поверит. Здесь все равны. Здесь собрание товарищей по партии.

Начальник ПУРа говорит о том, как идем мы к социализму, как пытается новая оппозиция сорвать наше строительство. Мы записываем его слова, чтобы потом проще и понятнее объяснить их товарищам в казарме.

Ведь там вечно изумленный Серогодский неминуемо встретит меня вопрошающим взглядом:

«Ну как там дела с оппозицией?.. Что говорил Бубнов?»

И, наверно, в этот вечер в канцелярии 6-й роты будет дольше обычного гореть свет.

Что значит требование дежурного итти спать, если нужно разрешить вопросы об оппозиции.

ЛЕНУГОЛОК

Работа в ленуголке подходит к концу. Целыми днями копошимся мы в нем. Уже готовы монтажные плакаты о Ленине, партии, советском строительстве.

В поте лица мне помогают Бачилов и Утин. А Симонов, приклеивая каждую картинку, обстоятельно расспрашивает меня об ее значении. Параллельно украшению ленуголка проходят целые лекции.

Сегодня нам прислали помощников. В ленуголок быстрыми шагами вошли два красноармейца. Один — высокий, худой, белесый, другой — приземистый, с живыми глазами, сам весь какой-то быстрый, словно ртуть. Это были двое из прибывшего пополнения, два товарища, с которыми шагали мы потом бок о бок по путям нашего армейского года. Один из них был наш главный чертежник Поташенок, другой носил звучную фамилию Грамм. Это был впоследствии наш любимый организатор вечеров самодеятельности. Быстрым шагом подошли они к нам и отрапортовали по-всеценому: «Молодые красноармейцы Поташенок и Грамм явились в ваше распоряжение». И хоть приложились они к шлему левой рукой вместо правой, рапорт нам чрезвычайно понравился.

Потом, уже много после, сознался мне Грамм, что приняли они меня за политрука, что, конечно, очень польстило моему самолюбию.

Работа быстро закипела. Комроты Ильиченко не привык, чтоб у него бездельничали. Разрешая попутно целый ряд

вопросов, разъясняя Бачилову значение крестьянского займа, выслушивая «доклад» писаря Велигжанина о вчерашней гулянке на «сковородке» (такую кличку носил бульвар на Серпуховской площади), мы быстрым темпом «обстраивали» ленуголок.

Комроты особенно требовал, чтоб хороша была стена оружия.

Стрелковое дело было специальностью Ильиченко.

— Умственность у него лежит к стрелковому делу,— говорил наш каптер Вершинин.

Достали мы где-то в клубе и бюст Ильича. Соорудили целый памятник. Декорировали его. И теперь Поташенок сидел и внимательно вырисовывал буквы красной присяги.

Комроты требовал, чтоб одна буква была точка в точку похожа на другую, и бедный Поташенок второй день рисовал буквы.

Мы с Граммом писали на полотне плакаты для стен. В углу художник Титов пристраивал цепи к нарисованной руке из-за решетки. Это был уголок МОПРа.

Грамму только что сделали второй укол, и вся его жизнерадостность погасла. Он корчился, ныл и жаловался на боль в спине, а уголок надо было кончать. В помощь нам прислали еще несколько новичков из карантина. Были это инженеры, которых после двух месяцев службы в полку должны были послать на военные заводы.

Особенно выделялся один из них. По толщине соперничал он с Капернаутом.

Был он абсолютно лыс. Носил пенснэ. Но так как одно стекло было разбито, то вставлял в глаз монокль. Он старался казаться бравым молодцом. Все это в соединении с какой-то кургузой шинеленкой производило весьма комичное впечатление.

Смотрели инженеры на все свысока. Работать не хотели. Еле-еле выжимали мы из них нужные нам плакаты.

Так скоро и расстались мы с ними. Остался с нами только один, тот самый с моноклем. Звали его Рабинер. Он доставил нам впоследствии не мало веселых минут.

Перед окончанием оборудования ленуголка явилась полковая комиссия во главе с комиссаром полка.

Долго осматривали уголок. В общем впечатление осталось хорошее. Но каждый член комиссии находил что-либо свое, что нужно было дополнить или исправить. Я ходил по пятам за комиссаром и страшно нервничал по поводу каждого замечания. Но комроты был спокоен. Потом, когда ушла комиссия, он с украинским юмором объяснил мне:

— Що ж їй робити цій комісії, як не критикувати.

«У НАС НЕТ ВРАГОВ»

Сегодня в ленуголке был большой день. Внезапно собрали все пополнение, пришел командир полка и открыл экстренное собрание. Народу набилось битком.

К столу вызвали двух красноармейцев. Были они бледны и в глазах светилось какое-то упорство. Один все время подрагивал мелкой дрожью.

— Почему вы отказываетесь брать оружие?—спросил командир полка.

— У нас нет врагов,—тихо и упорно сказал более низкий.

— Почему вы этого не говорили там, при призыве, а решили только в полку...

Молчание...

Оба сжали губы и, видимо, вообще не хотят ничего говорить.

— А если помещик опять заберет вашу землю и будет убивать отцов ваших. Вы что, смолчите ему?..

— У нас нет врагов,—так же тихо и упорно сказал низкий, и взгляд, полный какой-то жуткой ненависти, метнул в командира полка.

Другой—высокий—смотрел все время в землю и нервно подрагивал.

— Вы что хотите, чтоб другие вас защищали, а сами будете на печи лежать?..

— У нас нет врагов,—так же упрямо и безнадежно повторил красноармеец.

И в этом упорстве было что-то до такой степени тупое и беспросветное, что командир полка начал терять спокойствие.

Вдруг страшный треск раздался в лугулке. Все обернулись и увидели Капернаута, медленно поднимающегося с разрушенного им щита. Капернаут хотел получше разглядеть, а щит был из фанеры. Результат был сейчас перед нами.

Несмотря на всю серьезность момента, нельзя было не смеяться, глядя на эту смешную физиономию и неловкую фигуру. А тут еще Рабинер, взобравшись куда-то наверх и вставив в глаз свой монокль, с высоты обзирал поле битвы...

Улыбнулся даже комполка. Только двое «непротивленцев» стояли у стола и так же тупо смотрели в землю.

Опять начался поединок.

— Так как же?—спросил комполка.—Если вы не хотите защищать себя и товарищей, тогда мы — ваши враги.

Какая-то мимолетная гримаса пробежала по лицу низкого красноармейца, но потом он так же тупо и безразлично повторил опять свою заученную фразу:

— У нас нет врагов.

И тогда сзади звонкий голос повис в воздухе:

— А когда вчера в роте ты дубасил Петрова за кусок сахара, у тебя тоже не было врагов...

Симонов вызывающе глядел на «непротивленца».

— А когда матом крыл дежурного—ты тоже чистым и невинненьким был. А?... Знаем мы вас, лодырей...

Еще сильнее забила нервная дрожь второго красноармейца. А «вождь»—низкий—хотел было что-то сказать, но потом одумался, еще плотнее сжал губы и тупо уставился в землю.

— Наша армия—своя, родная, рабочая и крестьянская армия,—сказал комполка.—Мы обучаем вас, крестьян и рабочих, защищать свою землю, свои фабрики и заводы. По нашим законам сектанты, не носящие оружия, если они заранее заявят об этом, задолго до призыва, освобождаются призывными комиссиями. Но тот, кто симулирует, кто, приехав в армию, отказывается служить, кто обманывает нас, тот врет, говоря, что у него нет врагов. Мы—его враги. Он—наш враг. Он не хочет стоять плечо к плечу с нами на защите нашей рабоче-крестьянской власти. А кто не с нами—тот против нас. Он помогает нашим врагам.

Внимательно слушали молодые красноармейцы. Этот день, видно, много принес каждому из них.

Как отверженные, как чужие в красноармейской семье, стояли два непротивленца. Так же безнадежно смотрели они в землю... Будто в земле был какой-то ответ.

— Подумайте еще до завтра и приходите ко мне,—сказал комполка, закрывая собрание.

В этот вечер в лугулке, как и на койках, долго обсуждали мы этот случай. Большинство ребят отнеслось к «героям дня» насмешливо и презрительно: «лодыри и симулянты...»

А потом перед поверкой долго пели мы самые разнообразные песни, познакомились с голосами.

И на площадке на смену марийским заунывным звукам несло:

С неба полуденного,
Жара, не подступи.
Конница
Буденного
Раскинулась
в степи.

ПОТАШЕНОК И РАБИНЕР — ИЗОБРЕТАТЕЛИ

Начались строевые занятия. Пришло и в нашу роту пополнение.

Шумом наполнилось помещение. Хорошая сотня человек разместилась на койках. Были они из Рязанской, Владимирской, Костромской губерний.

Москвичей в роте было всего пять: я, Поташенок, Рабинер и пришедший впоследствии доктор Янов и драматург Цильский.

Пришли ребята прямо из карантина. Мы, «старые бойцы», с гордым видом разъясняли им казарменные порядки и отвечали на все вопросы. Все новички резко разделялись на две части. Первая группа—присланные к нам дослуживать второй год красноармейцы 1903 года из разных конвойных частей. Это были расхлябанные, малодисциплинированные ребята, перевоспитать которых было очень трудно. Вторая группа—молодняк, новобранцы. С ними предстояла большая, сложная и интересная работа.

Выстроилась вся рота вдоль стен длинного коридора.

Вышел вперед старшина наш, украинец Манжаров, и гаркнул во всю глотку:

— Ра-авня-я-й-сь!

Гармоникой выровнялась рота. Не пришли еще те дни, когда ровненькая линия протягивалась от одного края коридора до другого.

И когда из дверей канцелярии вышел комроты Ильиченко, рывкнул Манжаров:

— Сми-рно, равнение направо!..

И побежал докладывать!

— Товарищ командир роты. Рота в количестве 102 человек построена для занятий.

Командир принял роту и начал сам ее равнять. Ох, умел равнять командир Ильиченко! От одного баса его мигом надлежащее положение принимали бойцы. И если Манжаров командовал протяжно: «Равня-я-йсь», то Ильиченко любил сухие отрывистые команды: «Рвнсь!..»

И если на минуту замедляли равнение, за этим немедленно следовало: «Отствть!», что значило—отставить и потом равняться снова.

Умел муштровать роту Ильиченко. Умел в пот вгонять красноармейцев...

Рассчитали роту. Разбили по взводам и на каждый взвод стали наши друзья, помкомвзвода: Утин, Бачилов, Велигжанин. Они сразу приняли начальствующий тон, вспомнили, как их учили в прошлом году, и начали учебу своих взводов... Но, несмотря на всю их «начальственность», ребята чувствовали в них «своих» и, окружив, закидывали всевозможными вопросами...

! Рабинер и Поташенок долго о чем-то таинственно совещались с комроты.

Концом уха слышал я, что готовится нечто грандиозное. Действительно они предложили построить электрифицированную наводку.

Путем разных соединений проводов и зажигающихся лампочек у них при наводке со станка можно было видеть мельчайшие отклонения винтовки от цели. Командир роты был в восторге. На радостях он дал и тому и другому на день отпуск.

Поташенок и Рабинер ушли, весело обсуждая детали своего изобретения.

Тонкость наводки оказалась столь велика, что винтовка отклонялась даже от дыхания. Пользоваться ею было страшно трудно. Хитрый Рабинер придумал гигантский по своему остроумию план.

Целую неделю он строил станок и выправлял его. К концу недели станок был готов, и в знак поощрения командир роты дал изобретателю отпуск до понедельника.

В понедельник станок портился. Вся история была до того хрупка и тонка, что было бы чудом, если бы она не портилась.

Целую неделю Рабинер подправлял станок. К субботе он был в полной исправности, и Рабинер уходил в отпуск.

Так продолжалась эта сказка про белого бычка целый месяц, пока Рабинер не придумал какого-то другого изобретения.

«ШЕСТАЯ РОТА, ВСТАВАЙ!»

Шесть часов утра... Рота спит. У столика дежурного бодрствуют двое: дежурный и дневальный—на страже роты. Минутная стрелка уперлась в цифру 12, а часовая упорно остановилась на шести. Шесть часов. С площадки слышатся переливы трубы. Знакомые привычные переливы. И вмиг ожила рота. «Шестая рота, вставай!»—кричит дежурный.

Со всех коек поднимаются белые фигуры. Вставать сначала неохота. Если бы хоть минут пять потянуться под одеялом. Но по взводам слышится уже новая команда:

— К гимнастике пригото^вьсь!

Некогда потягиваться. Глядишь пять минут просрочишь, а там и пойдут опаздывания на поверку, на чай. Пять минут под ряд в роте слышится мерная команда: «Де-елай раз, де-елай два...» Вверх поднимаются руки, ноги. Мускулы расправляются, готовятся к дневным занятиям... У умывальника всегда смех. Всегда ротные шутники у умывальника отмачивают какую-нибудь шутку.

— А ну, Сорокин, что хмур? Небось во сне наряд видел...

— Сон в руку,—зловеще сообщает ротный весельчак, подпоясанный полотенцем.

Сорокин лениво отгрызается, усердно намыливая левую щеку.

Запоздавшие красноармейцы стремглав несутся с полотенцами, когда рота становится на поверку. Поверка прошла — значит трудовой день начался. Сегодня поверка оружия у старых красноармейцев 1903 г., которые уже имеют винтовки.

— А ну, Сорокин, покажи винтовку, — спрашивает отделком.

Сорокин мрачно протягивает свое оружие.

— О-го-го,—качает головой отделком.—Да у тебя в стволе, как в печной трубе. А еще старый боец, никогда винтовка не чищена. Получай наряд вне очереди на кухню...

Соседи Сорокина давятся от смеха. Вот те и сон... Поблескивая винтовками и лязгая сворачиваемыми затворами, расходится рота с поверки.

Завтрак... За завтраком пропадают остатки сна. Да и пора. На ходу не очень заснешь.

Первый час сегодня—физкультура. Маршировка, гимнастика, прыжки. Шиплет мороз. Краснеют уши, шлем сам собою сползает глубже.

Но на морозе в перерыве особенно хорошо побороться, поразмять кости, попрыгать в петушином бою. На занятиях полное спокойствие. Прежде всего четкость. Четок должен быть каждый шаг, каждое движение. Это подготовка к боевым дням.

Чем труднее на учебе, тем легче будет в бою. Тогда учиться будет поздно. Сочно хрустит снег. Ротная колонна разбивается на взводы, взводы—на отделения. Весь плац кишит красноармейскими фигурами в этот час дневной учебы. Рота проходит мимо роты. Встречаются глазами земляки. Улыбаются одними глазами. Идут дальше, рассыпаются в змейки, в стайки. Снова собираются.

Тяжело кряхтит снежное поле. Здорово ему сегодня досталось от крепких каблуков бойцов.

А первый взвод сегодня на лыжах. Стройной лентой протянулись лыжники.

Жарко, несмотря на мороз, и к концу часа пот градом катится с лыжников.

Слышен звук рожка. Одна за другой стягиваются роты к казарме.

С песнями идут походные колонны. Громко звучит в морозном воздухе:

Мы готовы для похода,
Нам не страшен белый враг.
Эй, дружной, шестая рота,
Выше ногу, тверже шаг.

Это—ротный марш. Трудно еще прививаются новые песни. Больше любят петь по-старинке. Но есть и новые.

Последняя рота вступила в ворота казармы.

Ставятся винтовки, берется другое оружие—книга и тетрадка. На очереди политчас.

САЛЬНИКОВ НЕ ВЕРИТ В СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА

По поручению комиссара веду в роте политчасы.

Сегодня до начала программы беседовали о международном положении—о событиях в Китае.

Ребята слушают с интересом. Вопросов уйма.

— Все равно не запомнишь всяких Джан Фан-синов и Фын-Сянов,—говорит худой высокий парень Сальников.—Ты бы рассказал просто, без фамилий.

— Как же без фамилий,—говорят другие.—Без фамилий нельзя. Только поменьше бы их.

В общем насчет фамилий договариваемся. Беседа проходит живо. Симонов даже берется организовать внешкольную группу специально по китайскому вопросу.

Потом занятия винтовкой. Многие знают уже ее по допризывке. Но некоторые видят разобранную винтовку впервые.

В нашей группе преподает Утин. С серьезным видом берет он каждую часть винтовки и занимается «по своей методе», как говорит он. Сначала спрашивает, а потом объясняет.

Говорить ему, что это старый, испытанный метод, не стоит, он все равно останется глубоко убежден, что это его собственный метод.

Объясняет он строго, по порядку, по уставу. Когда подошедший комвзвода Свободов начинает рассказывать своими словами, он с неодобрением смотрит в устав и показывает головой.

Добродушный красноармеец Малышев, бывший слесарь, с трудом усваивающий политграмоту, здесь бойко называет все части винтовки, не ошибаясь и не путая. Это его стихия. Он хочет даже рассказать о взаимодействии частей винтовки, но его осаживают. Этого сегодня не требуется. Он неудовлетворенный садится.

Полных занятий еще нет.

Завтра торжественное открытие ленуголка и открытие учебы.

Вечером первое комсомольское собрание роты. Знакомимся друг с другом. Всего комсомольцев в роте 8 человек.

Говорим о работе, о кружках, партшколах. Потом приходит полковой организатор комсомола Карманов, он же политрук нашей роты.

С Василь Васильичем Кармановым мы сразу хорошо сошлись. Старый активист-комсомолец, бывший агитпроп какого-то губкома, попал он в армию красноармейцем и так в ней и засел. Теперь политруком третий год. Это — веселый, простой парень, один из тех душа-ребят, которых так любят у нас в комсомоле. Василь Васильич знакомит ребят с тем, что за птица такая комсомельская группа содействия партии, говорит о помощи командованию, о внешкольной работе. Потом выборы комсомольского организатора. Выбирают меня. Помощником предлагаю Утина. Но он внезапно раздражается речью:

— Хочу работать... И курсы кончил. А не могу. Сердце не лежит сейчас. Дома раззор. Домой бы...

Это сейчас обычная песня Утина. Много разговоров веду я с ним на эту тему. Не одно письмо пишу с ним на родину братишке.

Помощником выбирают Симонова.

Вечером на койках после проверки разгораются споры. На многих койках поднимаются белые фигуры и ведут длинные разговоры, пока дежурный не тушит свет. Разговоры эти интересные и разнообразные. В каптерке в углу спорят каптеры о «бабах». Как к какой подойти и какой разговор повести лучше. А рядом со мной подымается Сальников и задает вопрос: «А что такое социализм?» Вопрос сложный. Не ответишь на него сразу. Объясняю, говорю о классах, о будущем обществе. А Сальников отрицательно качает головой.

— Нет, не построим мы социализма. Средств нету. И потом никогда не будут равными все. Кто у власти, тот и живет хорошо.

К разговору прислушиваются многие. Я выкладываю перед Сальниковым цифры, говорю о Днепрострое и Волховстрое. Но он все так же покачивает головой:

— Нет, не осилить нам. Мало все это. Всегда будем плохо жить...

Со всех коек идут рассказы про свои деревни. Споры без конца. У меня солидная армия помощников. Комсомольцы доказывают, убеждают.

И сзади слышу возмущенный голос Симонова:

— А вот попробуй ты без рабочего прожить, что у тебя выйдет...

Дежурный гасит свет, и все погружается в тьму.

...Открыли ротную передвижку.

В первый же день разобрали все книги. Ротбидом назначили Бачилова. И его столик напоминал осажденную крепость.

— Мне Демьяна...

- Мне 2-ю часть Ярославского.
- О религии дай.
- Насчет комсомолу.
- Чтоб с картинками, поинтересней.

Сорокина поймали в уборной, докуривавшим диаграмму роста комсомола. Решили устроить показательный суд.

Жизнь ленуголка идет полным ходом...

ДОКТОР ФИЛОСОФСТВУЕТ

Пришел новый красноармеец—доктор Янов. Ему служить красноармейцем только два месяца. Потом дослуживать будет врачом в околотке.

Рабинер взялся объяснять ему ротную жизнь.

— Ну и запущу я ему арапа,—говорил он.

— Зверства неимоверные. Комроты каждый день по десятку человек на губу отправляет... (Губой называли мы гауптвахту).

Доктор был сильно напуган. Но это было только первое время. Он быстро освоился и стал устраивать «доску здоровья». Ильиченко для всех находил работу.

По вечерам после проверки, когда начинаются обычные долгие разговоры на койках, доктор с Рабинером тоже беседуют.

Легли они рядом и до остервенения спорят каждый вечер. Главная тема у них: «абсолютно ли человеческое знание?» Споры идут сугубо философские. Соседи их в спорах понимают мало, но с интересом вслушиваются и весело ржут, когда Рабинер отпустит какое-нибудь забористое словцо, на которые он большой мастер. Так вот в 6-й роте на койках и пытаются решить двое философов вопрос: «абсолютно ли человеческое знание?» И в казарменном воздухе реют Ницше, Спиноза, Каутский, Ипполит Тэн.

Доктор—вообще любитель пофилософствовать. Сегодня на пути в баню стал он со мной в один ряд, и всю дорогу мы вели длинные и «сурьезные» разговоры о философии Ницше, о степени мелкобуржуазности Генриха Ибсена, о «бунте ради бунта».

Несколько раз сурово кричал на нас Утин и обещал дать по наряду. Но что значит один наряд в сравнении с философией Ницше.

А в бане мы усердно мылили друг другу спины, и где-то в облаках банного пара витал Ибсеновский Бранд.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ РАБИНЕРА.

ОТКРЫТИЕ ЛЕНУГОЛКА

Сегодня наконец открывается наш ленуголок. Рабинер развел в уголке такую электрификацию, что буквально опасно к чему-либо прикоснуться — того и жди ударит ток.

Нет больше в ленуголке стружек, обрывков материй. Торжественно и ярко...

Длинный стол покрыт красным сукном. За столом вся рота. Торжественное собрание открывает Ильиченко.

— Завтра начинается серьезная учеба. Каждый из нас должен стать закаленным бойцом, знающим, за что он борется и что защищает. За два года службы вы научитесь многому, важному и необходимому для вас... Сегодня мы открываем ленуголок. Здесь мы будем проводить внешкольную работу. Если в учебное время я буду для вас командиром и командиром строгим, то здесь я буду вашим старшим товарищем. Я призываю вас к сознательной, дружной учебе и соблюдению дисциплины.

Умел крепко говорить Ильиченко. После его речи стало еще торжественней. Потом говорил Василь Васильич.

Он сравнивал старую армию с нашей. И так было не похоже все, что переживали, на то, что читали о старой армии, что даже чудным казалось, как могли служить в то время.

Отвечали от красноармейцев я и Симонов. С особым подъемом говорили мы торжественные слова, с особым вкусом говорили о себе, как о бойцах, и обещали хранить традиции боевой Красной армии.

Когда говорил Симонов, удивился я: как вырос и как растет с каждым днем этот рядовой крестьянский парень из Бирского кантона.

Радостно аплодировали красноармейцы, а потом комроты объявил от лица службы благодарность семи красноармейцам за оборудование ленуголка. В числе семи были фамилии и изобретателей Рабинера и Поташенка и искусного столяра Бачилова. После торжественной части был вечер самодеятельности или, иначе говоря, «кто во что горазд».

С сосредоточенным видом читал стихотворение Демьяна Недорезов. Необычайным басом пел старшина Манжаров. А невсрящий в социализм Сальников рассказывал комические сценки. Забредший было в гости из 2-й роты Капернаут тоже начал рассказывать анекдот, но так как остался до поверки только час, то кончить не успел и отложил до следующего вечера.

— 6-я рота, становись на поверку!..—закричал дежурный. Вечер самодеятельности был окончен. Завтра наступали обычные армейские будни...

КАПЕРНАУТ НА ЛЫЖАХ

Начинаем входить во вкус военной дисциплины.

Каждый день на группы разбивается рота, и отделкомы и помкомвзвода занимаются уставами. Уставов много.

Но первые из них—внутренний, гарнизонный и дисциплинарный.

Правду говоря, уставы—скучная материя. Сидим и вычитываем обязанности комроты, старшины, дежурного, дневального. Иногда клонит ко сну, и чтобы рассеять сонное настроение, берешь сам устав и читаешь вслух. «К чему учить, сколько кто кому нарядов даст,—смеется Сальников.—На практике узнаем».

Гораздо веселее—строевые занятия. Выходим мы на широкий плац—под командой Свободова—и там маршируем, занимаемся гимнастикой, играми.

Маршировка—это весьма важный момент в нашей жизни.

— Ходить у меня научитесь!—говорит Ильиченко.— Нечего шагать, как на бульваре, расхлябанной походкой и руками махать, как мельничными крыльями. Надо, чтоб все было четко и точно. В военном деле четкость—залог победы!

Мне никак не удавалось сначала совладать с руками. Казалось, ничего мудреного нет в том, чтобы сочетать шаги с движением правой или левой руки. Но как только я начинал об этом думать, обе руки начинали беспорядочно мотаться взад и вперед, и Утин весьма неодобрительно поглядывал на меня. В конце-концов научился и я махать во-время руками.

После маршировки скидывали мы пояса, и начиналась гимнастика.

Сколько смеха пенил морозный воздух в часы этой гимнастики. То Рабинер, не выдержав приседания, стремительно бухался в снег при громком, неудержимом хохоте всей роты. То Сальников, задумавшись, забывал про занятия и в то время, как все уже вставали, невозмутимо оставался сидеть на корточках. То Поташенок спокойно и реши-

тельно поворачивал в сторону, обратную команде, и, не замечая поворота других, несколько секунд выделялся из всей роты. Много было смешного и веселого. Командиры старались сделать из нас четких, исполнительных, гибких бойцов.

Мы не обижались, когда в пылу командования немножко крепче чем следовало обрушивался на нас комроты. Мы понимали, что делает он это не злобно, а потому, что искренно хочет выбить из нас «штатскую» расхлябанность. Особенно тяжело было только, когда крепчали морозы. Иногда пробиало чуть ли не до слез.

Не любили мы старшины Манжарова.

Основной мечтой Манжарова было отличиться перед начальством, показаться лучше других старшин. За это вечное подхалимство по отношению к высшим и грубость к нам с первого дня не взлюбили мы Манжарова.

Вскоре начали учить нас и упражнениям с винтовкой. Красиво взлетала винтовка в руках Ильиченко, когда он показывал нам упражнения. Ловко и четко делал он все фигуры. И нам никак не удавалось сделать хоть что-нибудь похожее.

А иногда ходили на лыжах. Это были любимые наши часы. Завзятым лыжником был Свободов. Он и был начальником всех лыжных походов. Брели мы на плечо длинные лыжи. Спускались во двор, прилаживали их и неслись на плац, на бульвары, окаймлявшие Даниловский рынок, за город. Тщетно старался Свободов установить какой-либо порядок, тщетно пытался уговорить более сильных не убегать вперед. Сам хороший лыжник, он тоже быстро входил в азарт и мчался с авангардом отряда.

На огромное расстояние растягивался цепью наш взвод. Далеко впереди мчались передовики, а где-нибудь сзади,

близ казармы брел на расходящихся в сторону лыжах Сорокин. Он обычно был замыкающим.

Лучшим лыжником оказался у нас изобретатель Рабинер. Это сразу повысило к нему уважение роты.

Сначала трудно было научиться ходить на лыжах. Ноги беспомощно скользили или расходились, или выскакивали из ремешков лыж, и я беспомощно плюхался носом в снег. Но через два похода ходил я уже среди передовиков.

Не всем легко давалась эта наука. Бывало занимаемся мы гимнастикой на плацу, когда из лыжного похода возвращается 2-я рота. Быстро мчатся лыжники в ворота казармы. И потом, когда уже забыли мы о них, вдали показывается мрачная фигура «старика» Капернаута с лыжами подмышкой. «Старик» нагоняет свою роту.

ПОЛИТЧАСЫ В ШЕСТОЙ РОТЕ

После строя обычно бывают политчасы.

Ребята относятся к политике с интересом. Чтобы сделать политчасы интереснее, мы прибегаем к внешкольным методам. Идет, положим, тема о дисциплине—устроиваем суд над недисциплинированными красноармейцами. Выступают защитники, обвинители, свидетели. Понемногу вся рота втягивается в занятие. Прокурором выступает большей частью Симонов. Он кроет недисциплинированного красноармейца, как настоящий Крыленко. Но иногда и защитник задористый, и бой идет во-всю. К судам мы приспособили и темы о военной тайне, и о бережливости, и многое другое..

Иногда по какому-либо вопросу устраиваем инсценировку сельского схода. Тут уже широкое поле для развертывания самых различных мнений. Застрельщиками почти всегда

выступают с одной стороны Симонов, с другой—Сальников.

Бой идет во-всю.

Симонов подбирает группу комсомольцев-помощников и заранее готовится к политчасу. Незаметно то же делает и Сальников.

В общем активности хоть отбавляй.

Проводим мы и политрулетку. Готовим и политбой между взводами.

Больше всего вопросов крестьянских. Каждый, даже совсем не по теме, приносит на политчас свои наболевшие вопросы.

— А почему у нас предсельсовета семьям красноармейцев помощи не оказывает?—возмущается толстый Андреев.

— Вот ты говоришь, будто крестьянству лучше стало, а вот у меня раньше три коровы было, а теперь две,—заявляет юркий, маленький Зверев.

Вопросов тьма и всегда начинаются они на политчасе и переходят на вечер в ленуголок и выливаются после проверки в длинные, бесконечные разговоры на койках. Но активны не все. Вот например Чирков раз и навсегда категорически заявил, что не понимает он политики, и на все вопросы отмалчивается и упрямо вертит головой.

Но таких, как Чирков, немного. Симоновых становится все больше с каждым днем.

Рабинер не участвует в политчасах. Он большей частью сидит в углу, в ленуголке, и мастерит какую-нибудь диковинную штуку.

Мы соорудили с ним по плану Ильиченко политтир. Нарисовали на папках фигуры Чемберлена, Пилсудского, Муссолини и других и приспособили к ним пружинный механизм.

По фигурам этим идет ожесточенная стрельба дробинками. Если стрелок попадает, Чемберлен моментально опрокиды-

вается, выскакивает другая пластинка с текстом, гласящим о последних художествах Чемберлена. Удачный стрелок подходит и прочитывает текст.

Политтир привлек к себе общее внимание роты. Стрельба дробинками не прекращалась.

Ильиченко на верху блаженства. Ни в какой другой роте этого нет...

КРАСНАЯ КНИГА

...Лежит эта книга в углу на столике в помещении нашего клуба. И листы ее о многом говорят. Говорят немецкими, французскими, итальянскими, английскими, китайскими словами, но одним языком—языком революции. И страницы книги то переносят нас в Испанию, Англию, Италию, то крупными затейливыми иероглифами разговаривает с нами далекий Китай.

Переворачиваешь страницы, вчитываешься в отдельные строки и чувствуешь, как одним живет и дышит эта истрепанная, но бесконечно дорогая нам красная книга.

Представители мирового пролетариата, побывав в столице красной республики советов, не могли не посетить красных бойцов.

Они знают и любят Красную армию по газетам, по книгам, по описаниям, но сейчас они увидели живых бойцов, их быт и их учебу.

«Мы очень рады приветствовать рабочих и крестьян, как солдат главного города, и убедить мир в том, что перед нами не только солдаты, но и бойцы за пролетариат». Так пишет чехо-словацкая рабочая делегация.

«Бойцы за пролетариат»—это почетное имя. «Бойцы за мировой пролетариат»—это очень почетное имя.

«Пусть солдаты Красной армии примут глубокую благодарность молодого французского пролетариата. Будьте стойки, солдаты международной Красной армии. Мы скоро придем к вам принять участие в борьбе, чтобы нанести смертельный удар международной буржуазии»,—это из письма молодых французских пролетариев. Из письма, где много и других жарких, палящих строк.

Так пишут многие другие рабочие делегации: бельгийцы, немцы, испанцы, делегаты английских студентов, японские делегаты. Разные, совсем разные слова, но один язык—язык революции. И среди других идут большие китайские письма, словно не слова это, а рисунки. И рисунками этими говорят китайские пролетарии, ныне студенты университета имени Сун-Ят-Сена, говорят просто и сердечно советским бойцам:

«Наши лучшие друзья и надежные бойцы русского пролетариата. Вы не только brave защитники советской власти, но и сильная опора всех революционных, угнетенных народов всего мира».

Еще страница, другая, и из Китая мы переносимся в Испанию и читаем пылкие строки депутата испанского парламента. «В тот день, когда Испания будет иметь такую армию, как Россия, в тот день погибнет империализм».

Далее, дальше по страницам книги. Мелкие строки афганцев, приветы, восторженные приветы немецкой рабочей делегации, делегатов 7-го пленума ИККИ. И когда я всматриваюсь в эти строчки, я вспоминаю большой зал клуба, наполненный красноармейцами, и среди них старика, болгарского делегата Коминтерна, горячо бросающего красным бойцам слова: «Червената армия наистина ее

подготовя като авангард на международната пролетарска революция».

...В углу в клубе на столике лежит наша красная книга. О многом говорит она, говорит языком революции. И когда мы перелистываем эту книгу, мы вспоминаем о тех делегатах, которые посещали наш полк, мы думаем об их жизни и о том почетном имени, которое они дали нам «солдатам главного города». Имя это—«Бойцы за дело мирового пролетариата».

КОМИНТЕРН В ПОЛКУ

Сегодня большой день в полку. Сегодня борцы мирового пролетариата пришли к бойцам Красной армии. Сегодня делегаты Коммунистического интернационала посетили наш полк. И мы увидели тех, о ком так много читали в газетах и журналах, о ком так много говорили и в ленинском уголке и длинными вечерами на койках, о ком говорила красная книга на столике в углу читальни.

Торжественно гремел наш оркестр. Делегаты пламенной Испании и холодной Норвегии, делегаты Франции и далекой Кубы перемешались с бойцами полка. И я видел, как делегат острова Кубы оживленно разговаривал с Сальниковым.

Ю чем могли они говорить, не понимая друг друга? Почему так взволнован был Сальников? Может быть он спрашивал делегата Кубы о строительстве социализма. И может, он сумел понять незнакомый язык гонцов мировой революции. Да, речи делегатов были понятны, несмотря на незнакомый язык. Понятны были их жесты. Переводом служило уж то, что они, вожди и делегаты мирового пролетариата, сейчас находились в сердце страны советов, в красной Москве, среди нас—бойцов Красной армии.

Они ходили по казармам. Они интересовались буквально всем.

— А не бьют у вас солдат?—спрашивал на ломаном русском языке болгарин. Дружный хохот был ему ответом. А мариец Саликаев на таком же ломаном русском языке принимался рассказывать болгарину, как мы живем.

Обошли казармы, столовые, говорили с красноармейцами. А потом собрались делегаты в большом клубном зале. Начались речи. Приветствовал делегатов комполка Дмитриевский, и они отвечали на приветствия. Первым говорил болгарин. Встал он взволнованный и бледный, и целый каскад полуболгарских, полурусских слов плеснул в зал:

— Мы приехали не только заседать, но и посмотреть, что вы сделали за ваш великий труд на Ленин... Я первый раз здесь и вижу, что Россия грядет в социализм. Я увидел великая Красная армия. У нас казармы солдаты угнетаются на офицера, у вас командиры умные товарищи. Наши рабочие всегда помогать вам. Мы отнесем наши впечатления наших рабочих и крестьян. Да живе червената армия!..

— Вы—солдаты мировой революции,—сказал нам немецкий коммунист.—Вы знаете, зачем вы носите оружие.

Говорили представители Голландии, Испании, Канады. Когда нужно было ответить им, на сцену вышел старый знакомый, маленький Ваня Фуражкин, и сказал то, что думали мы все:

— Мы думаем не только о себе, но и о других странах. Не только на словах, но и на деле докажем, что мы—солдаты мировой революции.

Потом заиграл оркестр, и под своды зала мощно взлетели звуки Интернационала на десятках языков земного шара.

Это был большой день в полку. После этого дня окрепла Симоновская линия на политчасах и гнуться стал оппонент Сальников.

АФГАНЦЫ

Утром была у нас в ленуголке еще одна делегация. Делегация афганского командования. Мне указали на одного тучного афганца—начштаба афганских армий, будто бы понимающего по-русски.

Водил я афганца по уголку и долго объяснял ему устройство. Покорно слушал меня афганец и все время молчал, как рыба. «Ну и молчаливые же эти афганцы», решил я...

Потом оказалось, что вышла небольшая ошибка. По-русски понимал совсем другой афганец. Этот же знал только родной язык. И тогда я удивился вежливости афганца, около часа слушавшего мои не понятные ему объяснения.

ПЛЯСКА У ПУЛЕМЕТОВ

Вечером собрались у пулеметных стилажей и обсуждали вчерашний день. Рассказывал Симонов ребятам все, что знал о Коминтерне, и как борются рабочие на Западе. Заинтересовались ребята всем. Даже Сальников просил поподробней рассказать о Болгарии и о том, что делается там сейчас. Пришлось и мне помочь Симонову.

А потом тут же у пулеметов появилась гармошка. Плясуюю заиграл гармонист наш Никулин, сидя у страшного Максима, и пошли русскую откалывать ребята. Первой парой состоялись Сальников с Симоновым.

Тупо смотрели вперед пулеметы, и так веселы были переливы гармонии, что, казалось, крайнему Максиму

хотелось сойти со своего стилажа и пуститься со всеми в присядку.

Но близ него стоял, крепко ухватившись за него, Недоров и о чем-то, как всегда, думал...

ПРАЗДНИК ОРУЖИЯ

И каждый день был новым, необычайным.

Чудным казался утренний рожок. И так непривычно было вставать моментально после протяжного призыва дневального: «Вста-а-вай!»

Научились, научились быстро.

Весело мчались к умывальнику, а потом, посвежевшие, с каплями, блестящими в волосах, становились на поверку.

Длинной лентой протягивалась по коридору рота. И когда помкомвзвода подавал команду, каждый старался как можно молодцеватее вытянуться, чтобы больше походить на бравого красноармейца.

Не обходилось без смеха. Как всегда, первый повод подавал Капернаут. Бедняга никак не мог совладать со своей койкой, и к моменту поверки, когда все койки, ровнехонько покрытые, как бы равнялись одна на другую, среди всех Монбланом высилась койка Капернаута.

Уныло теребя концы пояса, становился он на поверку.

— Что там у вас, вихрь по койкам пронесся?—вопрошал старшина.

И под сдержанный смех товарищей Капернаут шагал к койке и вновь начинал борьбу с непокорным тюфяком.

— Первый. Второй. Десятый... Сорок восьмой...—гулко отдавалось по коридору.

А потом чай. После чая занятия.

Не легко привыкнуть к четкости и точности военного механизма.

Ничего... Привыкли. И сами удивлялись, как быстро из «гражданских людей» становились четкими, точными красноармейцами.

Но одно обижало нас. У стариков, у третьегодников, были винтовки и автоматы, а нам только показывали их. Не доверяли нам винтовки.

Некоторые из лучших стрелков еще по допризывке ежедневно с волнением принимались обсуждать вопрос: когда же дадут оружие...

Этот день был как все. Так же рано встали. Так же занимались на плацу.

Электрическим светом заблестел ленуголок. Вдруг приказание командира роты: собрать всю роту.

Пришел командир полка и следом начали вносить оружие. Были речи. Говорили о многом, и в центре всего было одно: большая честь носить оружие в советской стране. И мы этой чести достойны.

Гремел оркестр. По списку вызывал каждого командир роты и вручал ему боевое оружие.

Даже «старик» Капернаут еще сильнее стянул свой непослушный ремень и, стараясь не сбиваться с ноги, маршировал с винтовкой.

Потом все кончилось, и чинно стояли винтовки в пирамидах, поблескивая штыками.

Поздно вечером на койках шли оживленные разговоры. Много в них было своего, кровного, затаенного—о доме, о семье. Но в эти разговоры вклинивалось другое, и говорили о сегодняшнем празднике, о винтовке и о будущих днях.

В 11 часов вечера дневальный выключил свет.

Тьма заполнила казарму. Утихло все. Лишь мерно тикал будильник на столе у дежурного. Где-то на городской башне пробило двенадцать раз.

КОМСОМОЛЬЦЫ

На первом полковом комсомольском собрании доклад о задачах комсомола в армии делал Василь Васильич.

Говорил он, в сущности, то же, что и Шиманский. Об увязке с командованием, о примерности, о дисциплине.

После Василь Васильича первым попросил слова высокий красивый красноармеец из 2-й роты—Лысовский. Лысовский был в гражданском быту инструктором физкультуры. Был он вообще крупным спортсменом и впоследствии не один приз взял на всесоюзных красноармейских состязаниях. Но комсомольцем был Лысовский аховым.

И сейчас в его выступлении прорвались все те же «бузотерские настроения», которых не мало принес в армию из «гражданского быта» и которые не успел переварить.

— Все это хорошо—дисциплина и прочее. Понимаем это. Но ежели старшина ни за что ни про что наряд дает, или если я вижу, что помкомвзвода начинает мне что-либо объяснять, когда я в сто раз больше его знаю, когда я в тысячу раз грамотнее его—я что молчать должен? По-моему именно с этим должен бороться комсомол.

Словно искру бросил в пороховой погреб. Сразу многоголосым шумом взорвалось собрание.

Первый на трибуну выскочил Симонов.

— Да, вот именно бороться, но бороться комсомол должен не с командованием, которое учит нас, а с Лысовским. Мы должны помогать учебе, а не срывать ее, не устраивать бунтов. Неужели Лысовский не понимает этого, неужели

есть много таких!.. Этот вопрос надо до точки выяснить. Пусть товарищ Карманов еще разъяснит...

Тогда среди шума собрания попросил слова Капернаут.

Здесь не койку заправлять надо было, здесь была Капернаутская стихия. Был он до военной службы помпрокурора где-то в губернии. И теперь все свои прокурорские таланты выложил на собрании.

— Так, значит!—сказал он многозначительно, став в позу и ехидно глядя на Лысовского.—Вам, товарищ Лысовский, что здесь—армия или дискуссионный клуб? Вам командир будет приказывать, а вы вместо исполнения диспут откроете. Хорошенькая у вас будет армия, с позволения сказать... В клубе после занятий командир—ваш товарищ, а на занятиях соблаговолите исполнять приказания беспрекословно. Я даже удивляюсь, как в нашей среде могли появиться подобные мысли,—и Капернаут так искренно пожал плечами, что волна смеха прокатилась по собранию.

А Капернаут говорил. Ах, как любил говорить Капернаут. Он уже залез в историю комсомола и в историю гражданской войны. Казалось, конца не будет его красноречию.

Тревожно поглядывал на него докладчик. Безднадежно и страдальчески откинулся на спинку стула председатель...

— Я призываю вас к дисциплине. Будем бороться с такими взглядами, как у Лысовского...

Кончил Капернаут, и облегченно захлопал зал.

Были сторонники у Лысовского. Наверное были в этом зале. Но не высказался из них никто. И даже сам Лысовский, смущенно оправдываясь перед собранием, говорил, что его не так поняли.

Капернаут уже хлопал его по плечу и изъяснялся в лучших дружеских чувствах.

Говорили еще о марийцах, о работе в клубе.

Поздно кончили мы в тот вечер наше первое комсомольское собрание.

ДОЛОЙ «ДУНЬКУ»!

А в читальне рассказывали ротные анекдоты. Говорили, что Дыркину было поручено провести в 3-й роте учет членов МОПРа. Настолько восхитился уже Дыркин, что решил делать это по-военному. Попросил разрешения у старшины, вышел во время проверки перед строем и гаркнул:

— Члены МОПРа, два шага вперед—шагом марш!

Смущенный Дыркин, стоящий тут же, краснея, оправдывался. Над Дыркиным вообще любили посмеяться ребята. Принесли как-то из отпуска рака и положили ему на тумбочку. Утром рак был обнаружен командиром роты. И перед всем строем, держа рака за ус, грозно вопрошал комроты: чей это рак?

— Дыркинский!—гаркнула рота.

Краснее злополучного рака вышел из строя Дыркин и начал доказывать, что ему подбросили его.

Рота ржала до иступления. Не мог не смеяться и комроты.

Все же сделал он выговор всей роте и просил впредь прекратить такие шутки.

Во 2-й пульроте разучивали песни. С песнями горе у нас. Нет новых. Да и петь не хотят их. Неимоверных трудов стоит заставить разучивать Буденовский марш или другую революционную песню.

И вот построилась вся 2-я пульрота. Впереди старшина дирижирует и целый час орут на весь полк:

Е-если ра-анят о-очень сильно,
Отделе-енному скажи.

Это—одна из любимейших песен, а еще любят! «Сел солдат на бочку... Давай курнем разок...»

Часто нет никакого смысла в песнях, часто давно устарели они и режут слух, в роде:

Ты не вейся, черный ворон...

А вот, поди ж ты, поют. И в батарее, готовясь к вечеру самодеятельности, шестеро рослых, здоровых артиллеристов во весь голос с лихим присвистом разучивают:

Тиха украинская ночь...

Мы начали серьезную борьбу за новую песню. У нас в 6-й роте уже есть свой марш, который распеваем в походах.

Начинают разучивать уже и Буденовский и другие революционные марши.

«Долой «Дуньку!»—под таким лозунгом объявили мы войну старым песням.

А еще пришлось выдержать большую войну за гармошку. Не хотели давать ей права гражданства в ленуголке.

Разливалась она на площадке, отрывая туда из ленуголка огромное количество красноармейцев.

— Ну, куда вы с гармошкой в ленуголок лезете,—говорил командир 5-й роты Кулощин.—Разве это занятие для ленуголка? Здесь умственное нужно. А то—гармошка.

О гармошке провели мы целую дискуссию. И добыли ей все-таки гражданские права и почетное место в организации нашего досуга. Мы доказали, что можно совместить в ленуголке и серьезные кружки и гармошку. Всею свое время. Целые роты складывались и покупали гармошку.

Досуг наш принимал все более разнообразные формы. Гармошка была первой ступенью к шумовому оркестру.

...Чистка винтовок всем нам сначала давалась туго. Гораздо интересней было получать их под звуки оркестра, чем чистить.

Я расходовал невероятное количество тряпок. Часа два возились мы с чисткой винтовок. И если бы кто-нибудь сказал нам, что мы будем современем делать это за десять минут, мы бы с насмешкой прошли мимо такого фантазера.

Рабинер сегодня так здорово запустил шомпол в канал ствола, что вытаскивали его четыре человека. Рабинер уже считал свою винтовку исковерканной и реально представлял себя на скамье подсудимых.

УПАДОЧНЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Утин совсем захандрил. Собираются наши младшие командиры в каптерке и здесь ведут разговоры о жизни. Утин все плачется о доме, и неприятности, что в жизни встречаются, он клянет последними словами.

— Вот в театре в зал во время действия не пустили. Что, хорошо это? Неужто за такое отношение к красноармейцу мы боролись?.. Дома хозяйство разваливается, а здесь меня, красного бойца, в театр не пускают?

— Утин, друг, так это же никого во время действия не пускают.

— Э, знаем мы эти штуки...

Утину поддакивает каптер Вершинин, деревенский кулачок. Да и Бачилов под сильным его влиянием.

Так сидят они поздно вечером в каптерке и плачутся друг другу.

Рассказал я об этом политруку Карманову. Собрали мы срочно собрание партийно-комсомольское. Много говорили там, объясняли Утину, что нельзя ему, младшему коман-

диру-коммунисту, так поддаваться упадочным настроениям.

Крыли его и увещевали. Утин молчал.

Потом вечером поздно сидели мы с ним, толковали и писали письмо домой, братишке. Не со всем был согласен Утин с политруком.

— Не могу служить больше. Вся охота пропала.

Но обещал взять себя в руки.

Ротные дни наши приходили к концу. Еще несколько дней—и переведут нас в полковую школу. Начнутся дни новой учебы, появятся новые товарищи, новые командиры.

Мы теперь уже не были «новобранцами», ничего не смыслившими в военной жизни.

Поварились мы в армейском котле, подковались, и теперь будущая жизнь в школе не пугала уже нас. Хотя говорили нам, что там дисциплину не сравнить с ротной.

Пришел к Ильиченко старый наш знакомый, начальник школы Диванов, тот самый командир в пенсне, который был начальником карантина. И там за стеной левуголка, в канцелярии, составляли списки будущих курсантов школы.

Не все хотели идти, многие боялись учебы.

— Мне бы лучше куда-нибудь на технические или лекарские,—смущенно говорил Недорезов.—Нет у меня склонности к военному делу.

Произвели всем испытания. Часть направили на курсы санитарии. А лучшую часть—в полковую школу. В полковую школу, кроме нас, москвичей, попали Симонов, Сальников, Недорезов...

Собрали мы свои пожитки, чтоб перенести их через двор в помещение школы.

Ильиченко сказал последнюю напутственную речь. Простились мы с ним, с Утиным, Свободовым и, вскинув винтовки за спину, нагрузившись сундуками и постелями, пустились в великий путь через широкий казарменный двор в помещение полковой школы.

Предстояли новые дни и новые встречи.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Вот мы и в школе. Кончен первый этап военной службы. Наступает второй, более сложный, более серьезный, пожалуй более интересный.

Опять в школе встретились все старые друзья по карантину. По разным ротам были разбросаны они, и теперь снова собираются все вместе, снова соединяются в одну уже не просто красноармейскую, а курсантскую семью. Вот с огромной корзиной бредет из второй роты Капернаут, вот Дыркин тащит свои пожитки, а вот—ба!—старый знакомый, Ваня Фуражкин, шагает с сундучком через плечо.

Каждого встречаем радостными криками. Словно после долгой разлуки собираются вместе друзья и приятели.

— Ну, что, Валя, послужим?

— Послужим, Салка. Еще так навернем, что небу жарко будет.

А Капернаут уже объясняет в углу, в чем будет заключаться разница между ротой и школой.

— Капернаут! А как по-старому курсанты назывались?—любопытствует кто-то.

— Юнкера,—не задумываясь отвечает Капернаут. И сейчас же гордо добавляет.—А мы—ленинские юнкера.

— Ну и юнкирь...—мрачно замечает Сальников, оглядывая тучную капернаутовскую фигуру.—Ты можно сказать

не юнкирь, а полтора юнкиря... Вот Дыркина ему на задачу, как-раз два получится.

Грохочут ребята, и громче всех сам Капернаут.

Вся школа разбита на пять взводов и особую команду.

В особую команду входят все, имеющие среднее и высшее образование.

Школа готовит младших командиров, которые, кончая школу, 2-й год служат в нашем же полку, как отделкомы, помкомвзвода и старшины.

Особая команда—это одnogодичники. Служат в ней всего год, занимаются по особой программе и после экзаменов выпускаются средними командирами запаса.

Нас, грешных, в команде—62 человека.

Здесь инженеры и агрономы, и журналисты, и бухгалтера. Одним словом будто в Ноев ковчег особого типа собраны все представители советской интеллигенции.

Всего в школе до 300 курсантов.

Сегодня первая общая школьная поверка.

В одном коридоре не может поместиться школа. И тянется она длинной лентой, изгибаясь коленом в стыке двух коридоров. От нас, правофланговых, абсолютно закрыт левый фланг.

Здесь на поверке состоялось первое знакомство наше со старшиной школы Пишиковым. Был этот высокий красивый человек мастером на все руки. И рисовал, и стихи писал, и в стенгазете был первым.

Много воспоминаний осталось у нас о Пишикове.

Выровнял старшина всю школу и начал производить расчет.

— Первый... Второй... Двенадцатый... Тридцать девятый... Восемьдесят седьмой...

И откуда-то совсем издаалека долетало: сто тридцать первый... сто сороковой...

А потом вышел начальник школы.

Рапортовал наш старшина, словно автомат. Без запинки, быстро, словно пулемет, чеканил он слова рапорта.

Наш помкомвзвода—скромный, застенчивый парень Волков, с завистью смотря на старшину, говорил:

—Здоров старшина рапортовать.

Начальник школы глянул на нас сквозь стекла пенсне и сказал несколько слов о задачах учебы и работы в школе.

С первого же дня мы полюбили этого командира, который не любил кричать, не любил запугивать курсантов, но которого все удивительно слушались.

Он обладал большими воспитательными способностями. За все время школы я не могу припомнить ни одного курсанта, который сказал бы что-нибудь плохое о товарище Диванове.

Это был настоящий командир Красной армии. Рвался он в военную академию, но его не пустили туда из-за слабого здоровья. А это был бы великолепный академик-штабист.

...Первые дни в школе занимались мы повторением пройденного... Оказалось, что почти половина нашей команды не знает винтовки.

— Сколько частей в затворе, Капернаут?—спрашивает помкомвзвода. И Капернаут по подсказке отвечает: «семь».

— А ну-ка, разберите затвор!..

С большим трудом разбирал Капернаут затвор с помощью всей команды. Потом, показав шесть частей, долго искал на полу седьмую—выбрасыватель, думая, что уронил его. И когда рассказали ему, что выбрасыватель плотно соединен с 6-й частью, с боевой личинкой, и не отнимается от нее, и когда показали ему этот самый выбрасыватель на личинке—он был несказанно удивлен. Неливцев долго и мучительно соображал, сколько весит мулек.

— Два наряда,—наконец объяснил ему помкомвзвода.

— То-есть как это два наряда?..

— Да ведь мулек—это пустое место в хомутике штыка, куда проходит мушка, и ежели кто так долго раздумывает о весе этого пустого места, тому не меньше двух нарядов полагается. Потому и говорят, что мулек весит два наряда.

Так с грехом пополам осиливали мы винтовку...

Первым начальником команды прислали к нам командира взвода Кашина.

На первом же занятии Кашин представился нам.

— Я—ваш нынешний начальник. Человек я строгий. Прошу вас не забывать, что вы в казармах и должны мне беспрекословно подчиняться.

Первое знакомство оставило у нас самое неважное впечатление о нашем начальнике.

В первый же день на занятиях по военной администрации Дыркин попросил у Кашина поподробней объяснить какое-то совсем понятное положение.

— Нечего больше объяснять,—заявил раздраженно Кашин.—Я приказываю вам так понимать, и конечно...

Понимать по приказу—это было для нас совсем неприлично.

В перерыве мы возмущенно обсуждали и осуждали кашинскую методику.

А Дыркин стал навеки заклятым кашинским врагом. Вскоре уже по команде ходил написанный на Кашина памфлет. Начинался он так:

Был суров комвзвода Кашин,
Трепетал от страха взвод.
И курсанты содрогались—
Только глазом поведет.

На второй день команду разбили на пулеметный и стрелковый взводы. Я, Капернаут, Неливцев попали в стрелковый; Фуражкин и Дыркин—в пулеметный.

К нашему счастью и к великому горю Дыркина, Капина оставили командиром пулеметного взвода, а начальником всей команды и стрелкового взвода поставлен был молодой, невысокого роста командир Петров, с которым служили мы почти до конца года.

Петров был строгий командир. В оценке его резко разошлась команда. Некоторые ненавидели его. Другие очень полюбили. И о нем часто спорили курсанты.

Учеба в школе начинала разворачиваться во-всю.

ПАРТЯЧЕЙКА

Партсобрание школы собрали мы в первые же дни. Школа представляла собой все лучшие силы полка. Само собой разумеется, что партячейка и комсомольская группа школы должны были быть в полку самыми крепкими.

Партийцев набралось у нас до двадцати, комсомольцев—свыше сорока. Работать с такими силами можно было вполне.

Членами партии были и начальник школы Диванов и начальник нашей команды Петров. На всем протяжении школьной учебы была у нас с Дивановым самая крепкая и перушимая связь.

Почти все командиры взводов в школе были тоже партийцы.

Партийное собрание открыл школьный политрук Горовский, человек, который, несмотря на военную форму, казался абсолютно штатским. Ничего военного не было в фигуре и выправке нашего политрука.

Особенно неловко болтался всегда на боку его наган. Доклад о ближайшей работе ячейки сделал секретарь полкового бюро Попов.

Нового ничего не сказал Попов. Все мы и так знали о тех больших задачах, которые стояли перед нами. Основная задача была—воспитать из младшего командира не только строевика, но и крепкого общественника-партийца и комсомольца.

После Попова говорил Диванов об увязке работы командования с работой ячейки, по обязанности говорил Горовский и по обычаю своему Капернаут... Высказались еще несколько товарищей.

Наконец приступили мы к избранию бюро ячейки — органа, который должен был возглавлять нашу партработу на долгий период.

Друг друга мало еще знали. И потому внимательно прислушивались к характеристикам, которые от имени полкового бюро давал Попов. Избранными оказались Ваня Фуражкин, я и командир первого взвода Карташев, старый партиец и боец гражданской войны.

Кандидатами прошли хмурый, высокий агроном, с длинной фамилией, соответствовавшей его росту — Гостилицев — и курсант 3-го взвода Попков. На состоявшемся тут же комсомольском собрании комсомольским организатором школы был избран я и помощником моим — курсант 2-го взвода, старый верный товарищ мой — Симонов. Секретарем ячейки избрали мы единогласно Ваню Фуражкина.

Так приступила к работе наша партийная организация.

«ДИСЦИПЛИНКА»

А в команде начались новые порядки. Совсем не то, что было в ротах.

Дали нам старшину, огромного и басистого Сотникова, и помкомвзвода, тушующегося перед нами Волкова.

Отделками должны были по очереди быть мы сами. Это переполняло сердца наши гордостью...

Первым отделкомом нашего третьего отделения был белокурый агроном, с тонким аристократическим лицом—Василий Павлович Реголов.

Дисциплина пошла построже, чем в ротах. Мы это почувствовали в первую же ночь, когда среди ночи поднял половину курсантов старшина Сотников и заставил в строго уставном порядке разложить на тумбочках обмундирование.

Никогда не забыть мне белой фигуры бегающего в одном белье Реголова, суетливо инструктирующего в час ночи свое отделение—как правильно складывать брюки и гимнастерки...

В дверях канцелярии с видом Зевса-Громовержца стоял старшина Сотников.

ПОЧЕТНЫЙ СИМУЛЯНТ НЕЛИВЦЕВ

Первые дни пребывания нашего в школе совпали с годовщиной со дня смерти Ильича.

Надо было подготовить вечер. Да не один, а целых два. Все силы из рот были сосредоточены у нас в школе, и потому нам приходилось «культурой» обслуживать весь полк.

Суетливо бегал политрук наш Горовский. Это был человек, который всегда бегал, суетился, но как-то не умел организовать своего рабочего дня. Всегда и во всем он надеялся на других. И кажется, если бы этих «других» не было, он безнадежно проваливал бы всякую поручаемую ему работу. Вместе с тем он был хорошим парнем, и часто

по вечерам в комнате ячейки (а у нас имелась и такая) вели мы с ним длинные разговоры.

Но к красноармейцам подходить он не умел и особой любовью у них не пользовался.

При организации вечера пришлось опять мне столкнуться со старыми друзьями Неливцевым и Граммом. Неливцев до самой школы сберег свои пышные волосы, а Грамм был попрежнему весел и хлопотлив.

Неливцев был одним из интереснейших типов школы. Он вел большую, общественную работу, участвовал во всех вечерах, был присяжным конферансье. И хотя острил он довольно непритязательно и в кругу товарищей называли его «остряком-самоучкой», все же остроты его «доходили» и вызывали бурный смех.

Но обладал Неливцев особым талантом. Он удачно смылся с занятий. «Почетный симулянт» — была его вторая кличка.

Присутствие Неливцева на занятиях отмечалось нами как исключительный случай.

— Неливцев, куда ты? Сейчас топография будет.

— В околоток иду. Еле на ногах держусь...

Благодаря тому, что в околотке уже работал доктор Янов, Неливцев аккуратненько приносил записочки об освобождении на три дня.

Судя по запискам, это был безнадежно больной человек.

Когда у него не было освобождений от врача, он ходил по поручению начклуба за костюмами, за гримом, чорт его знает еще за чем, но... на занятиях его не бывало.

Впоследствии, во время летних трудных занятий, эти тактические исчезновения Неливцева стали поистине виртуозными.

Смывались иногда и другие.

А так как в ворота без увольнительного значка проникнуть было нельзя, открыли «новый путь». На дворе был у нас кооператив и через двери этого кооператива был беспрепятственный выход на улицу.

Там не было часового.

Этим-то путем и сматывались подчас «на сковородку» наши ребята.

И по поводу дороги этой ходила пословица: «Через кооперацию путь к сковородке».

ЛЕНИНСКИЙ ВЕЧЕР

Совместно с Неливцевым и Граммом принялись мы за организацию ленинского вечера. Пошли во взводы, выявили «самодельцев», составили программу.

Вся программа должна была быть организована своими силами.

Из посторонних пригласили мы только поэтов Безыменского и Шведова.

Репетировать времени почти совсем не осталось. Были мы уверены в позорном провале... Настроение у всех было ниже среднего.

А тут еще Горовский ходил около и торопил.

Ленуголок школы был больше и светлее ротного ленуголка.

Длинный стол, покрытый красным сукном. Ряды скамей, портреты и плакаты по стенам—все это создавало торжественное настроение.

Небольшой доклад сделал комполка Дмитриевский. Говорил он горячо. Поблескивали у него на груди два ордена Красного Знамени. Это делало обстановку еще более торжественной.

А потом... траурный марш заиграл наш полковой оркестр. Хороший был оркестр в нашем полку. И когда траурные звуки постепенно перешли в громкие, победные аккорды «Интернационала», запела вся школа. Пели и мы, устроители вечера. И мы уже не думали о том, что провалится вечер.

Вечер этот был исключительно ленинским. Не было юмора. Не было частушек и гармонии. Стихи, посвященные Ильичу, читали Шведов и Безыменский.

Последним читал какой-то отрывок Степа Кироков. Это был маленький армянин, лучший артист нашего полка.

Всегда веселый, всегда с готовой шуткой, великолепный товарищ и в походе и в быту—Степа по праву стал вскоре любимцем школы и всего полка.

Читал он великолепно. Особенно выразительна была мимика его живого, подвижного лица. Когда кончил Степа, выступил марийский хор.

Тягуче, заунывно, тоскливо передавали они свои песни-сказания об Ильиче.

Они внесли свою лепту в наш ленинский вечер.

Где-то сзади взвился сильный и сочный голос Федьки Чернова:

Ты умер, Ильич,
Над могилой твоей
Склоняем мы нынче знамена...

От ряда к ряду прокатились первые слова, и вся школа подхватила и уверенно понесла вперед песню.

Пели все.

Громким басом врывался в общий хор старшина Сотников, сильным тенорком подпевал начшколы Диванов, немилосердно фальшивил Капернаут и тонким голоском вклинивался, сильно коверкая слова, маленький Саликаев.

Уверенно вел песню Федька Чернов, и сотнями голосов разливалась она в ленинском уголке:

Ты умер, Ильич,
Но жива ВКП—
Рабочих стальная колонна...

БОРЬБА С НАРЯДАМИ

С самого начала образования школы создались у нас две партии. Партии эти вели непримиримую вражду долгое время.

Партии были—лыжники и драматурги. Или, как называли их начальник нашей команды, «драматуры».

Лидером лыжников был сначала высокий вихлястый юноша Серафим Небосклонов.

Он объявил себя теоретиком и практиком лыжного дела, объединил вокруг себя всех школьных лыжников и ежедневно начал проводить лыжные вылазки и тренировки.

В первые же дни Небосклонов был разоблачен. Оказался он никудышным лыжником и «сдал» в первом же походе.

Пытался потом Небосклонов примазаться к драматургам, но дело кончилось так же неудачно.

На лыжный трон посажен был Володя Нахимов—самый высокий человек в нашем полку.

Впоследствии, когда хотели мы в живой диаграмме показать рост нашей парторганизации, ставили мы Нахимова и рядом с ним Дыркина.

Диаграмма говорила сама за себя.

Помощниками Нахимова были Шитов из 3-го взвода, отделком Ключников и друг мой старинный Федька Чернов.

Создали они крепкую лыжную организацию. Ежедневно тренировались. Ездили, впрягая в лыжи лошадей. Однажды устроили даже поход на лыжах в Клин.

На лыжных состязаниях всего гарнизона наши лыжники заняли чуть ли не первое место. Это была первая партия полкшколы и насчитывала она не мало крепких, заслуженных бойцов.

Второй партией была партия драматургов. Возглавляли ее Неливцев, Грамм, Нейфельд. Заслуженными драматургами были еще гигант Степанов из 2-го взвода, комсомолец Густов из 1-го взвода—барабанщик нашего шумового оркестра и много других.

Возглавлял эту партию всеми признанный вождь Степа Кироков, и несла эта партия на своих плечах все «вечерное» обслуживание полка.

Главным яблоком раздора между двумя партиями и прочим «беспартийным населением» были отпуска и наряды. Так как лыжники и драматурги кроме строевых занятий были загружены своей большой работой, они были освобождены от всех нарядов и в знак поощрения ходили в отпуска чаще, чем «беспартийные».

Это вызывало бурю негодования в школе. Главным временем для дебатов было утро, когда объявляли списки дежурных и дневальных, и в особенности суббота, когда составлялись списки на отпуск.

Споры начинались еще на койках.

— Дежурным сегодня будет Леви. Дневальным—Дыркин и Поташенок,—объявлял помкомвзвода.

Дикий рев слышался с коек.

— Почему Леви?.. Только четыре дня назад был в наряде и опять в наряд. Безобразие. Пусть освобожденные идут.

— Подумаешь, работа—полчаса на лыжах побегали, и за это освобождают.

— Надо прекратить это безобразие. Никого не освобождать от нарядов.

Сначала «партии» молчали, потом в спор ввязывался какой-нибудь рядовой член партии лыжников.

— Мы и так чертовски устаем. С большим удовольствием постоял бы я дневальным, чем гнать во-всю двадцать верст по морозу. Вот драматурги—это другое дело. У них и работы-то никакой нет.

Каша заваривалась...

— Катаются в свое удовольствие на лыжах и потом от нарядов увиливают,—горестно замечал со своей койки Грамм...—Где это видано такое издевательство, граждане...

Скоро ввязывались вожди, и спор прекращало только авторитетное вмешательство старшины.

Если во взводах спортсменов и драматургов было еще немного, то в особой команде дело обстояло катастрофически.

Почти каждый курсант нес какую-нибудь исключительно большую работу и был освобожден от нарядов. Вскоре после лыжников и драматургов образовались партии чертежников, конькобежцев и др.

Некоторые буквально злоупотребляли своей нагрузкой. Так, чемпион наш, спортсмен Лысовский, начал вообще систематически смываться с занятий...

Одно время наряды приходилось пестить чуть ли не одному Капернауту. Бедняга не сумел пристроиться ни к одной партии.

Положение было явно ненормальное.

Ячейка совместно с командованием школы в скором времени разобралась в нем. Дело с нарядами и отпусками было урегулировано.

СТРЕЛКОВЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

Школа жила уже полной жизнью. Попрежнему ходили на плац для маршировки и гимнастики. Шаг стал более четким и не болтались, как на вешалке, руки.

Кроме строя усиленно принялись за изучение оружия.

Изучали винтовку, ручной пулемет, станковый пулемет Максима, гранаты.

Приступили к специальным военным наукам—топографии, тактике, артиллерии. Все это было ново и интересно. День за днем становились все более и более «опытными бойцами».

Было в школе два ленуголка. Разукрасили их, организовали библиотеку. По вечерам после занятий ленуголки были переполнены. Почти каждый день работала какая-нибудь группа или кружок—по сельскохозяйственному налогу, по арифметике, по географии, по вопросам китайской революции.

Тяга в кружки была необыкновенная. Каждому хотелось побольше узнать, большему научиться за 2 года Красной армии, и некоторые особо ретивые, в роде Недорезова, ухитрялись записываться чуть ли не во все кружки. Для выявления лучших стрелков решили мы устроить в ленуголке состязания по стрельбе из винтовки дробинкой, а потом из мелкокалиберных.

Начальник наш Диванов был одним из лучших стрелков полка и хотел и нас воспитать «снайперами»¹.

Ну и шум же стоял в ленуголке. Прилежные читатели ругались во что попало.

Записалось на состязания человек 40.

¹ Снайпер — самый меткий стрелок.

Ложились на брезент, внимательно прицеливались и... палили.

— Дыркин, где же твоя дробинка? — издевался отмечавший результаты отделком. — Неужто за молоком улетела?

Дыркин подходил к мишени и долго искал попадания. Не найдя, он смущенно замечал:

— Я вот из пулемета лучше стреляю.

Ребята дружно ржали.

Драматург наш Нейфельд страшно боялся отдачи. И стрелял он таким образом: закрывал глаза, отводил вперед насколько возможно винтовку и с безнадежным видом спускал курок.

Капернаут вообще не видел цели. Долгое время он принимал за мушку хомутик штыка. Потом он смастерил следующее изобретение: заклеивал одно очко пенсее и уверял, что так он видит цель великолепно. Конечно, и после этого изобретения пули его летели за молоком.

Уже много после, в лагерях, на стрельбище, стрелковые таланты нашли широкое применение.

После состязаний мы выдвинули группы в 10 человек лучших стрелков на общеполковое состязание. В число этих стрелков попал начальник команды Петров, каптенармус наш Харитонов, Федька Чернов, Степа Кироков, Попков из 3-го взвода, Симонов, Саликаев, лучший стрелок наш — руководитель общеобразовательных групп Льдовский, старшина Сотников и, совершенно неожиданно, я.

После длительной тренировки в одно из воскресений направились мы в тир. Каждый здорово волновался.

Шутка ли — предстояло отстоять честь школы.

Соревнования были между школой и 1-м, 2-м и 3-м батальонами. Четыре команды выстроились в сторожке тира,

и руководитель состязаний, старый знакомый наш, комроты Ильиченко объяснил условия.

Надо было из пяти выстрелов выбить наибольшее количество очков.

— Ну, смотрите, не подкачайте, — мигнул нам Ильиченко.

Из 10 человек нужно нам было выбрать 6. Решили выставить Кирокова, Чернова, Льдовского, Попкова, старшину и меня.

Первыми стреляли красноармейцы первого батальона. С нетерпением ждали мы в сторожке их возвращения.

— 112 очков из возможных 150, — провозгласил Ильиченко, — 2-й батальон, приготовиться!

— Ну, 112 выьем, — облегченно сказал Льдовский. — Это нам не конкуренты.

— 2-й батальон — 87 очков...

У нас у всех отлегло от сердца. Мы уже видели себя победителями.

— Полковая школа приготовиться!

И вот мы в тире. Проходим под козырьками. Идем на линию огня. Сильнее бьется сердце.

Вот уже видны наши мишени.

Патроны выдаст начшколы Диванов. Он старается взглядами ободрить нас.

— На линию огня. Шагом марш! — басит Ильиченко.

Стреляем. Усилием воли подавляем нервную дрожь в руках и стреляем. Пять выстрелов один за другим. Кажется, слышно, как летит пуля и, ударившись в мишень, чмокает, вгрызаясь в дерево.

— К мишени. шагом марш!

Считаем. В общей сложности 118 очков. Больше всех выбил Льдовский — 23 очка. Не отстали и другие.

Подкачал и подвел нас только старшина, еле набравший 16 очков.

Гордые и довольные победой возвращаемся мы в сторожку. Ребята уже предвкушают, как будут рассказывать в школе о состязании, какими красками будут рисовать победу.

Из тира доносятся выстрелы команды третьего батальона.

Вместе с командой 3-го батальона выходят руководители стрельбы.

— Оглашаю общие результаты состязания,—заявил Ильиченко.

— 1-й батальон—112 очков.

— 2-й батальон—87 очков.

— Полковая школа—118 очков.

— 3-й батальон—127 очков.

Наши лица были, вероятно, весьма смешны в этот момент. «Первое место» свистнуло... Вот тебе и победители.

Неловко мотались мы на месте. Особенно стыдно было перед начальником.

Диванов старался приободрить нас, но и его, видно, задело поражение.

Молча двинулись мы к казарме.

Вечером нас разыгрывали.

— А ну, Чернов, как молочная торговля, сколько за молочком послал?

— Степа, молочко-то вкусное?.. А, Степа?..

— Победители!..

Мы хмуро огрызались и сваливали всю вину на старшину.

Старшина в этот вечер особо сурово провел поверку, а потом не показывался из своей комнаты.

Одно из труднейших дел—это руководство политзанятиями в особой команде.

Это совсем не то, что политчас в роте вести. Здесь в программе и исторический материализм, и экономическая политика, и ленинизм.

Развитие курсантов—самое разнообразное. И то, что одному кажется легче легкого, другому дается с страшным трудом.

Руководим занятиями мы вдвоем. Я занимаюсь с пулеметным взводом. Хмурый и молчаливый Гостинницев—со стрелковым.

И Неливцев, например, ухитрялся доказать Гостинницеву, что занимается у меня, а мне—что у Гостинницева. Сам же во время политчасов благополучно куда-нибудь сматывался.

Занятия ведем мы следующим путем. Всю неделю идет читка материала по какому-нибудь вопросу. А в конце недели конференция с докладами и прениями.

Сначала на прениях раскачивались туго. Тогда мы пустились на провокацию. После доклада о госкапитализме выступил Лысовский, яростно нападавший на докладчика и доказывавший, что у нас на заводах идет зверская эксплуатация пролетариата.

Провокация удалась. Нашупали мы целую обывательскую группку. Вслед за Лысовским выступил высокий худой курсант Киров, бывший в гражданской жизни бухгалтером, и начал возражать докладчику.

— Никакого роста социализма нет. Хозяйство наше катится вниз. Я принесу вам цифры. Я не говорю наобум.

И пошел и пошел.

Только он кончил, не успел я оглянуться—взлетел прямо на стул Дыркин и начал горячую речь.

Дыркин вообразил, что он на митинге, перед тысячными массами пролетариата изобличает явного меньшевика.

— Наша партия не потерпит...—кричал Дыркин и острил, и язвил, и издевался над Кировым.

Страсти разгорелись. Некоторые курсанты протестовали против резкого тона Дыркина.

— Здесь же не партийное собрание,—говорил солидный Адзанов.

Со стороны похоже было, что не политчас здесь, а бурный митинг.

Еле успокоили мы ребят.

Об этом политзанятии долго шли разговоры в школе. Некоторые осуждали Дыркина, другие негодовали против речи Кирова.

Ребята раскачались и больше не спали на политчасах.

СПОРТЗАЛ

Интересные часы проводили мы в спортзале.

Спортом у нас руководили наши же курсанты-спортсмены—Лысовский и Кулаков.

Кулаков был раньше администратором театра. Это был жестокий, несимпатичный человек. Мы ему пророчили пост самого сурового старшины в полку. Любил он командовать, был высокомерен и потому не любили его товарищи. А тот период, когда Кулаков стажировался, как помкомвзвода, известен стал в школе под названием «кулаковщина».

Кулаков вел нас в спортзал. Здесь разбивались на группы и занимались гимнастикой на приборах. Прыгали через веревку, кобылу и козла и подобные интересные вещи.

Здесь было много комических моментов. Обычно маленький, коротконогий Дыркин взлетал на кобылу, садился посредине и ни тпру, ни ну.

Леви и Адзанов большей частью, перескакивая через веревку, ныряли головой в песок, и из карманов их дождем сыпались карандаши, ножики, носовые платки...

Отряхивались, разбегались снова. Бежали и снова падали.

Но, пожалуй, самой комичной фигурой в спортзале был Капернаут.

Тучный, неповоротливый, с ловкостью молодого слона, мелкими шажками бежал он к кобыле. От мощного удара тряслась кобыла и слетала с места. Но сесть на нее, не говоря уже о том, чтобы перескочить, так и не удавалось Капернауту.

Во время его физических упражнений мы обычно отодвигались на почтительное расстояние.

Несмотря на нежелание обидеть товарища, мы буйно ржали после каждого капернаутского упражнения...

Но он, этот удивительный человек, никогда не обижался и весело смеялся вместе со всеми.

Некоторые были в спортзале в своей сфере.

Особенно мы любовались легкими и вольными движениями Лысовского.

Как белка взбирался по канату токарь Гданов, стрелой перелетал через козла и кобылу Симонов.

А когда Лысовский подходил к брусьям и начинал показывать нам на них всяческие фокусы, мы искренне восхищались. Он был мастер своего дела.

НА ПЛАЦУ

Тяжело бывало порой на плацу. Стояли жгучие морозы. Сталь винтовки жгла руки.

При команде «Заряжай!» с трудом ворочался затвор и просыпались патроны.

А когда бывали упражнения с винтовкой, до боли трудно было держать на вытянутых руках винтовку в ожидании команды—«к ноге!».

Больше всех морил нас «на вытяжке» Кашин. Потому и не любила его вся школа.

В перерывах между часами занятий боролись, шли стенка на стенку, чтобы согреть окоченевшие руки. Одной из излюбленных игр был бой петухов.

После занятий на плацу в казарме долго отогревались. Часы на плацу были самыми тяжелыми.

— Глянь-кось, Дыркин, нос отмерз...

— Брось... Неужели...—И взволнованный Дыркин кидался в поиски за зеркалом.

Вся школа дружно поднимала его на-смех.

С нетерпением ждали весны...

КОМНАТА ЯЧЕЙКИ

По вечерам, после поверки, когда затихала казарма и всюду гас свет, собирались мы тесной группкой в комнату ячейки.

Была это маленькая комнатка. Обладала она некоторой экстерриториальностью. В ней и начальник команды, и начальник школы, и даже сам командир полка были просто членами партии...

Здесь, в этой самой комнатке, часто до поздней ночи сидели мы, работали и вели длинные душевные разговоры.

Постоянными посетителями комнаты ячейки, кроме Вани Фуражкина и меня, был начальник наш Диванов, член президиума ячейки Гостинницев, Капернаут, Дыркин,

Федька Чернов, «француз» Стенберг, Симонов и высокий, наголо бритый Степанов, токарь с одного из иваново-вознесенских заводов.

Одним из интереснейших типов наших был Гостинницев.

Высокий, сутулый, необычайной ширины в плечах, был он по образованию агроном. У этого человека было необычайное упорство. Уже находясь в полку, он, несмотря на огромную нагрузку, сумел окончить дипломную работу по сельскому хозяйству и сдать ее в академию.

Теперь он ежедневно или, вернее, еженочно, используя каждую свободную минуту, писал роман.

Почему именно этот хмурый человек решил написать роман, я не знаю.

Но каждый вечер он с бычачьим упорством писал, переписывал начисто, выправлял.

Работал он раньше на сахарном заводе, там и сейчас у него находился на попечении деда ребенок. Жена была тоже агроном. Темой романа была жизнь рабочих сахарного завода. Была в романе необычайно сложная интрига, и кончал Гостинницев мелким почерком исписывать уже вторую сотню больших писчих листов.

Мы говорили, Гостинницев писал и, временами поднимая голову, вклинивался в наш разговор.

О многом говорили мы в комнате ячейки. Если бывал Диванов, рассказывал он полковые новости и взамен требовал вестей из партийной жизни.

Любили мы и пофилософствовать и о китайском вопросе поговорить.

— Хоть убей, ничего не понимаю в китайской грамоте,— говорил Дыркин.

— Какой У-Бей,—плоско острил я.—Ты думаешь про У Бей-фу...

И начинал я сыпать китайскими именами, пока слушатели мои не затыкали ушей. Примостившись сбоку, на столике, Федька Чернов намечал план очередного номера стенгазеты «Ударник».

Был он у нас ответственным редактором. Сначала назначен был Гостинницев. Но оказался он тяжел на подъем.

А Федька со стенгазетой на-ять справлялся.

Степанов говорил больше о заводе своем.

— Вот бы теперь съездить в ячейку свою, рассказать о жизни армейской. А то, когда посылали меня в армию, чорт-е-что думали там. Теперь расскажу о жизни нашей. об учебе—все ребята в армию захотят.

— Миша, а у тебя зазнобу там не отобьют покамест, а?..— подпускал шпильку Симонов.

— Ну... Некому...

И когда Миша выпрямлялся во весь рост, казалось, что, действительно, у такого отбить трудно.

Симонов приносил письма от сестры, из Бирска. И зачитывали мы эти письма коллективно. Писала ему сестра обстоятельно обо всем.

«В комсомольской ячейке ничего хорошего не нахожу. Все старо, нового ничего. Все уж это приелось. Комсомольцы совсем что-то расхлябались. Устраивают пьянки, ходят по вечеринкам, чего прежде не допускалось.

При нашей ячейке юнсекция распалась, клуба нет, теперь шляешься туда-сюда. Отряд почти распался. Человек 10 осталось; про меня говорили, что отряд распустила, но у меня все время 30 человек было, а теперь и их нет. Я все время следила и слежу за работой отряда. Секретарь ячейки—Чернов. Ну, на него надежды, что он поведет работу хорошо, нет. Хотя он парень развитой, но поступки у него, по-моему, антикомсомольские, и везде он идет против всех, на съездах, на конференциях выступает и везде-то восхваляет Есенина, то еще кого-нибудь подобное.

Между прочим и у нас комса очень интересуется есенинщиной.

Но я еще не читывала, так только слышала кое-что.

Ты хоть бы написал мне все важные вопросы, которые у вас разбирались, а то я ни газет, ничего, кроме романов, не читаю, хотя выписала газету, но еще не получала.

Итак, Витя, ты теперь активно участвуешь в работе комсомола и небось многое за это время почерпнул, ну и пиши мне хоть не все, но только важные вопросы. Да и не мешает тебе завести переписку с ячейкой; небось ведь тебе интересно узнать, как и чем живет наша ячейка. Актива совсем нет. Прежде-то как-будто больше было, а теперь раз-два, да и обчелся. Пока всего доброго, пиши чаще, а то уж ты что-то редко начал писать: или сильно занят?

До свидания, с комприветом. И р а.

П. С. Пишет ли тебе твоя возлюбленная К. К.? Она хвалится многим девчатам, что жених ее в солдатах».

Детально мы обсуждали, что ответить Ире и как помочь комсомольской ячейке, и решили даже от всей группы нашей комсомольской письмо в ячейку написать.

А потом каждый вспоминал о своей ячейке и тоже строчил весточку.

Когда дочитывали мы до последних строк письмо с таинственными буквами К. К., как маков цвет краснел Симонов.

А мы не могли не удержаться, чтобы не подтрунить над ним.

Порою, после философских разговоров о молодежи нашей (здесь у нас была другая философия, не та, что у доктора Янова—обходились без Ницше), после серьезных дебатов кто-нибудь пускал анекдот злободневный, и все грохотали, рискуя разбудить казарму. Тогда приходил дежурный, крыл нас, поминая всех наших родных, и ультимативно предлагал разойтись.

Гостиницев собирал свой роман. Гас свет, и мы разбредались по койкам.

ОСОБАЯ КОМАНДА И ШКОЛА

В особой команде собралось нас 60 человек. 60 человек были связаны на год одной целью, одной задачей—в коллектив, в одну семью.

У каждого был свой вполне сложившийся характер. Каждый выполнял до армии ту или иную ответственную работу.

Были среди нас агрономы, инженеры, спецы из ВСНХ, работники Наркоминдела, писатели.

Все разновидности советской интеллигенции были в особой команде.

Здесь ярче всего раскрылась сущность каждого.

Некоторые, и таких было много, относились к службе как настоящие, хорошие, «свои» товарищи. Несли большую общественную работу, помогали командованию.

Другие все время смотрели на службу свысока, возмущались и негодовали по каждому возможному поводу и с нескрываемым презрением относились к нашему младшему командному составу.

— Какой-нибудь Волков будет учить меня, инженера Адзанова...

Казарма принесла пользу всем, огромную пользу. Она показала некоторым высокомерным интеллигентам, что значит коллектив.

Мы многих обтесали за год армейской жизни, и мы уверены, что сейчас и они не без удовольствия вспоминают о проведенном в полку годе.

И рядом с особой командой была школа.

Простые крестьянские ребята—ивановцы, владимирцы, рязанцы—в армии учились не только военному делу. Они учились жизни. Они с жадностью набрасывались на книги.

Они с жаром участвовали во всех кружках. За эти два года они хотели узнать как можно больше.

Правда, не все. Были и такие, которые предпочитали каждую свободную минуту использовать для сна или сбежать покурить на «сковородку».

Но слишком разнокалиберна была наша семья, чтоб все были в ней на одну колодку. Уже к первому полугодью в нашей школе мы имели ряд великолепных курсантов-активистов, как Симонов, Степанов, Дрондин, Цыганков, которые могли бы заткнуть за пояс любого инженера. Отношение школы к особой команде сначала было подозрительное.

— На своих подушках спят...

— Каждый день ветчину жрут... Барчуки.

И действительно, уходя в отпуск домой, курсант-москвич иногда приносил из дому целый кооператив и за ужином обставлялся разными закусками.

Отпугивала курсантов заносчивость некоторых «особистов». Но сжились. «Особисты» отдавали курсантам взводов свои знания, вместе шагали в походах, вместе делили горести и радости маневренной жизни. К концу года никакой речи о ненормальных взаимоотношениях особой команды и остальной школы уже не было. Главным скрепляющим ядром были коммунисты и комсомольцы.

ПОЛИТБОЙ

На политчасах во взводах, как и раньше в ротах, выплывали крестьянские настроения. Выплывали они особенно после писем из дому.

Делаешь доклад о внутреннем положении—сразу закидают вопросами. Первым начинал маленький Степанов из 3-го взвода.

— Так. Все это хорошо. Но слова одни. Вы говорите: растет хозяйство. Налоги уменьшаются. А вот у нас в деревне лошадей меньше стало. От налога стонем. Скидку хотел получить—воляныт в сельсовете.

Выступление находило отклик.

— Я все-таки считаю,—говорит маленький коренастый Андронов,—что рабочим лучше живется. Отработали 8 часов и айда домой. А тут целые сутки маешься. И потом налоги дерут.

— Когда еще там социализм. Вот мы деньги собрали на трактор, дали председателю, а он взял и пропил трактор-то. Вот тебе и социализм,—вмешался Сальников.

Из «преющих» он был самый развитой и всегда это так получалось, что был он главным застрельщиком прений. Но у меня были и крепкие помощники.

Первым вставал высокий Степанов.

— Легче, говоришь, на заводе? А вот сходи на экскурсию в литейный цех. Ты после двух часов сдохнешь. Тоже... Легче. Легко только на печке спать...

— Я вот, ребята, и на заводе был и крестьянствовал,—вступал в спор Симонов.—Нет тут спора, где легче. Каждому своя работа, и друг другу помогаем мы.

А Дрондин любил книжные слова. С трудом произнося иностранное мудреное слово, он говорил об индустриализации.

С каждым днем чувствовалось, что ребята становятся все бойчее. Уже человек 30 подало заявления в комсомол. Уже на политчасах не только Симонов со Степановым принимали бой.

Помогал им и маленький белесый Цыганков, и многие другие. Тогда решили мы устроить политбой между звонками.

1-й, 2-й и 3-й взводы пошли на 4-й и 5-й. Стрелки на пулеметчиков.

Стрелками руководил я, пулеметчиками—политрук Горовский.

Выбрали старшин! Симонова—у стрелков, Цыганкова—у пулеметчиков. Судей назначили... И начался политбой...

Еще за день до боя составляли вопросы и скатывали их в трубочки.

Рсбята волновались. Как бы свой взвод не подкачать. Некоторые до поздней ночи сидели над книжками.

Политбой заключался в следующем.

Она сторона выделяет вопрошающего. Он намечает себе жертву из стана врагов, вынимает трубочку вопроса и спрашивает противника.

Тот должен ответить. Если не знает, не ответит—убит, выбыл из строя. Другой должен ответить.

После середины боя стороны меняются.

Бой заинтересовал всех. Вопросы были по программе: и легкие, в роде того, почему победила Красная армия, и мудренные—о том, что такое диктатура пролетариата.

Уже не один боец пал и с той и с другой стороны. И лучше всех, кроме старшин, держались Дрондин и мариец Сакарбаев.

Больше курсантов волновались командиры взводов.

Командир 3-го взвода—всегда с иголочки, франтовски одетый, не дурак приударить за женским полом—Петряк и командир 4-го взвода—милейший человек, ужасно вспыльчивый—Чекалин чуть в рукопашную не сошлись, отстаивая перед судьями правильность ответов своих взводов. Волновались и курсанты.

Подсказывали напропалую. Судьи выводили подсказывающих. Можно было подумать, что идет настоящий бой.

На шум пришел в лугуток начпшкшлы Диваноз и, сам увлеченный ходом боя, остался до конца...

У стрелков оказалось 47 правильных ответов, у пулеметчиков—42. Победа осталась за стрелками. Марийцу Сакарбаеву «присудили орден Красного знамени».

Долго еще после боя спорили политбойцы. А Чекалин доказывал торжествующему Петряку, что произошла ошибка в подсчете ответов...

ПЕРВАЯ «ГУБА»

Сегодня словно черная туча повисла над школой. Все мрачно молчат и обдумывают случившееся на поверке. Курсанту Соколову дан был отпуск до 12 часов ночи. Соколов не явился во-время и пришел из отпуска только утром.

Старшина Сотников доложил начальнику команды.

Когда после утренней поверки не распустили как всегда школы, мы сразу почувствовали, что случилось что-то необычайное.

Петров мрачно прошелся вдоль строя и вызвал:

—Курсант Соколов, выйдите из строя.

Вледный, как полотно, вышел Соколов.

— Почему вы опоздали на семь часов из отпуска?

— Семейные обстоятельства, товарищ начальник.

— Вы что же, по-вашему, хорошо поступили?..

— Я не мог явиться. А хорошо или плохо—судить вам.

— Вы даже не знаете, хорошо или плохо вы поступили?

— Не знаю...

— Хорошо. Кругом!.. Можете итти.

Весь день мы обсуждали, что-то будет с Соколовым.

— Ничего, ерунда,—говорил Федька Чернов.— Подумаешь, ночку дома поспал, эка важность..

— Положим, так говорить нельзя,—замечал Ваня Фуражкин—Это нарушение дисциплины. Соколов—комсомолец. Какой же это пример. Взгреть нужно.

Собиралась гроза.

Вечером на поверке разразился гром.

— Тов. Соколова за самовольную отлучку арестую на три дня с содержанием на гауптвахте...

Ажно ахнул строй. Столь сурового наказания не ожидал никто.

Соколов еще больше побледнел и сжал губы.

На койках в тот вечер говорили долго.

— Неправильно сразу три дня «губы». Жаловаться надо...

— Вот Неливцев каждый день гуляет и ничего, устраивается. А тут... сразу на «губу».

А Адзанов и Кулаков держали целые речи о возмутительном самовольи начальника команды

— Ничего,—старался успокоить Соколова Капернаут,—три дня пролетят быстро. Отдохнешь только.

— Чудак, чего огорчаешься,—говорил старый «губист» Сорокин.—На «губу» все равно, как на курорт. Кто на «губе» не бывал, казармы не видал...

Это была первая наша «губа». Потому так сильно отозвалась она во всех сердцах.

Соколов сидел на койке. Он все время молчал. Только в уголке правого глаза притаилась слезинка.

— Ничего, Вася,—уговаривали его мы.—Ничего не делаешь, дисциплина. Это тебе не дома. Нужно было для острстки других. А то бы курсанты начали говорить: «Ночь в самовольной отлучке был и совсем не взгрели. Давай и мы...»

— Я понимаю...—тихо говорил Соколов.—А все-таки очень больно и обидно. Тяжело как-то.

— Бороться с таким своеволием надо, — шипел Адзанов.

— Брось, Адзанов. Соколов уже имел одно замечание за опоздание в строй. Это — второе. Никакого здесь своеволия нет. Зачем демагогией заниматься.

Эта первая «губа» повлияла на всех курсантов... Стали относиться к себе строже. Теперь, как о далеком прошлом вспоминаешь о том вечере. А тогда было тяжело. Тот вечер надолго врезался в нашу память.

ПРАЗДНИК И ШКОЛЬНЫЕ БУДНИ

Сегодня долго беседовал я с Лысовским. Он, пожалуй, единственный, на кого не подействовал случай с Соколовым. Смывается почти каждый вечер домой.

В школе его почти не видно. Злоупотребляет своим званием лучшего спортсмена в полку.

Наконец Кашин доложил об его отлучках начальнику школы.

Начальник школы умел быть строгим, когда это нужно было. Он вызвал Лысовского, имел с ним правоучительную беседу и сделал ему последнее замечание.

Но «губа», видно, плакала по Лысовском. Слова Диванова совершенно не подействовали на него. В тот же вечер он снова смылся. И получил на пять дней арест.

Этим арестом уже не возмущался никто.

Наоборот, удивлялись, почему только на пять суток.

Я заявил Лысовскому, что поставлю вопрос о нем на комсомольском собрании. Он еще кандидат комсомола и рискует никогда не стать членом. Лысовский долго жарко клялся, что это последний «побег», и уверял, что впредь будет примерным курсантом.

... В Большом театре был вечер, посвященный годовщине Красной армии.

Пошли мы со Стенбергом и Степановым. Первый раз был я в военной форме в Большом театре, а Стенберг и Степанов вообще в первый раз были в нем.

Интереснейшим типом был Стенберг. Бессарабский эмигрант, он долгое время жил в Брюсселе и в Париже. Принимал участие в подпольной партийной работе. В Париже он работал на заводе и вел работу в обществе бессарабских эмигрантов и во французской компартии.

России он никогда не видал. И всегда стремился попасть в нее. Когда подошел его год призыва, он перешел в русское подданство и приехал в Москву вступить в ряды Красной армии.

Начитанный, умный, хороший товарищ, Стенберг занимал одно из первых мест среди наших курсантов, но некоторый парижский лоск остался у него. Стройный, всегда обтянутый (на его гимнастерке не было ни одной складочки), в блестящих, ловко охватывающих ногу сапогах, с небольшими чисто французскими усиками—кляксами, он даже в красноармейской форме походил на иностранца.

И кличка ему была дана в команде: «французский капрал».

В театре было торжественно и празднично. На сцене сидели члены правительства. Доклад делал Ворошилов.

Все интересовало моих товарищей. Я сидел между русским рабочим из Иваново-Вознесенска и французским из Парижа и называл им фамилии сидевших на сцене членов Реввоенсовета.

Если для меня торжество было уже несколько обычным, ничем не отличающимся от других торжеств, прошедших уже в этом зале, то для них это было необычайное, исключительное зрелище, и они сидели, затаив дыхание.

В полк вернулись мы поздно вечером. В комнате ячейки еще горел свет.

Там сидели Гостиницев и Дыркин и по самоучителю изучали французский язык.

— Ля табль—стол. Ля шез—стул,—упорно твердил Гостиницев.

И не менее упорно повторял Дыркин:

— Ля табль—стол, Ля табль—стол. Ля шез—стул. Ля шез—стул. Стол—ля шез. Стул—ля табль...

Учеба шла **полным** ходом.

... На школьном вечере самодеятельности, посвященном годовщине Красной армии, с главными воспоминаниями выступили член президиума ячейки комвзвода Карташев и курсант Боголюбов.

Карташев был старый боевой комвзвода. Он с боями прошел всю гражданскую войну.

Крестьянин, нигде никогда не учившийся, был он великолепным практиком. За последние годы немного понабрался и теории.

— Карташева, комвзвода,—вызывали обычно курсанты. Он выходил, становился в излюбленную позу, выпятив грудь, немного отставив голову, и начинал декламировать специально сочиненные им частушки.

Составлены они были топорно, остроты были тяжелые, но они всегда попадали в точку и вызывали взрывы хохота.

В его репертуаре было одно излюбленное стихотворение: «Четыре бога». Это была антирелигиозная агитка, изданная некогда МК партии. Карташев становился в позу и возглашал:

— Я сейчас прочту стихотворение «Четыре бога»—сочинение Эмка Векапе бе.

Каждую букву он как-будто молотком выбивал. Особенно хлопал ему его взвод.

Сейчас Карташев «вспоминал».

— И заливать же сейчас будет, как в прошлом году, — шепнул мне отделком Ключников.

Карташев рассказывал какую-то фантастическую историю, как он во главе автоотряда бился с поляками.

История изобиловала убийствами, героическими моментами и в общем понравилась курсантам.

— Слово в слово, как в прошлом году, — шептал Ключников. — И горазд же заливать.

Но на сцене уже «вспоминал» Боголюбов.

Боголюбов, наш курсант, участвовал во взятии Кронштадта во время восстания в 1921 году. Говорил он красиво, и перед глазами курсантов вставало безбрежно ледяное поле и страшные кронштадтские форты и огонь крепостных батарей, все сметающий на своем пути. Навстречу этому огню, скользя по льду, падая, оставляя убитых и раненых, идут на крепость героические ряды красных бойцов, чтобы отнять красный Кронштадт у мятежников.

Перед глазами ярко вставали те боевые дни,

Когда, скользя по льду

Уверенно и строго,

Курсантский строй атаковал

Кронштадт...

Кончил Боголюбов... Читали стихи, посвященные Красной армии, пели, ставили пьеску.

Во второй, неофициальной части вечера царил «генеральный конференсье» Неливцев.

Здесь он был незаменим. Шум многих десятков молодых голосов и веселые раскаты смеха ударяли в старые казарменные стены.

Острым клинком врезалась в наши будни нота Чемберлена.

Зашумели казармы. Предстояли выборы в совет, и на всех собраниях полковых и громче всего у нас в школе обсуждали ноту, крыли Чемберлена, давали ему крепкий красноармейский ответ.

В этом ответе не было никаких разногласий. Тысячи красноармейских рук сплелись в один увесистый кулак.

Перевыборы советов были в разгаре. На сотнях заводов пролетарской столицы заслушивались доклады депутатов. Слушали внимательно, крыли по-деловому. А потом посылали новых депутатов, взлетали вверх руки. Рядом с заводами голосовали полки и батальоны. Тоже обсуждали, крыли за промахи и посылали своих депутатов.

На школьном собрании предстояло нам наметить в Московский совет своих полковых депутатов.

Доклад о перевыборах делал начальник штаба дивизии. Школе было дано два места. Одно в Московский совет, другое—в районный.

Долго мы мозговали этот вопрос на президиуме ячейки. Вопрос не шуточный. С кондачка не решишь. Наконец все сошлись на одном кандидате.

Когда кончил свой доклад начальник штаба, тогда выступил второй докладчик.

Вторым докладчиком был секретарь ячейки Ваня Фуражкин. В руках Ваня держал большой лист—и в нем списки тех, кого предлагала ячейка ВКП (б) послать в Московский совет.

В списке на 3-м месте после командира дивизии и военкома полка стояла фамилия Цыганкова.

Да... так черным по белому стояло в листе: Цыганков, крестьянин, 1904 года, беспартийный.

Когда назвали его фамилию, встал Цыганков и долго отказывался, вперив в товарищей свои удивленные глаза: «Не могу, не справлюсь, слишком высокое звание».

Один за другим выступали товарищи Цыганкова. Этот маленький красноармеец из деревни Прохоньево, Тейковского уезда, Иваново-Вознесенской губернии, сумел завоевать авторитет.

Поднялись руки, и Цыганков, маленький Цыганков, крестьянин деревни Прохоньево, был намечен в депутаты Московского совета.

Потом после собрания смущенный и взволнованный Цыганков долго еще изумлялся и вслух сомневался—справится ли он со столь большой работой, по плечам ли ему столь высокая честь.

Там, в деревне Прохоньево, Цыганков был в сельском совете. Оттуда пришел он в Красную армию—из деревни Прохоньево в большую Москву. Только четыре месяца в армии Цыганков, но уже вошел он в тесную, дружную семью бойцов.

Не легка учеба, но Цыганков с ней справляется.

У себя в Прохоньеве, в сельсовете Цыганков вел небольшую и несложную работу.

И вдруг он, Цыганков из деревни Прохоньево—член самого главного Московского совета. Что-то сжимает сердце и становится как-то жутко.

В эту ночь Цыганков долго не спал, а потом думы перешли в сон. Виделась ему маленькая деревушка Прохоньево и в ней изба сельсовета. А потом на месте сельсовета вы-

росло огромное здание, и в здании на возвышении, рядом с ним, Цыганковым, сидел сам Михаил Иванович Калинин и что-то ласково объяснял ему.

Вторым депутатом нашим в районный совет был пулеметчик из 4-го взвода Иван Сасаров.

Крепкий кражистый ярославец, он был вождем пулеметного класса.

... Предстояли самые выборы. Для выборов должны были мы собраться в большом помещении районного театра.

Длинной лентой выются батальоны, полкшкола, артиллерийский дивизион.

Первые ряды уж почти на Серпуховской площади, а последние только выходят из казарменных ворот.

Полк идет выбирать своих депутатов в Московский и районный советы.

Со сцены говорит комдив. Говорит о совете, о том, что, выбирая советы, сплотившись вокруг них, защищая их, мы дадим лучший ответ «английскому Чемберлену».

Потом читают наказ. Дополнений—масса. И о школе крестьянской молодежи, и о семенах для деревни, и о том, чтобы подготавливали к деревенской работе красноармейцев-отпускников.

Дополнения сыплются отовсюду—с хоров, из партера, со сцены. Третий раз уже подымает руку для предложения старший врач наш Арбузов и каждый раз предлагает добавить что-нибудь об околотке.

И когда все предложения уже приняты, внезапно откуда-то с хоров слышится голос Сорокина:

— Предлагаю вставить в наказ, чтобы устроить сушилку для портянок. А то ноги преют и запах тяжелый.

— Верно,—гремит часть зала. И дружным хохотом отвечает вторая часть.

Решают в наказ этого не вставлять, а принять как пожелание командованию полка.

Выборы... Все до одной руки поднимаются за комдива, командира и комиссара полка. А когда называют фамилию Цыганкова, будто громом ударили в стены театра аплодисменты. А Цыганков, красный как кумач, стоит на сцене и улыбается.

Воздерживается один капельмейстер. Он мрачно сидит на сцене и не менее мрачно воздерживается по всем предложениям. Капельмейстер хочет показать себя особенно умным человеком. Ему кажется, что воздерживаться это оригинально и необычайно серьезно.

— Комроты Ильиченко—беспартийный, рабочий. Курсант Сасаров—комсомолец, крестьянин.

На сцену взбирается гигант Ильиченко и громовым басом возглашает!

— Вот я. Кто меня не видал? Глядите.

А с хоров, из-под потолка глядит смущенный, широколицый Сасаров.

— Единогласно. При одном воздержавшемся.—Воздерживается, конечно, капельмейстер.

Потом, после выборов по всей Полянке протянулся полк—к Московскому совету. Приветствовать наших вождей и руководителей. Ответить нашей демонстрацией на ноту светлейшего лорда.

К СОВЕТУ!..

Выбрали своих депутатов, выстроился весь полк, чтобы идти к Моссовету. И когда выровнялись ряды, раздалась зычная команда комполка:

— Полк! Смирно!..

Торжественный туш заиграл оркестр. В струнку вытянулись красноармейцы, и в один миг взметнулись к козырьку руки командиров.

Вынесли знамя...

Много раз потом приходилось присутствовать при этом церемониале выноса полкового знамени. Но он всегда производил огромное впечатление. Когда начинал играть оркестр и из-за угла, из штаба выходил помначштаба и за ним со знаменем наши самые рослые курсанты Широков и Нахимов, как-то по-особому замирали сердца.

Двинулся полк. Оркестр, знамя, школа, роты, артдивизион.

Чуть ли не впереди всего полка шагал воздерживавшийся капельмейстер, ожесточенно дирижируя на ходу.

Для оркестра понадобились 4 рослых красноармейца. Роль им предстояла очень незавидная—быть подставками для нот первого ряда.

Для вида им повесили за спину фанфары с кистями, флагами и помпонами.

На должность «фанфаристов» взяли у нас Поташенка, Боголюбова, Нахимова и Небосклонова.

Кличка фанфаристов так и осталась за ними до конца службы.

Весело было шагать по Москве. В воздухе уже чувствовалась весна.

Когда вступили на Замоскворецкий мост, от реки повеяло настоящими, волнующими, весенними ветрами. Хотелось разговаривать, кричать и смеяться.

Ну и пели же мы на этой демонстрации! Прохожие по обе стороны мостовой останавливались и долго глядели нам вслед. Обязательно хотелось встретить кого-либо из знакомых.

Не далеко от Моссовета прямо перед строем вырос мальчонка-карапуз.

Нисколько не боясь, он загородил нам путь и, засунув в рот палец, стоял, глубокомысленно осматривая нас.

Миг, и он высоко взлетел вверх, поднятый сильными руками начальника команды Петрова.

Через минуту, весело захлебываясь, смеющийся мальчуган ковылял сбоку и пытался подпевать нам...

На Советской площади выстроились в каррэ. Всю большую площадь заполнил полк.

С балкона Моссовета с приветствиями выступали члены президиума. А потом среди них—между командиром дивизии и секретарем Моссовета—выросла знакомая фигура Вани Фуражкина. Полк не выдержал, и грохнули аплодисменты.

— Наш полк носит имя Московского пролетариата,—сказал Ваня,—мы с честью несли и будем нести это почетное имя. И мы ответим лорду Чемберлену, что мы не хотим крови, но если он посмеет тронуть нас, пусть пеняет на себя. Мы готовы к бою.

Дружным многоголосым «ура» подтвердили сотни бойцов речь своего представителя...

А на перекрестке было «историческое» зрелище. Нужно было выставить одного красноармейца, чтобы сдерживать напор толпы. Начшкола выслал на этот пост Капернаута.

Капернаут был необычайно горд этой сложной обязанностью. Он распоряжался, размахивая руками и воображая себя по меньшей мере начальником милиции.

Это событие породило новую кличку Капернауту—«Боба-милиционер». Действительно, невообразимо комична была его расхлябанная фигура, охраняющая спокойствие Советской площади.

Одним из ярко отрицательных типов интеллигенции был Кулаков. В своей жизни он переменял много профессий. Был и строителем, и театральным администратором, и спортсменом.

На свое пребывание в армии он смотрел, как на тяжелую, скверную обязанность. Он не хотел подчиняться младшим командирам. Он смотрел на них свысока, тайком издевался над ними. В то же время он умел быть подхалимом.

Когда он стажировался на должности помкомвзвода, он стал невыносим команде.

Период «кулаковщины» характеризовался мелкими придирками, склоками, **нетоварищеским** отношением. Полит-вопросами Кулаков абсолютно не интересовался.

— От серьезного человека к хаму—такую эволюцию я проделал,—цинично рассказывал он мне как-то после проверки, во время «кочных» разговоров.—Мой лозунг—жить и зарабатывать. А после смерти растить жирные лопухи... Я сейчас одет в хаки и нутром хочу быть в хаки...

Кулаков цинично смеялся, и его наглые глаза говорили больше его слов, говорили о том, как он ненавидел нас—меня, Степанова, Симонова, Капернаута, Фуражкина...

Это был «сознательный хам». Кулаков был одним из опаснейших типов в нашей школе. Мы это знали и учитывали.

Другом Кулакова был инженер Адзанов. До армии это был крупный спец, инженер-текстильщик. Был он типичным кавказцем—черный, худой, с горящими глазами. С Кулаковым роднило общее высокомерное отношение к другим курсантам.

Адзанов был гораздо умнее. Он интересовался политикой. Целиком стоял за поддержку всех начинаний советской власти, но... он любил критиковать каждое начинание.

Ему казалось, что строить могут только такие, как он—инженер Адзанов...

В полку он очень плохо переживал все трудности казарменной жизни.

Лишение очередного субботнего отпуска всегда вызывало с его стороны целую политическую речь.

Но в быту, в спокойном состоянии, он был не плохим товарищем, гораздо более привлекательным, чем Кулаков.

Были еще типы интеллигентов. Но те были совсем «наши». Вместе с нами участвовали в общественной работе, в клубе, ленгуслке и т. д.

Наиболее выделявшимися из остальной школы были токарь Степанов и крестьяне Симонов, Цыганков и Сасаров.

Всех их я видел каждый день со времени прихода в армию, и видел, как они день за днем росли.

Симонов и Степанов—комсомольцы—были уже приняты нами в кандидаты партии.

Маленький белесый Цыганков, наш член Моссовета, был беспартийным.

Ребята усиленно читали, часто приходили с самыми разнообразными вопросами, начиная от раздела лесов местного значения и кончая вопросами партдискуссии. И за ними шло еще много других из нашего комсомольского и беспартийного актива.

ПЕРВЫЙ ПОХОД

О том, что завтра идем в учебный поход, у нас говорили весь вечер.

Чистили топоры, лопаты, осматривали противогазы. «Противник» вырезал себе из бумаги кружки, чтобы наклеить на шлемы.

Присяжные симулянты готовили списки завтрашних болезней. Неливцев уже заранее лег в околоток. Одним словом, у всех работа кипела.

Командиры отделений усиленно повторяли сигнализацию, заглядывали в «тактику», проверяли друг друга. Поход—это звучало гордо. Это было нечто новое, неизведанное еще в школе.

Вокруг отделкомов, бывших в походе в прошлом году, собирались группками, и те, покручивая воображаемый ус, пускались в длинные повествования.

Говорилось о самых разнообразных случаях, о победах и поражениях. Со стороны можно было подумать, что и правда, завтра не тактические занятия, а бой, что противник настоящий и что стрелять будут не холостыми патронами и не трещотки крутить вместо пулемета, а настоящий взаправдашний Максим будет обливать свинцом бойцов.

С утра раным-рано ушел из казарм «противник»: приготовиться к обороне и занять удобные позиции.

Попозже, часа через два, двинулись наступающие части. В полном вооружении, с конным взводом и артиллерией. Все «честь-честью». Шли с сознанием важности занятий.

«И вот нашли большое поле. Есть разгуляться где на воле».

Здесь был исходный пункт, отсюда наступающая рота получила задачу. Рота разбилась на взводы.

Впереди, маскируясь в снежном поле, пополз пулеметный взвод во главе с Кашиным. Еще дальше черными точками виднелось наше разведывательное отделение. Наш взвод был первым наступающим.

До полосы железной дороги, до попадания в полосу пулеметного обстрела противника шли взводом, проваливаясь в снег, маскируясь, ссыпались с гребня полотна на дорогу.

Здесь, разбившись на отделения и получив огневые задания, пошли дальше. Под прикрытием полотна дороги вверх на горку подымались бойцы, а потом, перебежками по одному, открывая огонь и все больше входя в азарт, двинулись на противника. Проваливаясь по колено в снег, падали, но шли вперед.

Татакали трещотки-пулеметы, слышны были удары орудий—словом, бой был во-всю.

Вот и противник. Так здорово замаскировался за кустами, что прямо наскочили на него. Не обошлось и без смеху. Капернаут под самым «огнем неприятеля» сел на снег отдохнуть.

Симонов, заметив приятеля-противника, радостно замахал шапкой. С криками кинулись в атаку. В этот момент дан был отбой.

Поход кончился. Вскоре «белые» и «красные» пошли домой обедать.

Постом сколько разговоров, впечатлений—не перечесть.

Поход внес большое разнообразие в нашу жизнь. Много говорили о том, как перекатывались через полотно железной дороги и как заставили замолчать пулеметы противника, и о многом другом.

А потом в клубе был учебный разбор похода. Огромный план местности прикрепили к стене, и командиры подразделений объясняли свои распоряжения.

Как всегда, вошли, что называется, в раж: один указывал на ошибки другого.

Только мудрое вмешательство Диванова разрешило споры увлекшихся командиров. Решили поход повторить в ближайшем же будущем...

Вечером все говорили о походе..

С отдельных коек слышалось:

— Я ему говорю: куда бежишь. Ведь видно все. А он прет...
— Несознательность,—угрюмо и меланхолично произносил чей-то голос.

А назавтра передавал дневальный, что ночью Степа Кироков встал на койке и долго отдавал какие-то приказания отделению.

Федька Чернов потом отобразил весь поход на страницах «Ударника».

ПЛЯСКА С ПОДСУМКАМИ

Весеннее солнышко грело все ярче. Начали поговаривать уже о лагерях. Лагеря—это была опять новая страница нашей военной жизни.

Но о лагерях были пока только толки. На дворе был еще апрель. Решили мы в ленуголке организовать конкурс плясунов.

Плясунов у нас было много. И надо сказать, знатных плясунов. Нужно было одного из них увенчать званием чемпиона.

За несколько дней до конкурса начались разговоры. Во взводах готовились, называли кандидатуры возможных победителей, сомневались, убеждали—одним словом, конкурс привлек всеобщее внимание.

За день до конкурса в пулеметном классе была устроена репетиция. Ленуголок пулькласа стал внезапно тесен. Плотнее кольцо курсантов. В кольце политрук Аркадиев с гармошкой в руках, и под залихватские звуки гармошки откалывают русскую несколько пар плясунов.

В день конкурса в центральный ленуголок собралась чуть ли не вся школа.

Настроение было, как перед боем. Каждый взвод высылал своих бойцов. Каждый взвод был уверен в победе. Залих-

ватски-веселые понесли гармошечные переливы. А в кругу шпибались пары.

Семь пар. Семь длинных сражений с множеством схваток. Каждое движение ловили десятки пар черных, синих, голубых, серых глаз.

Ну, и коленца откидывали бойцы, прямо летали по воздуху. Потом степенно проходили по кольцу и опять пускались в присядку с вывертами и какими-то особыми фокусами.

Плясали по-московски, по-ивановски, по-орловски.

К концу вечера стало ясно, что победителем выходит Тюрин из пулеметного класса. Не сдавались и остальные, скидывали во время пляски рубашки и одевали вновь. Много еще чего выдумывали ребята.

Но когда Тюрин на руках прошелся по кругу, а потом, как ни в чем не бывало, продолжал откалывать коленца — громом хлопков утвердил ленинский уголок его победу.

Так веселилась школа. А на ремнях у многих висели подсумки. Третий взвод был дежурным и по первому вызову, в течение нескольких минут, готов был собраться и стать лицом к лицу с любой опасностью.

Расходились с тем, чтобы завтра с утра начать опять учебу, серьезную и большую учебу, без дней которой не сладки были бы вечера досуга.

ИЗ КАЗАРМЫ НА ДЕРЕВЕНСКИЕ БАРРИКАДЫ

Сегодня вызвал меня комиссар полка и показал целый ворох писем, получаемых из деревень от демобилизованных красноармейцев. Просил прочитать их на активе нашем и коллективно дать ответ в деревню.

И вот, в нашей маленькой ячееквой комнате целый вечер читали мы деревенские письма.

Был торжественный вечер, когда полк провожал демобилизованных.

Говорили горячие речи командиры, политруки и красноармейцы. Огнями сияла такая праздничная сцена красноармейского клуба.

А потом потянулись километры. Из огромной Москвы— в маленькие деревушки Тамбовской, Нижегородской, Орловской губерний.

У каждого в сундуке заветные книжки. Подарки полка. Книжки, где рассказано было о деревне, о партии. Много о чем было рассказано в этих книжках. Под укачивающий стук колес так хорошо думалось о будущих днях в деревне. И мысли казались продолжением того, о чем столько переделано было в бессонные ночи казарменного дневальства.

Родной и близкой показалась после двух лет разлуки деревня.

Только трудно было отвыкнуть от казарменного уклада. По утрам как-то, по старой двухлетней привычке, ждался призывный пробуждающий звук рожка.

Не было рожка, не было казармы. Потянулись новые дни. Трудные дни, ох, какие трудные.

Часто вспоминался последний вечер, речи учителей-командиров, музыка и огни.

Полетели восточки-письма из деревень—туда, в родной полк.

О многом говорили письма. И одни—сомнения передавали, сокровенные мысли несли в своих строчках, просили разъяснения. Другие дышали желчью и безверием. Третьи говорили о бодрости, силе и желании бороться.

Серый самодельный конверт, в нем корявые строки, грустные сомневающиеся слова.

«... О маленьких непорядках скажу. Много гульбы, пьянства, даже нельзя смолчать. По этому вопросу из многих я наблюдал партийцев—всюду пьяные, а сказать боишься, ибо нас убьют».

Так пишет кандидат партии тов. Юров: «Так что завяжи глаза и бежи куда хочешь... Крестьяне говорят: говорили нам, что смычка рабочих и крестьян через кооперацию, а оказывается размычка... Я им говорю: подождите, граждане, Союз беден—дайте окрепнуть. Ответ! мы уже ждали...»

И дальше прямо воплем несутся слова: «Прошу и умоляю посоветовать и пришлите свое искреннее желание. А то у нас много из села уехали, кто куда попало, и вот я хотел тоже уехать, куда глаза смотрят, но чтой-то жаль покидать... Дорогие товарищи, помогите моим мыслям. Очень трудно стало жить...»

Читаешь это письмо и видишь далекую деревню Тамбовской губернии, избу и в ней свет поздно за ночь. Над письмом склонился комсомолец Иван Юров и в корявые строки хочет излить всю свою боль, все свое сомнение.

Тов. Юров не напрасно пишет в полк. Ответим, тов. Юров. Не падай духом. Крепись, дорогой товарищ. Недаром два года в полку закалялся. Тяжел новый фронт, на котором ты бьешься, но не бежать с него нужно, а биться, биться крепко...

Вот ведь борются на нем товарищи и побеждают. Товариш Шалухин, тоже комсомолец и кандидат ВКП, пишет:

«Работать среди крестьянства очень трудно,—ничего не понимают о культурной жизни».

Но тов. Шалухин не боится трудностей. Он вступил в бой с темнотой и некультурностью, он стал беседовать, убеждать, разъяснять—и «теперь можно сказать, что часто стали обращаться с вопросами... Большая стала доверчивость крестьян.

Каждый день приходят вечером и долго приходится беседовать... Среди ребят образовался актив...»

Шалухин не только актив организовал. Он наладил работу совета, открыл красный уголок, провел постановление об открытии мельницы и сам избран уполномоченным по этому делу. Тов. Шалухин с боями продвигается вперед. И сам он пишет в конце своего письма:

«Много есть ненормальностей на местах, и бороться с этим нужно—хорошо быть подгзовзленным...»

На помощь Шалухину, в ответ на письмо, книги и газеты идут из родного полка.

Рядом с этими бодрыми строками как-то странно и чуждо звучит тон третьего письма. Демобилизованный красноармеец Матвеев жалуется на власть, на партию, на всех:

«Раньше мы платили 30 рублей, а теперь 121 руб. Ну, раньше жили с большим силом, а теперь мы все бессильны и бедны...» Сумма налога делает ясным лицо автора письма.

Дальше звено за звеном вырисовывается типичное кулацкое настроение:

«Разница идет большая против крестьянства. Сейчас у нас нет разницы почти между рабочего класса. Но большая разница на крестьян. Возложили все налоги. Налог берут не один, а много. Крестьянин очень и очень недоволен на рабочий класс. Когда же нас будут равнять, чтобы мы все одинаково платили...»

Характерно, что Матвеев не просит ни советов, ни помощи, а просто возмущается и негодует...

Таких писем немного, но они типичны для определенной группы, определенной прослойки.

И после этого письма с особым удовольствием читаем четвертое письмо, еще более бодрое, чем второе, еще более молодое и зажигающее.

Комсомолец Яков Кочетов рапортует своему полку о том, что сделал он по прибытии в деревню: «Как я прибыл домой, тотчас же встретился с трудностями»...

Но Кочетов не страшится трудностей. У него отец алкоголик, совершает воровство, разрушает крестьянское хозяйство. Кочетов узнал об этом. Что же он делает?

«Я, конечно, не долго думавши, как красноармеец и партиец, не должен скрывать хулиганские тайны и пошел сообщить в милицию...» Кочетов не щадит и отца. Он знает, что, «как красноармеец и партиец», он должен искоренить хулиганство. И он борется с ним, он не падает духом. Он ведь «красноармеец и партиец»...

Он сообщает в письме, что в селе есть «ячейка ВЛКСМ и волком, и ячейка МОПРа и Авиаким, и всякие отделы». «Я до службы,—пишет Кочетов,—запивал, но как прибыл с Красной армии, то показал себя как выдержанным товарищем, спиртнапитки не брал еще в рот».

Кочетов уже член бюро ячейки, представитель бедноты в кооперации и многое другое.

Пребывание в Красной армии не прошло даром для Кочетова. Особенно интересен конец письма. Уже подписавшись, Кочетов еще о чем-то вспомнил. И на странице из тетради, где видны строчки старого плана занятий по вопросам хозстроительства, прямо через текст идут огромные буквы: «Привет ячейке ВКП (б) 2-й роты ст. ячейки ВКП (б) села Дорогощи».

И дальше еще одна сельская новость: «Я из виду выбросил, что у нас при вике утащил кто-то стенгазету, но это ясно, что кулак, потому что мы одного каператора и кулака и баптиста протасили»...

Все письмо дышит работой, бодростью, энергией.

Кочетов строит деревню.

Четыре письма. Нет, не четыре. Это—только наиболее типичные. Много этих писем из разных сел и деревень.

И все они кончаются приветом, и все говорят о победах и поражениях. И иные—грустные и унылые, а другие—яркие и бодрые, как музыка и тот памятный вечер проводов.

А из полка несутся ответные письма, идет помощь, советы, книги. Бойцы деревенских баррикад обеспечиваются боевыми припасами.

Много писем в клееных конвертах с разными штемпелями. И в письмах—интереснее всякого романа—идут строки о борьбе, об очень большой борьбе на деревенских баррикадах.

Читаем мы эти письма. Долго читаем. Давно уже спит казарма.

В каждое письмо вдумываемся. Каждое письмо разбираем.

— Совсем как у нас в деревне,—говорит Симонов.

— И у нас так,—тихо вставляет недавний гость нашей комнаты, Цыганков.

— Да, большая здесь сила нужна,—замечает Степанов, сжимая кулак.

— А что, пожалуй, с каждым годом все больше силы-то. Вот мы приедем. Еще подсобим. Что? Не так разве?..

И депутат наш Сасаров смущенно и вопрошающе глядит на нас.

А Федька Чернов по обыкновению что-то рисует в своем углу.

Потом мы пишем длинные ответы на каждое письмо—пишем коллективно.

И оттого ответы эти становятся крепче, значительней и несут мысли десятков и сотен крестьян и рабочих, одетых в красноармейские шинели, туда, на далекие поля, тем крестьянам, кто так недавно снял эти шинели и пошел биться на новые баррикады—баррикады деревенской тьмы...

Незадолго до отъезда в лагерь собрал начальник школы особую команду. Начальник школы Петров сделал отчет об учебе, дисциплине, вообще о состоянии команды.

— Не все хорошо к делу относятся,—говорил Петров.— Вот Лысовский 5 дней на гауптвахте отсидел и все же несколько не остепенился. Опять в самовольные отлучки бегают. Ежели так будет продолжаться, надо будет принять более суровые меры. На особую команду вся школа смотрит...

Говорил начшколы Диванов, политрук Горовский, и в речах этих мягких людей тоже слышались суровые нотки.

— Пора остепениться и стать дисциплинированнее. Люди уже взрослые, сознательные.

Мы с Фуражкиным также обрушились на недисциплинированную часть курсантов.

Немедленно после нас слово взял один из тех, кто больше всех манкировал занятиями—Неливцев. К нашему величайшему удивлению, он произнес покаянную речь и присоединился к нам на все сто процентов.

Как и следовало ожидать, с возмущенными речами выступили Кулаков и Адзанов.

— Надо больше свободы психике,—начал философскую тираду Кулаков. А Адзанов произнес большую речь о том, что он уже человек взрослый, что воспитывать его уже поздно, что он сам-де знает, как исполнить свой долг.

Долго бушевало собрание.

Кулаков и Адзанов оказались в одиночестве.

Принято было решение всячески помогать в работе комсостава.

... Вечером в ячейке долго мы беседовали с начальником школы о типах особой команды.

Решили по всем линиям Кулаковым потачки ни в каком случае не давать.

А потом рассказал нам начальник, что смертельно устал он, что сильно болен и уходит в отпуск. А вместо него на время отпуска начальником школы будет Ильиченко.

Нас это как обухом по голове ударило. Слишком мы сжились с Дивановым. Слишком хорошо сработались. И теперь казалось, все это поколеблется.

Диванов долго убеждал нас, что все останется, как было.

Но мы чувствовали, что он это говорит только для того, чтобы успокоить нас.

ДИВАНОВ И ПИЩИКОВ

На президиуме ячейки сегодня разбирался интереснейший вопрос.

Заявление о принятии в партию подал наш старшина Пищиков.

Рекомендовал Пищикова в партию Диванов.

Пищикова знали мы все, но не все мы знали его историю.

А история была такова:

У себя в деревне был Пищиков одним из главных активистов-комсомольцев.

Послала его комсомольская ячейка в школу комсостава в Москву.

Учился здесь Пищиков хорошо. Должен был уже кончать школу, как вдруг незадолго до окончания случился казус.

— Изменил он всю линию моей жизни, — рассказывает певучим говорком Пищиков. — Спутался с несколькими беспутными товарищами, напились мы вдрызг, у девочек были, а потом в пьяном виде явились в школу. Ясно, нас и застукали. А тут еще в школе у одного товарища шинель про-

пала—подозрение пало на нас. Потом, правда, на суде все выяснилось. Но под суд попали. Исключили меня из комсомола и из школы. Послали дослуживать в полк. Вот такая линия вышла...

— Ну, а теперь пьешь?—спрашивает его Гостинницев.

— Пусть товарищ начальник скажет.

— Не начальник, а Диванов,—поправляет Диванов.—На службе я начальник, а в ячейке такой же товарищ, как все.

Я вижу, Гостинницев насмешливо подымает бровь. Видно думает, либеральничает парень.

Диванов произносит целую речь о Пищикове.

— Когда он пришел ко мне в школу, целый год испытывал его я как отделкома. Вот теперь, когда увидел, что вся прошлая история были лишь случайностью, назначил Пищикова старшиной. За 1½ года пьяным не был он ни разу. Знает его весь полк.

— Какое отношение к курсантам?—спрашивает Симонов.

— Спросите у них. Да и сам, чай, курсант—знаешь.

— Слишком мягок только,—замечает член президиума, комвзвода Карташев.—Покруче надо.

Против приема высказывается только один Степанов.

— Надо погодить. Пусть пока так поработает.

Опять большую речь произнес Диванов.

И та страстность, с которой защищает он Пищикова, как-то приводит на ум сравнение с тем, как у Либединского в «Комиссарах» начшколы Арефьев выгораживал во время партчистки своего начканца.

— Кто за принятие в кандидаты?—голосует Ваня.—Единогласно.

Вопрос исчерпан...

На этом же заседании президиума простились мы на месяц с нашим начальником.

НОВЫЙ КОМАНДИР

Раньше обычного разбудили сегодня школу.

На несчастье, дежурным был Капернаут. На бедного Макара навалили сразу целый воз шишек.

Трудно себе представить, какой поток слов и ругательств со всех коек вызвали эти «недоспанные» полчаса.

«Старик» Капернаут пытался прекратить шум. Но ему это не удавалось.

Только зычный голос старшины Сотникова водворил порядок.

— Известно ли товарищу старшине, что нас подняли сегодня на полчаса раньше? А если известно, то почему подняли?..—в изысканной форме подал парламентский запрос Боголюбов.

— Во-первых, репетиция к первомайскому параду, а во-вторых, новый командир будет принимать наш полк.

Шум сразу был отведен в другое русло. Дело приобретало совсем иной характер. Все хотели взглянуть на нового комполка.

Старый наш командир, общий любимец Дмитриевский, был назначен начальником только что сформировавшейся дивизии. Все мы были горды за нашего командира, но расставаться с ним было грустно. Кого-то теперь прислали на смену?

На широком дворе выстроился весь полк. На нашем правом фланге стоял Поташенок. Стажировался он теперь на помкомвзвода, и это доставляло ему огромное удовольствие.

Если одни как Адзанов воспринимали свои обязанности стажирующихся отделкома и помкомвзвода как долг, то Поташенок считал это и искусством. Стройный, затянутый,

без одной складочки, он не командовал взводом, а священнодействовал. И сейчас, как статуя, стоял на нашем правом фланге...

Оркестр заиграл встречный марш...

— Сми-и-рно!..—прокатилось по двору.

Полк замер. Из-за угла штаба, в сопровождении командования полка вышел низенький командир в пенсне.

— З д р а в с т в у й т е, товарищи,—сказал он негромким голосом.

— З д р а в с т в у й т е!..—гаркнула школа.

Комполка пошел по фронту. И уже вдали раздавались слова приветствия: «З д р а в... щ и... а р т и л л е р и с т ы...»

Первое впечатление о комполка было не из важных. Слишком привыкли мы к статной и видной фигуре старого командира.

Обойдя фронт, Караев (новый командир) вернулся к школе. Поташенек, казалось, проглотил аршин... Да, впрочем, и все стояли не шелохнувшись. Строевиками были мы уже недурными.

Караев повернул младший и средний комсостав и усматривал его в конец двора.

Потом собрал нас вокруг себя и начал спрашивать, нет ли у кого каких претензий или жалоб и хорошо ли кормят...

— Какие же жалобы,—за всех ответил Нахимов. И глядя на его статную фигуру, действительно трудно было усомниться в том, что кормят хорошо.

Караев пошел дальше, по фронту. А к нам вернулся наш комсостав.

— Ну, Ключников, законал я тебя,—сказал Симонов,—обо всех твоих зверствах комполка рассказал.

— Что же те́перь?..—таращил глаза отделенный командир Ключников.

— Не иначе—расстрел.

Комполка кончил принимать полк, и мы отправились в казарму.

Как и следовало ожидать, дежурный Капернаут с кем-то разговаривал по душам и опоздал с талонами на обед. Крыть его было уже больше не во что... Все эпитеты были использованы...

Капернаут добродушно отругивался...

ДЕЛА И ДНИ. ОПЯТЬ ИЛЬЧЕНКО

Что ни день, репетиция к первомайскому параду. Сегодня первый раз в школу пришел Ильиченко. Школа сразу почувствовала нового начальника.

Бас Ильиченко раскатился по школьным коридорам. Дежурил в этот день мариец Сакарбаев. Не так быстро отдал он рапорт. А когда на него грозно глянул Ильиченко, совсем оробел и замолчал. Еле-еле удалось выдать из него слово.

В первый же день своего прихода Ильиченко двух человек отправил на гауптвахту. Школа сразу присмирела. Все вспомнили о любимом Диванове, которому и без «губы» все беспрекословно подчинялись.

А когда на репетиции парада басил Ильиченко на весь плац «С м и - и - р н о!..» — тряслись поджилки.

Если в момент не принималась команда, он сразу же командовал по своему обыкновению!

— Отставить!.. Смирно!.. Отставить!.. Смирно!.. Отставить!..

К концу репетиции мы действительно шагали, как автоматы, и не сбивались с ноги.

Вышла у нас с Ильиченко маленькая стычка, когда он, не согласовав с политруком и партячейкой, в день парт-

собрания послал целый ряд партийцев на какую-то работу. Но при помощи политрука взаимоотношения стали налаживаться.

Только по вечерам в комнате ячейки часто-часто вспоминали о Диванове.

На топографии вышла у нас очередная заминка. Вымеряли мы какой-то участок. Петров был болен и командовал нами Кашин. Кашин с Дыркиным были старыми врагами.

И вот Дыркин сбился с участка и пропустил счет шагов.

— Сколько у вас отмерено, тов. Дыркин?—ехидно спросил Кашин.

— Не знаю, забыл.

— А, забыли! Вы вообще учиться не желаете, тов. Дыркин. Я давно за вами приглядываю. Получите два наряда.

Еле удержали мы Дыркина от грубого ответа.

Потом он нам долго жаловался на Кашинскую несправедливость. Два наряда все-таки пришлось отнести.

В НАРАУЛЕ

Весна... В раскрытые окна казармы веет весенний ветер и весенние запахи проникают в казарму, пьянящие и зовущие весенние запахи.

Особенно приятно в эти дни веселым строем шагать за город на тактические занятия.

Поют все. Поют даже те, кого нельзя было заставить раскрыть рот зимой. Кроме старого избитого «черного ворона», который летал над могилами бойцов, появляются уже свои, только-только сочиненные боевые песни... Запевает всегда Федька Чернов.

За городом раздолье. Не узнать тех снежных полей, где провели мы только месяц назад наш первый поход.

Теперь плачут снега. Белый пушистый мех покрылся проталинами, побурел. Местами струйки воды сливаются в ручьи, и, словно лентами, глубоко-глубоко перекрещена зимняя шуба земли.

Весна....

И особенно бурно проходят тактические занятия. А в перерывах гремит молодой смех, опять льются песни, бурно радуется весенним дням школа.

Теперь уже винтовка не жжет пальцев, как бывало на зимних занятиях, теперь легко вскидываешь ее через плечо... И айда вперед, с песнями.

А когда проходим через кладбище—каким контрастом кажется наша бьющая через край жизнь с тишиной кладбищенских могил.

Мы стараемся скорее пробежать кладбище. И уже снова на улице разливаются наши песни.

Проходя, перемигиваемся с девушками, высывающимися из окон на наши песни.

А они весело смеются нам вслед.

На плацу, под окнами казарм ребятишки—целый детский сад—тоже маршируют, подражают нам, командуют...

— Смотри,—говорит один карапуз другому, показывая на загнутые носки хромовых сапог комвзвода Петряка,—у него сапоги кулносые...

И карапузы пускаются в обсуждение—«кто стальше»: старшина ли Пищиков с четырьмя угольниками или комвзвода Карташев с двумя квадратиками.

Единодушно соглашаются, что старшина...

Хорошо весной на улице...

Через несколько дней парад.

Сегодня получил назначение в караул, охранять артиллерийский склад.

— Я — караульным начальником, Сасаров — разводящим часовыми — Неливцев, Цыганков и еще несколько курсантов. Проштудировали мы еще разок гарнизонный устав и двинулись.

Склад помещался на набережной.

Принял я караул, разводящий проверил посты, расставил часовых.

Смена завалилась спать на нары.

А мы с Сасаровым в маленькой прокуренной комнате коротали вечер.

... Т-р-р... — зазвонил телефон. Вот чорт. Кто мог бы так поздно вечером звонить.

— Говорит начальник гарнизона. Все ли у вас в порядке?

И слышу я, что у начальника гарнизона Федьки Чернова голос. Ба, да он же рядом на выставке карначем, и там телефон есть. Поговорили мы с ним. Разговор сбил сон с глаз. А то, проклятый, одолевать начал. Ночь выдалась темная, ни зги не видать. Оставил я Сасарова, пошел посты обходить. Больше всего боялся, как бы Неливцев не закурил на посту. С него бы стало.

— Кто идет?..

— Карнач...

Темная фигура Неливцева маячила на посту. Пошел дальше. В глубине двора взад и вперед расхаживал Цыганков.

Наш член Моссовета был ревностным часовым. За него я был спокоен.

Вернулся в караулку.

Там в эту ночь караула рассказал мне Сасаров о мечтах своих сокровенных.

— Приеду я после армии и организую сельскохозяйственную артель. Научился я уже здесь многому. Еще большему

научусь и других мужиков учить буду. Главное спасение для нас—в артели.

И до самой поры, как вести смену на пост, рассказывал мне Сасаров, как плохо живет у них деревня и как он будет помогать ей после армии всеми знаниями, которые здесь получит.

В середине ночи послышался стук в ворота. Взяв винтовку у одного часового, пошел я к воротам.

— Кто стучит?..

— Жилец...

— Пропуск?..

— Нету пропуска.

На дворе у нас был жилой флигель и о том, как и кого пускать в этот флигель, весьма туманно говорилось в инструкции.

Пришлось будить председателя жилтоварищества и по его удостоверению пропускать жильцов-полуночников.

Председатель с каждым разом все больше мрачнел. Ночь для него выдалась неважная.

Так без особых приключений окончилась эта ночь...

Днем грело солнышко. На дворе играли дети. И караулить было одно удовольствие. Давала себя чувствовать только бессонная ночь.

При сдаче караула вышел казус.

Пришел принимать у меня караул отделком 3-й роты и, все осмотрев, записал в книгу:

«Принял все за исключением вышеупомянутого...»

— Какого вышеупомянутого?—удивился я.—Ведь выше ничего не упомянуто?..

— Так принято,—упрямился отделком.

Долгих трудов стоило мне его убедить снять эту глупую надпись.

Эту ночь в казарме спали мы особенно крепко. Я видел во сне, как Сасаров на крестьянском сходе что-то с жаром доказывает крестьянам.

ЦЫГАНКОВ—ЧЛЕН ЦИКа

На посту в гарнизонном карауле стоял в тот день маленький красноармеец Цыганков.

А в огромном зале Большого театра секретарь ЦИКа оглашал Всесоюзному Съезду Советов список новых членов Центрального Исполнительного Комитета. И среди других фамилий где-то не очень далеко от Калинина и совсем близко от Чичерина и Цюрупы была прочитана фамилия:

— Цыганков—беспартийный, крестьянин, красноармеец.

Так стал красноармеец Цыганков членом советского правительства.

Сначала это было чудно и необычно. А потом привыкли ребята, что среди них находится собственный член правительства.

Так же, как и другие, чистил член ЦИКа винтовку, так же как и другие, ходил в наряд.

И часто именно там, в наряде на кухне, за чисткой картошки, велись длинные обстоятельные разговоры и о политике нашей, и о делах китайских, и о многом другом. «Собственный» депутат разъяснял и растолковывал ребятам.

По вечерам на койке цыганковской собирались ребята после поверки, и самые разнообразные темы разбирались, что называется, до точки.

Да еще на поверке иногда отсутствовал Цыганков. И отделком докладывал старшине, что красноармеец Цыганков отпущен на заседание ЦИКа или Моссовета или по другим правительственным делам.

Маленький Цыганков, бывший член сельсовета деревни Прохоньево, Тейковского уезда, понял, что избрание его в ЦИК возлагает на него большую ответственность.

Все свободное от учебы время он посвятил книгам и газетам. Ведь к нему всегда могли обращаться красноармейцы. И на все он—член ЦИКа—должен дать ответ...

Казалось непонятным, как мог за короткий срок так вырасти этот маленький, рядовой красноармеец. На полит-часах он стал первым. А во внешкольные часы его всегда можно было увидеть в кругу красноармейцев. Цыганков всегда что-нибудь разяснял и рассказывал.

Вместе с тем член ЦИКа успешно готовится стать отделенным командиром.

Курсант полкшколы Цыганков был одним из лучших в своем взводе.

Потом, уже после экзаменов, когда Цыганков получил право прикрепить к петлице два треугольника отделенного командира, он получил отпуск на две недели съездить в родное село.

Пошел Цыганков в ЦИК «сняться с учета»...

И там дал ему ЦИК поручение—во время отпуска обследовать работу вика и призывной комиссии.

С широкого казарменного двора, с сундучком через плечо отправился член правительства на вокзал.

В волисполкоме члена правительства встретили с уважением.

Только два-три года тому назад был он маленьким Андрюшкой Цыганковым и вместе с другими деревенскими ребятами сооружал спектакли, гонялся в горелки, по вечерам с гармошкой ходил по деревенской улице, а теперь Андрюша—красный командир и член ЦИКа.

Все до тонкости прощупал Цыганков. И о землеустройстве, и о школе, и с решениями съезда уездного ознакомился,

и в уезд съездил. Долго говорил он с агрономом и с землемером.

А предвику особенно много указаний сделал по поводу военизации и велел обратить на нее особое внимание, а г л а в н о е, на работу с допризывниками.

Выяснил он также, почему задерживаются заявления красноармейцев о лесе, и тут же дал свои указания.

И так же, как в казарме на койке, 12 вечеров под ряд собирались к Цыганкову крестьяне. И 12 вечеров вел беседы член правительства и о сельхозналоге, и о Китае, и об англичанке.

А днем молотил Цыганков.

И это было привычнее, чем делать доклады и обследования... Но Цыганков успевал и на этой и на той работе.

Опять в приказе по полку промелькнула строка:

«Возвратившегося из отпуска... зачислить на довольствие...»

Цыганков в полку. Со вниманием вслушивались красноармейцы в отчет его о поездке домой. Весь взвод был из Цыганковского уезда. О многом расспрашивали, о многом переговорили в тот вечер.

А перед сном маленький Цыганков стал собирать бумаги и доклады для отчета ЦИКу о поездке и проделанной работе.

В казарме было уже темно и только у тумбочки дневального, где примостился член правительства, электрическая лампочка освещала грудку бумаг и маленькую белоголовую фигурку. Член правительства готовил отчет.

Д О Л Г

Пришел приказ отпустить по два человека со взвода на несколько дней пасхи домой.

Из 2-го взвода были намечены два комсомольца—Кутаков и Соколов. Перед самым отъездом пришли они ко мне и заявили, что не едут.

— Почему, ребята?..

— Мало трех дней. Приедем, а обратно так скоро ехать не захочется. Просрочить мы как комсомольцы тем более не можем. Лучше уж подальше от греха—совсем не ехать...

Вечером они на вечере самодеятельности оживленно играли вместе с другими в какую-то игру.

— Дураки,—говорили некоторые курсанты.

— Молодцы ребята,—говорило большинство.

ПЕРВОЕ МАЯ. КРАСНАЯ ПРИСЯГА

Наконец настал день Первого мая. Выдали нам всем новое обмундирование, новые подсумки, ремни к винтовкам.

Стажирующие отделкомы прикрепили к петлицам треугольники. Все внимательно осматривали друг друга. Как бы не подкачать.

Не было ни одного человека в полку, кто бы в этот день не был наэлектризован общей торжественностью, кто бы не гордился, что в этот день он пройдет по Красной площади в рядах полка.

По нашему полку равняться будет весь гарнизон. Мы не имеем права подкачать.

И вот стройными рядами, блестя штыками на солнце, на плацу вытянулся наш полк. Особенно торжественное настроение было у всех. И, казалось, радостно перемигивались с солнцем наши штыки и треугольнички на петлицах.

Из ворот показалось знамя. Не шелохнулось древко в твердой руке Володи Нахимова.

А за знаменем вышел командир полка.

— Поздравляю вас с великим праздником трудящихся
1 Мая.

Казалось, воздух был взорван многочисленными ответными «ура».

А потом в походную колонну построился полк, и по утренним весенним улицам пошли мы на площадь Ногина, где собиралась вся дивизия.

Четко отбивая шаг по мостовой, с усмешкой вспоминали мы, как ровно полгода назад беспорядочной толпой по этой же дороге шли мы в казарму.

Сейчас мы казались себе старыми, испытанными бойцами.

На площади Ногина оркестры четырех полков слились в один. И этот общий дивизионный оркестр встретил приехавшего комдива.

Четырьмя стенами стали на площади полки. И когда командир наш Дмитриевский поздравил дивизию с праздником, «ура!» закричало несколько тысяч голосов. И это было искреннее, радостное «ура».

А потом небольшую речь сказал комдив и повел дивизию на Красную площадь.

Многие, вернее большинство, в первый раз видели Красную площадь, в первый раз видели мавзолей Ильича.

Потом, когда стали мы против мавзолея и когда на своем месте была расположена вся дивизия в ожидании парада, градом вопросов закидали нас, знающих, курсанты.

А маленький член ЦИКа в группе ребят рассказывал все, что он успел узнать о 1 Мае.

Солнце смеялось на лезвиях наших штыков. Высоко на Кремле полыхало красное полотнище.

— Я никогда еще не переживал такого дня,—сказал мне тихо Симонов.

Большие часы на Спасской башне начали отбивать 9 ударов.

— Парад, с м и р ! о ! — раскатился по всей Красной площади голос комвойсками Базилевича. А из кремлевских ворот показался на коне председатель Реввоенсовета Клим Ворошилов.

И за ним весь Реввоенсовет.

Замер народ... Замер наш полк.

Рапорт наркомвоену отдал комвойсками, и потом Ворошилов объехал фронт войск, поздравляя всех с праздником.

Теперь «ура» кричала вся площадь. И перекатывалось оно волнами от края до края.

С трибуны мавзолея читал нарком слова красной присяги:

— Я, с ы н...

И вся площадь отвечала!

— Я, с ы н...

— Т р у д о в о г о н а р о д а...

— Трудового народа...

Бойцы Красной армии принимали красную присягу: Каждый с жаром произносил слова присяги. И с нескрываемым удивлением смотрел на это величественное зрелище дипломатический корпус.

Потом говорили речи. Говорил Николай Иванович Бухарин, Михаил Иванович Калинин, говорили родные иностранцы-товарищи. И они гордились нами. Ведь мы были и их армией.

Мы слышали тех, о ком так много уже знали и портреты чьи так любовно развешивали у себя в ленуголке.

Потом кончились речи и по площади разнеслась команда:

— К торжественному маршу!..

И от комвойсками к комдивам, от комдивов к комполкам понеслись слова команды:

- По-батальонно!—кричал комвойсками.
- По-батальонно!—передавал комдив.
- По-батальонно!—командовал комполка.
- На одного линейного дистанция!..

И вдруг двинулась сплошная масса бойцов. Части начали проходить мимо мавзолея дружными рядами.

У мавзолея встречали и приветствовали их вожди.

Когда проходили мы, все внимание было устремлено на то, как бы не сбиться, как бы не подкачать.

Будто откуда-то издали слышали мы приветствие полку и громко кричали в ответ «ура»...

Пришли в казарму усталые.

На дворе перед помещением школы поблагодарил нас Ильиченко от имени командования полка за службу.

— Сегодняшний день показал, что вы не даром учились зимой... Сегодня мы закончили зимнюю учебу. Впереди лагеря...

Разошлись мы по койкам. Многие ушли в отпуск. Оставшиеся собирались в группы и вспоминали этот такой торжественный и необычайный день...

В окна дышала весна и как бы подтверждала слова Ильиченко, что зимняя учеба кончилась.

ПОД ВЕСЕННИМ НЕБОМ

Опустели казармы. Сдвинуты пустые койки, убраны постели, оружие.

По дороге движутся колонны.

Полковая школа затягивает песню... Сегодня хочется спеть как-то особенно задорно и весело. И особенно разгорается задор, когда из города курсанты выходят на шоссе. Там—простор, широкий простор, и нужно залить этот простор пенями.

На ряду со старыми, много раз певшимися, тут же на ходу сочиняются песни собственного изобретения и волной переливаются по флангам.

... Грусть тоску развеяв,
Сзади Федосеев
Глотку раздирает
Песней боевой...

В лагерях большинство никогда не бывало. Сразу школа приступает к устройству жилья.

— Там наверху, на небе, верно, фашисты сидят,—острят курсанты. И действительно, дождь старается помешать натянуть палатки.

Еще час—и в лагере забелели палатки.

Началась лагерная жизнь с ее радостями и трудностями. Лагерь ожил.

Бой с «небесными фашистами» длился всю неделю... Но курсанты отбивали атаки холода. Строили лагеря, окапывали, таскали дерн, украшали свои летние квартиры. А по вечерам вспыхивали песни. На большой дороге, где зажигали костер, собирались бойцы... Чувствовали себя—будто в походе. Кто-нибудь начинал рассказывать, а другие слушали. Потом прорывалась песня:

Живо, живо, коммунары,
В бой пойдем мы, как один,
Власть советов капиталу
Никогда не отдадим.

Одну песню сменяла другая. Догорал костер, и на лица бойцов, плотно окружавших его, ложился багровый отблеск.

СОВНАРКОМ В ПАЛАТКЕ

В палатке первое время мерзли ужасно. Все время лил дождь и пронизывающий ветер распахивал полы палаток.

В нашей палатке собрались представители самых разнообразных течений школы: Федька Чернов, Гостинницев, Капернаут, Адзанов, Кулаков, Нейфельд, Цильский, я и помкомвзвода Волков.

Несмотря на дождь и холод, молодой и звонкий смех не прекращался в палатке. «Превратности судьбы» были нам ни почем. Но многие сильно хандрили и совсем повесили нос. В первый вечер организовали мы в палатке «совнарком». «Предом»и наркомом земледелия был Гостинницев, наркоминделом—я, наркомвнуделом—Кулаков, наркомфином и торгом—Нейфельд, наркомпросом—Цильский, наркомюстом—Капернаут, наркомвоенмором—Волков и наркомтрудом—Федька Чернов.

Все разговоры у нас происходили исключительно по ведомствам. Гостей из других палаток принимал я. Оборудованием палатки ведал наркомтруд Чернов. Булки ходил покупать наркомторг Нейфельд и т. д.

Работа в лагере быстро закипела. Ильиченко умел нажимать. Были обсажены дерном палатки, выложены разноцветными камнями различные фигуры. Лагерь принимал «настоящий вид»...

Вскоре прекратились дожди. Солнце взошло, чтоб уж надолго не сходить с неба. Обогрелись и мы, и палатки. Большой полотняный город зажил сложной походной летней жизнью...

СПОРТГОРОДОК

Огромный луг раскинулся перед лагерем. На луг этот мы ходили заниматься и отдыхать после занятий.

Забыты уж дни дождей и ненастья. Жарко палит солнце. Хорошо растянуться во весь рост на зеленой траве.

На лугу устроен спортгородок. Поставлены заборы, выкопаны ямы, через рвы проложены бревна.

Задача наша—суметь пройти спортгородок в полном походном снаряжении.

А походного снаряжения у нас теперь порядочно.

Винтовка, скатка, лопатка, противогаз, мешок, гранатная сумка. Куда только не навешиваем мы разных вещей. А Дыркина из-за них даже разглядеть трудно. Прямо не человек, а вешалка.

И вот во всем этом надо проходить рвы по бревну, перелезать через заборы, пролезать под проволочными ограждениями.

Особенно тяжелы были для нас забор и бревно...

Вот Капернаут бежит во всю прыть. Добежит до забора и... баста. Не взобраться Капернауту на забор. А ежели взберется, не слезть ему ни в жисть.

Так и сидит на заборе верхом мрачная капернаутовская фигура.

— Капернаут, другим место освободи...

— Не могу. Не осилю.

Много трудов было, пока научили Капернаута перелезть через забор.

Еще хуже дело обстояло с бревном. Задача была—пройти через ров по бревну.

Храбро ступали мы на бревно и, дойдя до середины, не выдерживали равновесия и тяжело плюхались в ров.

«Героем бревна» был Нейфельд.

Двадцать раз начинал он переходить ров и... неизменно, дойдя до середины, срывался.

— Нейфельд,—говорил начальник команды.—А что если бы под вами не ров без воды был, а поток горный?..

— Не выходит, товарищ начальник,—жаловался Нейфельд. И опять начинал сначала.

А мы-то издевались, мы-то посмеивались, и горе было тому насмешнику, кто сам потом срывался с бревна. Лучше было ему не выходить изо рва... Засмеют...

Зато птицей быстрой пролетал по бревну Федька Чернов. Для него было большим удовольствием перескакивать через заборы и рвы. Делал он это ловко и красиво. С нескрываемой завистью глядел на него Капернаут.

После спортгородка бывал у нас политчас. Шли мы на ленполянку и здесь отдыхали после «бревна» и «заборов».

На ленполянке был оборудован летний клуб—ленпалатка. Был он оригинально устроен в форме мавзолея. Здесь была главная штаб-квартира политрука Горовского

и Вани Фуражкина с ячейкой. К тому времени был у нас и другой политрук, Аркадьев, веселый рабочий парень, главный организатор вечеров самодеятельности и завзятый гармонист.

Кроме школьной ленпалатки, был еще полковой клуб, с читальней, библиотекой и кабинетами. Почти как в городском помещении.

Это было лучшее здание в лагере. Комсостав жил в маленьких легких хибарках. Казалось, дунешь—и улетит хибарка...

Недаром однажды после сильного дождя пришел к ним весь мокрый политрук Аркадьев и жаловался, что его «вымело» их хибарки.

Была еще открыта сцена с кинобудкой. Здесь бывали у нас собрания полковые, и чуть ли не каждый вечер шла кинофильма.

Не было только нашей маленькой ячейковой комнаты. Но скучать по ней было некогда. Занятия занимали гораздо больше времени, чем зимой.

Часто ходили в большой общелагерный клуб «Красная кузница». Да и приволье широкого луга манило из закрытых помещений.

Только Костя Гостинницев нашел где-то какую-то беседку и попрежнему упорно каждый день писал свой роман.

ПЕРВЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ

Занятия становились все серьезнее. Усложнялась и парторбота...

Пулеметчики наши уехали в Быково на пулеметные сборы. Уехал с ними Ваня Фуражкин. Пришлось за него секретарствовать.

В каждой палатке, а их было у нас больше 40, надо было избрать палаточника. Палаточник был культрукководителем палатки. Газеты читал, разъяснял все непонятное, беседы проводил.

Палаточниками стали почти все комсомольцы. Занимались мы с ними, указывали, как на вопросы отвечать.

А в нашу «совнаркомскую» палатку ко мне каждый вечер бывали паломничества. Потом забирал я с собой человек 10 палаточников и уходил с ними на луг.

Здесь на траве, под огромным куполом темного ночного неба, всего истыканного золотыми звездочками, здесь вели мы долгие разговоры.

— Как сейчас во Франции?—начинал Цыганков.

Маленький член ЦИКа особенно интересовался международными вопросами.

Говорили и о Франции и об англичанке. А потом Цыганков рассказывал о заседаниях своих циковских и моссосветских. Был он простой, как и раньше. И ни одним жестом не пытался показать свое «высокое звание».

Переходили на школьные вопросы. Со школьных—на свои домашние. Сасаров всегда заводил разговор о том, как житься хорошо будет, когда все в сельскохозяйственные артели пойдут.

И так долго-долго сидели и говорили мы. Потом замолкали и смотрели, как высоко в небе переливались звезды. И многие думали о доме своем и о «той», кто ждет там, далеко, за тысячи верст, их возвращения.

А под грибом в лагере стоял часовой и тоже глядел в ночное небо.

...Сон был крепок, как никогда. Особенно крепок после тактических занятий. Занятия тактические бывали у нас через день.

Ранним утром вставал полк. Наскоро споласкивали лица, пили чай, съедали что-нибудь горячее—и в поле, в лес—километров за 10... Там разделялся полк. Школа была в наступлении. Батальоны в обороне. Или наоборот бывало дело.

Собирал Ильиченко всех командиров. Объяснял им боевую задачу, и школа шла в бой.

Разбивали на роты, взводы, отделения. Ползли, перебежали, палили из пулеметов. И наконец лихой атакой выбивали врага.

Каждый из нас по очереди бывал отделкомом.

Приятно было вести вперед отделение и знать, что от твоей команды зависит, может быть, исход дела.

Как всегда, несчастье вышло с Капернаутом.

Он командовал отделением. Мы шли в атаку. Вдруг в самый решительный момент у отделкома развязалась обмотка, и он на полном виду у противника сел перевязывать ее.

— Капернаут, брось,—шипели мы,—не демаскируй нас.— Но он был невозмутим.

Тогда, бросив своего незадачливого командира, под командой Федьки Чернова побежали мы вперед.

После боя собирались все в кружок и разбирали занятие. Только некоторые ползали по окрестностям в поисках потерянных топоров и лопат...

Здесь на разборе бывала жестокая сеча. Один на другого насккивал, указывал на ошибки, крыл во-всю.

Ехиднее всех крыл Ильиченко...

Больше всего любили мы оборону. Окопаешься, укроешься и лежишь на солнышке в ожидании наступления, а потом часа через три мчишь в контратаку.

Но и тут бывали казусы.

Дыркин и Нейфельд разогрелись на солнышке и уснули. А были они в охране. Так их сонных и взяли в плен. Стыдили их всем полком. И не одна частушка ехидная ходила о героях...

Усталые, с песнями возвращались в лагерь и здесь на-кидывались на обед. После целого дня на воздухе дышалось свободно и легко.

Тяжелы были только дождливые дни, когда в дождь по страшной грязи, мокрые и разбухшие, вели мы наши боевые занятия.

Но таких дней было немного.

НА СТРЕЛЬБУ

Сегодня во время проверки старшина Сотников объявил: — Завтра из отпуска возвращается начшколы Диванов. Дружное «ура» загремело от фланга и до фланга школы. Старшина даже не ожидал такого эффекта.

Но и сам он весело улыбался. Диванова ждали, как отца родного, и когда появился он в школе, загоровший и поправившийся, каждый смотрел на него как-то особенно любовно и ласково.

На другой день Диванов принял школу, и мы опять простились с Ильиченко.

Диванов сразу же выработал план занятий. Кроме тактических, через день начали ходить мы на большое стрельбище, километра за четыре от лагеря.

— Тактика, стрельба и политзанятия, — говорил Диванов, — вот главные основы нашей учебы. Плох тот боец, кто не умеет стрелять.

Стрельбище заняло почетное место в нашей лагерной жизни.

...Раным-рано подымается полковая школа.

Сегодня стрельба. В полном снаряжении выходят курсанты из лагеря.

Еще спят в соседних палатках. По лагерю проходят тихо. Только вышли в поле, и утреннюю тишину вспугнула первая песня.

С песнями все еще туго, очень туго. До сих пор предпочитают «Дуню» всякой новой хорошей песне.

Но теперь уж пошли в ход песни собственного изготовления.

С правого к левому флангу переливается!

Смело, школа полковая,
На учебу наш напор,
Наша песня боевая
Льется радостно в простор.

Стрельбище...

— Школа, стой!

Конец песне.

Раскинулось огромное боевое поле. Впереди, далеко чуть чернеют мишени.

Школа разбивается на смены, и смены одна за другой выходят на линию огня.

На линии огня не до песен. На линии огня полная тишина.

Правда, и тут не сдержится Грамм или Кириков и брякнет шуточку. Но их быстро осаживают. На линии огня тишина и сосредоточенность, а сзади среди ожидающих, разговоры, подготовка. Некоторые палаточники вынули газеты.

Сигнал.

«Попади, попади, попади»...—поет рожок.

Гулко начинают трещать винтовочные выстрелы.

Сердце замирает в груди. Крепче прижимаешь к плечу винтовку. Стараешься попасть во что бы то ни стало.

Вот у третьей мишени поднимается красная указка. Попал. Облегченно вздыхаешь.

И когда возвращаешься с линии огня, гордо поглядываешь на товарищей.

Но вот уже новую смену вызывает рожок, и снова сухой треск винтовок.

Не всегда показывается указка. А иногда к вянущему стыду стрелявших за 50—60 шагов взмывается столб земли—пуля ударилась в землю.

Один выстрел за другим, одна смена за другой.

Потом бойцы считают промахи и попадания. Спорят, доказывают, а отличные стрелки гордо поглаживают свою винтовку.

И почти всегда печально возвращается с линии огня Капернаут.

Никакие приспособления не помогают ему. Все пули летят за молоком.

— Капернаут, ты уже можешь скоро целое молочное заведение открыть, смеются ребята.

Но Капернаут не обижается. Он сосредоточенно думает, что бы еще соорудить, чтоб попасть.

А когда стреляем мы в противобазах, не одному Капернауту приходится печально возвращаться с линии огня.

Стекла противобазах запотевают, ничего не видишь дальше своего носа и стреляешь наугад.

Попадают очень немногие, и тут уже Капернаут утешает своих товарищей по несчастью.

На обратном пути поется новая, только-только на стрельбище составленная песня.

Весело, громко поет школа:

Наш Леви — стрелок искусный,
Шесть зарядов выпускал,
Вместо шанцевой лопатки
Пулей землю ковырял...

Другие подхватывают:

Полкоманды надевало
Кулаковские очки.
Ничего не показали
Красно-белые значки.

Звонко ведет песню Федька Чернов:

Над мишенью стрелковой
Не сизой орел летал,
Капернаут по мишеням
Из винтовочки стрелял.

И дружно подхватывает школа:

И в соседние мишени
Рикошетом попадал...

Так, с песнями идем до самых лагерей.

НАЧХИМ ВОЛЬСКИЙ И ЕГО СОБАКА. НАС ОКУРИВАЮТ

Начхим полка Вольский был изумительной личностью. Он страстно любил свою работу. Химический кабинет полка был его манией. Целыми днями он копошился в кабинете, доставал все новые и новые препараты, развешивал, прибивал, закреплял.

Особенно любил Вольский всякие экскурсии. Он долго не выпускал экскурсантов из кабинета. А потом заставлял

записывать свое мнение о химкабинете в специально заготовленной тетради.

И еще страстью Вольского было писать огромные статьи о своем кабинете. Писал он всюду—от «Правды» до стенной газеты—и весьма сокрушался, не видя своих «трудов» напечатанными.

Занимался с нами Вольский не особенно много. Он больше рассказывал о всяких случаях из жизни химкабинета и слушивал наши рассказы.

В общем занятия по химии протекали у нас в мягком и свободном тоне. А когда однажды Адзанов сделал доклад об иприте, химик пренесполнился к нему уважением, и Адзанов стал у нас главным специалистом по химии.

Любил Вольский сниматься. Был среди нас любитель-фотограф. Вольский заставлял его снимать себя во всех видах. В противогазе и без противогаза, в ипритовом костюме, с баллоном в руках, надевающим противогаз и снимающим его и еще во всевозможных позах. Кажется, целая картинная галлерея была у химика.

В лагере начхим проявлял максимум самостоятельности. Очень часто на линейках лагерных можно было его узреть, вечно куда-то спешащего. И за ним неизменно следовали красивый, породистый дог.

— В ближайшие дни я вас поведу в камеру для окуривания хлором,—сказал наш химик.—Вы увидите на опыте, если нам удастся достать кошку, какой изумительно красивой смертью умирает животное в парах хлора.—Вольский любил выражаться цветисто.

— Товарищ начальник, а вы бы дота вашего для опыта дали,—вставил со скамьи Грамм.

Начхим мрачно взглянул на Грамма и ничего не ответил. Судьба Грамма на предстоящих экзаменах была решена...

Через несколько дней школа отправилась для окуривания в газовую камеру. Каждый долго и внимательно ощупывал свой противогаз.

Перед землянкой-камерой было немного жутко.

А вдруг задохнешься... Острили... Но шутки выходили мрачные и плоские.

Некоторые остряки пугали:

— В прошлом году сто человек задохнулось.

— Ну, как теперь, Капернаут, пойдешь?.. Я не советую,— говорил Степанов.— На толстых газ свирепее набрасывается. Погибнешь ни за что.

В камеру входило человек по 25. Первым пошел Диванов. В камере было темновато и почти ничего не видно, тем более, что запотели стекла противогазов. Каждый храбрился и выкрикивал остроты.

— Дыркина не забудьте,—орал Симонов.—А то погибнет человек, и не заметит никто.

Минут через десять вышли из камеры.

В противогазе настолько не чувствовалось никакого запаха, что даже не верилось, что было окуривание.

Володя Нахимов так и не поверил.

— Чепуха... На пушку нас взяли... Никаких газов не было.

— А ну, подойди к дверям без противогаза,—предложил Диванов.—Кто хочет?..

Побежало человек 5. Через минуту вернулись они, кашляя и вытирая слезы.

— Оно того, верно, газ,—заметил Нахимов.

— А ну, кто еще хочет проверить?—спросил начальник. Желających не было.

Начхим снялся вместе с курсантами, и окуривание кончилось. Мы убедились в силе наших противогазов.

Следующее окуривание было уже массовым.

Вся школа с оркестром двинулась к стрельбищу. Густо смазали оружие, в палатках оставили часы, ножики, чтоб не испортились.

Близ стрельбища на огромном лугу решил нас окуривать Вольский боевыми газами.

Капернаут, Неливцев и еще несколько человек предусмотрительно накануне заболели.

— Надеть противогазы!—скомандовал Диванов.

И вот спереди, где копошился со штабом своим Вольский, поползло на нас облочко. Оно все росло, и вскоре желтоватый туман окутал всю школу. На нас шел хлор...

Сквозь облака хлора повел начальник школы. Без противогазов мы бы лежали уже, задыхаясь в спазмах кашля.

Через десять минут все было кончено. Мы прошли сквозь газ.

— Снять противогазы!..

На месте, где гулял газ, вся трава поблекла. Плохо смазанные части оружия покраснели. Нас опять выручили противогазы. Мы окончательно убедились в их силе.

Весело, будто после избавления от смертельной опасности, возвращались мы в лагерь.

На фоне выгоревшей травы, в тяжелом противоипритном костюме снимался начхим Вольский...

ВОЙНЫ МЫ НЕ ХОТИМ, НО В БОЙ ГОТОВЫ

Сегодня всполошилась вся школа.

Газеты принесли известие об убийстве в Польше нашего полпреда тов. Войкова.

На ленполянке, в палатках, на лугу собирались взводы.

А напротив, через дорогу собирался полк связи, электробат, танковый полк. Как взволнованный улей гудел весь лагерь.

— Мы должны решительно требовать удовлетворения, — звенящим голосом говорил Симонов. — Больше нельзя терпеть такого издевательства. Они нас по роже бить будут, а мы молчать, что ли...

Даже спокойный, тихий Цыганков, даже противник социализма Сальников требовали самых решительных мер. А на ленполянке Капернаут сказал целую речь о наших взаимоотношениях с Польшей.

Бурлила школа, разливался по лагею негодующий шум сотен голосов.

— Мы поем в песне. И мы должны так же сказать, как поем, — говорил Степанов. — Войны мы не хотим, но в бой готовы всегда. — И он поглаживал свою винтовку.

Бурлил школьный поток. Мы объясняли курсантам создавшееся положение, направляли поток в нужное русло. А на завтра стройными колоннами потянулся в город полк. Мы демонстрировали по городу против убийства тов. Войкова.

Проходя по улице Воровского, особенно громко и задорно затягивали песню и старались, чтобы сквозь наглухо замкнутые окна польского посольства пробились слова нашей песни!

Завтра, может, в эту пору
Враг откроет хищный рот.
Глаз наш зорек,
Сух наш порох.
Эй! товарищи, вперед!

И вместе со словами песни выплескивался наш задор, наша молодая удаль, наша готовность отомстить за товарища Войкова.

Когда прибыли мы в лагерь и расположились в палатках, мы иногда вечерами вспоминали о том, как удобно было лежать вечером после поверки на койке в казарме.

Ярко горело тогда электричество, было уютно и весело...

Здесь в палатках мы лишены были этих удобств. И особенно часто вспоминали мы о них, когда лил дождь и плотно палатки сырело и набухало.

— Это что, ребята,—говорили «старики».—Вот в походах будем на земле под дождем спать. Мечтать тогда о палатках будете... Все нужно для тренировки испытать...

Походы рисовались нам каким-то самым сложным этапом военной службы.

Шутка ли, в жару или в дождь отмахивать десятки километров в полном снаряжении.

Не то, что на лугу греться.

... И вот был решен поход в Быково. Там должны были соединиться мы с пулеметчиками и оттуда вместе вернуться всем полком.

Находившиеся уже с месяц в Быкове пулеметчики представляли собой обороняющуюся сторону, мы — наступающую.

За два дня предстояло покрыть свыше ста километров.

Как и всегда, сматывались в околоток испугавшиеся «симулянты» во главе с Неливцевым. Как и всегда, мы шумно обсуждали перспективы похода.

Целые дни перед походом проходили в совещаниях. Нужно было выделить взводных парторганизаторов, устроить походные агитповозки, организовать всю походную партполитработу. Много раз собирались активы палаточников, партийцев и комсомольцев, говорилось о выдержке,

о задачах партийцев и комсомольцев в походе... Много о чем.

А поход предстоял, по мнению командования, совсем не легкий. С боями, стрельбами, ночными занятиями.

Интерес к походу бы огромный. Полк шумел. Пригоняли снаряжение, искали лучшие сапоги, мыли портянки.

Наконец все было готово. Выступили рано утром. Длинной лентой потянулся полк из лагерей, а за полком торжественно выехали повара с кухней.

Через 10 минут полкшкола уже пела новую песню:

Мы оставили палатки
И отправились в поход,
Взяли ружья, взяли скатки,
И пошел за взводом взвод.

А когда мимо школы на коне проезжал квартирмейстер полка, знаменитый Денов, ему вслед задорно неслись слова:

Полк из лагеря шагает
И выходит из ворот,
И за кухней выезжает
Поваров кухонный взвод...

Так, с песнями и музыкой шли до ближайшего привала. Здесь каждое подразделение получило свою задачу. Впереди—километров за полсотню от лагерей—был противник. Его нужно было выбить.

Большой привал был в местечке Люберцы. Здесь пообедали, отдохнули, развернули агитповозки, провели и громкую читку.

Отсекр полка Шиманский и военком полка собрали на лужке секретарей ротячеек и проверили их работу.

В свою очередь секретари повели беседы в ротах о предстоящих боевых задачах.

Внезапно хлынул дождь... Моментально была свернута агитповозка.

В один миг были раскинута походные палатки и под ними исчезли бойцы.

Из Люберец начиналось подлинное боевое положение.

ЧЕРЕЗ ЛЕС И БОЛОТА

Я был помощником командира 2-го взвода. Комвзвода был молодой, энергичный, но чересчур вспыльчивый Чекалин. Были в нашем взводе Симонов, Стенберг, Федька Чернов, Капернаут и другие.

Нашему взводу предстояла задача—двигаться боковой заставой через лес и ударить на противника сбоку вместе с главными силами.

Лес тянулся не на один десяток километров. Нам предстояло пройти по лесу не меньше 10 километров. Отделились мы от главных сил, простились с товарищами и ушли в лес.

Вначале идти было легко и весело. Рассказывали всякие истории, смеялись. Зашли по дороге в деревеньку, попили молока, провели «политразведку», узнали, есть ли в волости комсомольцы, коммунисты.

Двинулись дальше.

До первой деревни мы еще шли по опушке и видели вдаль на большой дороге головную заставу нашего полка—взвод Карташева.

После деревни лес стал густым, и мы окончательно потеряли из виду наши главные силы.

Идем вперед. Впереди Чекалин и я. Сзади Симонов с легким пулеметом на плечах и Капернаут.

Бедняга Капернаут уже совсем из сил выбился.

— Мне тяжело,—гордо заявил он.—Но я знаю свой долг и иду. Может, обратно дойти не сумею, на повозке доеду, но туда дойду. Я свой долг выполню.

Вдруг видим, бежит за нами стремглав человек. Не противник ли?..

Подойдя, сильно покачиваясь, бежавший поздоровался...

— А, солдаты... Тонка у вас кишка. Я—старик, а быстрее бегаю.

— Зачем же бегать, дедушка. Можно и так идти...

— Эх, вы, мать вашу так... Куда путь держите?

Старик был пьян вдрызг, и удивительно было, как он не валился с ног.

— Я тоже был солдатом. Унтером был и крест имел, мать его так. Пра слово.

— При чем же тут мать, дедушка?..

— Разве я матерился?.. Да я, мать вашу так, давно ругаться бросил. Пойдем, что ли, со мной в деревню. Баб предоставляю вам, ядреные бабы, спасибо скажите.

— Не за этим мы, дед, ходим,—сказал Чекалин.—Учимся мы, а не баб портим.

— Э... ты кто, офицер? Врешь, брат... Зачем солдат гоняешь, дай солдатам отдохнуть.

— Нешто он гоняет,—сказал Симонов.—Это когда-то гоняли. Теперь командир такой же, как и мы. И мы научимся, командирами будем.

— Эх, вы, мать вашу за ногу, смеетесь над стариком!

Старик сорвался с места и заковылял по боковой тропе... Встреча эта развеселила ребят...

Многие уже устали. Особенно удручали комары. Чуть делали мы привал, они целой тучей облепляли нас, садились на руки, на лицо, и никак их нельзя было отогнать...

Внезапно дорога кончилась. По карте она шла еще дальше, а в действительности не было больше дороги. Сзади и с боков—густой лес, переходящий спереди в редкий кустарник на топкой болотистой почве.

— Вот так штука!—приздумались мы. Нет дороги. Что же делать, надо засветло выбраться из лесу и притти на помощь к своим.

Двинулись по топи. Через десять минут ноги у всех были абсолютно мокры. Приходилось иногда по колено погружаться в воду. Шли мы уже час, но никакого выхода не было видно.

Мы потеряли даже ориентировку, куда идем.

— Если мы сбились сильно вправо,—тихо сказал мне Чекалин,—мы можем многие часы проходить по лесу. Он тянется вправо на многие десятки километров...

— Да, положение незавидное. Во взводе начался ропот.

— Куда мы зашли?—скулил маленький, курносый Зверев.—Теперь и не выбраться отсюда.

Капернаут, совершенно истерзанный и мокрый, сел на какой-то пенек и молчал.

— Нит-чего... Плакать не хорошо,—успокаивал других маленький мариец Салим Саликаев. Он немилосердно стер ногу и ему было очень больно. Но он не только не ныл, а подбодрял еще других.

— Главная беда—не известно, куда итти... Опоздаем, как пить дать, опоздаем...

Надвигался вечер. В лесу стало темней. А мы все ковыляли вперед сквозь лес, по болоту.

Наконец несколько человек сели и заявили:

— Баста, дальше итти не можем... Сорвали ноги вконец.

Симонов, Чернов, Овечкин принялись уговаривать сдавших. Я с Чекалиным пошли вперед...

— Дорога!—вдруг крикнул я. В сторону шла какая-то тропа.

— Была не была, идем по ней.

Взвод встал, и мы пошли по боковой тропе влево...

Вскоре послышался лай собак. Лес кончился, и мы вышли к какой-то деревне...

Нам повезло. Деревня оказалась всего в двух километрах от того места, где должен быть бой.

Ребята подбодрились. Только несколько человек и с ними Капернаут остались отдыхать в деревне. Остальные форсированным маршем двинулись вперед.

Впереди слышали мы крики и звуки выстрелов.

— Завязался бой,—сказал Чекалин.

Еще быстрее, забыв усталость, побежали мы вперед. И совершенно неожиданно и для наших сил, и для противника ударили с криком «ура» во фланг...

Когда бой был окончен, уже спустилась ночь, и на небе взвод красноармейцев с золотыми звездами на шлемах расположился на отдых.

Все вместе, друзья и враги, направились на отдых в деревню. Здесь встретились мы с друзьями пулеметчиками—Ваней Фуражкиным, Дыркиным и многими другими. Расположились на сеновалах. Много было разговоров в эту ночь. Несмотря на усталость, спали мало.

Не один и не два раза рассказывали мы о нашем знаменитом походе через лес. Оказалось, что карта была старая, и дорога, помеченная на ней, уже свыше 10 лет заболочена...

Много было героических подвигов и у товарищей. Степанов и Нахимов, переодевшись в крестьянскую одежду, на телеге пробрались в тыл противника и вывели его расположение.

Много было всякого такого...

Прошли 50 километров, промокли, сбили ноги... Но почти никто не ныл.

На полянке показывали кинокартину.

А где-то на околице задорно разливалась гармошка, и под ее звуки лихо с частушками откалывали русскую наши и деревенские ребята.

И как всегда, крыл первый плясун Тюрин.

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Днем были боевые стрельбы. На большом пастбище близ деревни стояли мишени, и мы крыли по ним не в одиночку, а целыми отделениями.

Под прикрытием дымовой завесы приближались мы шагов за 1 000 к мишеням и стреляли по показывающимся щитами на 200, 400, 600 и 800 шагов.

Наибольшее число попаданий дал 3-й взвод полкшколы, где комвзвода был Петряк.

Потом показывали нам стрельбу из пушки Розенберга. Маленькая, незаметная пушчонка била по мишеням чисто и метко.

А близ поляны развернули агитповозку. И тут же на лугу мы с Федькой Черновым писали стенные газеты. Он — школьную. Я — полковую. Со всех рот стекались к нам заметки. Тут же художник наш Овалов жарил карикатурки, тут же писались частушки, с собой был и шапирограф.

Когда возвратились мы со стрельбища в деревню, свеженький номер шапирографской стенной газеты имел уже каждый взвод.

А мы с Федькой, как ни в чем не бывало, шагали в строю. И сзади, близ агитповозки, в мешке тащил Овалов всю нашу типографию...

По дороге в деревню начальник саперной службы полка показывал с одним отделением опыты маскировки от самолетов.

То вдоль, тропинкой, укладывалось по полю отделение, то рассаживалось группками, изображая груды камней и снопы.

Когда приближались к деревне, увидели группу «больных», направляющихся в околоток. Впереди, хромя и опираясь на огромную суковатую палку, шагал Капернаут. Бедняге действительно пришлось плохо...

Квартирмейстер наш Денов накормил нас сытнейшим обедом, даже с котлетами. И мы отправились по сараям отдохнуть до вечера.

Поздно вечером предполагалось выступление в обратный путь...

Незадолго до выхода вышел я побродить по деревне, поговорить с крестьянами.

Не успел отойти от своего сарая, гляжу, идет курсант 3-го взвода Морозов. Идет парень и качается. Гляжу—дело неладное. Наклюкался парень.

Я быстро к нему. Беру его под руку.

— Морозов, пойдя отдохни, скоро выступать.

Морозов сначала молча идет со мной. Потом, не говоря ни слова, подымает увесистый кирпич и замахивается.

— Морозов, что ты... Брось дурака валять.

А кругом собираются ребята и смеются. Думают—шутит парень. И вижу я по выражению лица морозовского, что здесь совсем не до шуток—бросит кирпич.

— Ребята,—кричу я,—отымите кирпич.—А сам обхватываю Морозова крепче.

Он—на меня... Тут только подбежали ребята, разняли нас и увели буйствующего Морозова.

Это был единственный случай пьянки в походе. О нем долго говорили в полку, долго разъясняли весь позор случившегося факта...

Еще досматривала часть полка вместе с крестьянами кино на полянке, когда передовые отряды выступили из деревни.

Ночь была темная... Выслали мы вперед и в сторону заставы и в полной тишине двинулись дальше. Ночная обстановка была особенно сложной. И потому так обрушился начальник школы на шопот в первых рядах, где шагал выздоровевший Капернаут.

Полная тьма... Только впереди, освещая дорогу, нес красноармеец походный фонарь...

Я был назначен начальником боковой заставы. Незаметно отделились мы от центральной колонны и исчезли во тьме.

Вперед выставил я дозоры—щупальцы. Вбок связался с главными силами цепочкой бойцов...

Двигаться приходилось по густой, высокой траве. То и дело казалось, что мы отстали от главных сил. В темноте было трудно разглядеть идущие впереди наши дозоры.

В головном дозоре шли Стенберг и Саликаев.

На дороге опять стали попадаться болота. Потом начали мы наталкиваться на заборы. Опять промокли и изодрали руки и ноги. С трудом подвигались мы вперед.

Стенберг, шедший в головном дозоре, безвозвратно исчез. Мы потеряли его в ночной тьме.

Связь с главными силами была прервана. Шагать дальше по топи было почти невозможно. И тогда я послал Федьку Чернова найти во что бы то ни стало главные силы и спросить дальнейших приказаний.

Прошел час... А Федька Чернов не возвращался. Мы добрались до какой-то деревушки. Тут услышал я голоса

и средь голосов знакомые ноты чекалинской речи. Мы примкнули к главным силам. Потеряны были Чернов и Стенберг.

Приказ присоединиться к главным силам был дан уже давно, но посланный передать его связист исчез...

Начало светать, и мы, пристроившись к нашей роте, бодро зашагали по дороге. Много позже на большом привале нагнали нас пропавшие Стенберг и Чернов.

На одном из привалов вызвал меня командир полка и, назначив начальником квартирьеров, приказал опередив полк, заготовить помещения для большого последнего привала в селе Карачарове под Москвой.

И вот 15 человек форсированным маршем двинулись к селу Карачарову. За 3 часа мы покрыли 18 км.

В селе начали мы стучать по ставням крестьянских изб.

В окнах показались заспанные физиономии. С некоторыми, особенно кулачками, начинались долгие разговоры, но в большинстве сами крестьяне без споров давали сеновалы, сараи, избы для отдыха бойцов.

— Для вас же учимся. Защищать вас будем,—объясняли мы им.

— Знаем, братишки. Нешто мы не понимаем.

Упорствовала особенно только одна купчиха, но и ту уломал Утин.

Через час с лишним пришел полк и расположился на последний привал.

А к вечеру того же дня из города в лагерь двигались мы к нашим палаткам...

И когда показались палатки, несмотря на огромную усталость, радостно и громко запели мы нашу походную песню. В эту ночь палатки наши казались нам верхом уюта, удобства и даже роскоши.

Поход был окончен, наступали опять обычные лагерные дни.

Но о походе еще долго до самых маневров вспоминали и перебирали по косточкам все боевые эпизоды.

КОГДА ЖЕ БУДЕТ МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

Прислали нам несколько билетов на юбилей Клары Цеткин в Дом Союзов. Пошли мы с Цыганковым, Стенбергом, Симоновым, Степановым и другими.

Вся сцена Колонного зала была в цветах. И особенно радовала эта любовь к старому любимому борцу, Кларе Цеткин.

Самой Клары не было. Но ее письмо было пропитано жаром этой в свои 70 лет такой еще молодой и пылкой духом женщины.

Стенберг рассказал нам, как любят эту женщину западные рабочие.

А маленький Цыганков задумчиво сказал:

— Вот если бы в нашу деревню ее повезти, там бы она высказалась... Лучше любой агитации бы...

На эстраде один оратор сменялся другим.

...Умер вождь английской компартии Мак-Манус. Наша школа, в качестве почетного караула, провожала урну с его прахом на Красную площадь—туда, где у подножья Кремлевской стены лежали многие борцы за дело пролетарской революции. Мы объяснили ребятам, кто такой был Мак-Манус. И каждый из почетного караула знал о работе Коминтерна, знал, чей прах он охраняет...

А когда после Бухарина на трибуну мавзолея взошел маленький горбатый английский пионер и сказал яркую, боевую речь о своем «отце и учителе», я видел и чувствовал;

что образы Коминтерна, политчасы, где мы говорили красноармейцам о борьбе мирового пролетариата, оживают в представлении наших бойцов и приобретают конкретную реальную форму.

Напонятен был язык, но убедительны звуки этого звонкого молодого голоса, звуки, льющиеся с трибуны ленинского мавзолея.

— Ну и чешет,—с уважением и восхищением сказал Симонов.

А Цыганков потом, уже в лагере, сказал за время пути из города в лагерь обдуманную мысль.

— Вот у них такие бойцы—от Клары Цеткин до этого мальчика. Почему же они не делают еще мировой революции?

И я вспомнил тогда канцелярию 6-й роты и открытые вопрошающие глаза Серогодского: «Когда же будет мировая революция?»

В этот вечер на лугу перед палатками мы долго говорили о революции на Западе, о том, почему она задерживается и когда наконец она будет...

БОЙ С ОППОЗИЦИЕЙ

В палатке нашей был сегодня очередной «правительственный» спор. «Пред ВСНХ» Адзанов выступил с целой речью о зажиме командования. Что мало-де в отпусках пускают, много нарядов и тому подобные речи.

— Ты—чудак, Адзанов,—сказал Гостинницев.—В конце-концов ты в армии, а не на курорте. Никакого зажима нет. А наряды, будь добр, нести как все, никаких привилегий нет.

В последние дни Адзанов и Кулаков стали слишком часто брюзжать и выражать свое недовольство.

Интеллигентский индивидуализм натолкнулся на крепкую стену коллектива, и самолюбие их страдало.

...Вечером было у нас партсобрание. Отчет стоял о племне ЦК. Докладывал начальник политотдела лагеря Писманик.

В последнее время в нашу партийную семью влились студенты одного из институтов, проходящие высшую допризывную подготовку.

Много среди них было оппозиционеров. И совершенно забыв об обстановке, в которой они находятся, они здесь же в палатках, не стесняясь беспартийных, устраивали грандиозные диспуты о линии ЦК.

— Что такое красноармейская ячейка, — думали студенты-оппозиционеры, — разве они понимают что-нибудь? Выступим, закидаем их словами, уьем цифрами — и большинство за нас.

И действительно после доклада Писманика выступило сразу трое. Один крыл экономическую линию партии, другой, надергав цитат, обвинял ЦК в провале китайской революции и третий издевался над деревенской политикой партии.

Одним словом, началось развернутое нападение по всему фронту.

Особенно напирал вождь их, студент Вандими. В пылу своей жаркой речи он вообразил, что находится в институте, и наговорил столько иностранных слов, что даже товарищи его начали посылать ему укоряющие записки.

Особенно заинтриговало ячейку слово «джингоизм». Но оратор так и не объяснил его точно.

Ораторы кончили. Вылили на ЦК ушаты грязи и горделиво уселись, насмешливо смотря на нас. Ну, серенькие, нешто вам ответить... Наша возьмет...

«Серенькие» ответили...

Да так ответили, что с Вандими и его друзей ключья полетели.

Первым выступил Ваня Фуражкин. С обычным жаром он изобличил ложь оппозиции. Особенно обрушился он на речи оппозиции о Красной армии и бонапартизме.

— Вот они мы какие бонапартисты... Глядите... Вы к нам учиться пришли. Так учитесь получше, а демагогии не разводите. Думали, что ответить вам никто не сумеет. Ничего, мы дошли своим умом, сумеем покрыть вас...

И действительно сумели. После Вани Фуражкина говорил командир дивизии, комиссар полка, начальник политкабинета...

Я выложил все свои знания по китайскому вопросу... А когда Симонов стал крыть «деревенские ошибки» оппозиционеров, нервность их дошла до предела, и они пытались выкриками с мест нарушить ход симоновской мысли.

Но это было не так легко. Крепко нанизывал Симонов одно слово на другое и даже не отвечал на реплики оппозиционеров.

Да и сами студенты выступали против своих оппозиционеров.

— Просчитались маленько ребята... Думали залезть в овчарню, а овцы оказались зубастые...—усмехаясь, сказал комдив...

Резолюция была принята единогласно, против пяти студентов-оппозиционеров.

Это было нашей победой. Оппозиция была позорно разбита...

Поздно ночью возвращались мы из клуба в палатки. Лил сильный дождь, но, несмотря на дождь, мы и по дороге, и у самых палаток с жаром говорили об итогах боя с оппозицией.

Во всех ротах—возбуждение. Все роты готовятся к конкурсам. Конкурс на скорость одевания противогазов и разборку затвора и пулеметных замков. Конкурс на лучшего плясуна. Конкурс на лучшего гармониста. Много их... И на каждый выдвигаются специалисты.

На ротных конкурсах как бы тренировались. В одном углу разливается «барыней» гармошка и лихо отплясывает ротный «чемпион», в другом—группа сосредоточенно следит по часам, во сколько секунд идет одевание противогазов.

Зрители волнуются, кажется, больше, чем выступающие.

Наконец настал день полкового конкурса. Здесь будет выбираться лучший из лучших.

Пришли со своими гармошками, затворами, противогазами.

«Кандидаты» в чемпионы охраняются целой свитой своих товарищей. Шутка ли, идет борьба за честь роты.

— На-ачи-най!..

Вмиг противогаз на голове. Летят молниеносно части затвора. Счет идет за секунды.

Вот один засыпался со шнурком. Другой сбрал быстрее всех—да... боевая личинка ссыпалась. Аудитория аплодирует, волнуется, переживает каждое движение...

Конец... Победитель—курсант полкшкола Степанов. Результат—надел противогаз, разобрал и собрал затвор и снял противогаз в 1 минуту 11 секунд.

Полковой чемпион, завоевавший приз, гордо сходит со сцены под общие рукоплескания.

А на сцене уже гармонисты. Один сменяет другого. Весело смеется гармонь. И вместе с ней в улыбку расплы-

ваются лица красноармейцев. Некоторых гармонистов неодобрительно провожают со сцены. Но дружно рукоплещут представителю артиллерийского дивизиона, мастерски играющему и походные и плясовые песни. Он — «чемпион».

Под его гармонь выходят плясуны, отчеканивают невиданные коленца. Пляшут и на ногах и на руках, честно заслуживают звание первого плясуна.

Первый, как всегда, Тюрин.

Конец конкурсам.

Уходят чемпионы к себе в роты героями дня, поддерживавшими ротную честь.

НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Кажется, особенно крепко спали в эту ночь.

Вдруг ночную тишину прорезали тревожные звуки рожка.

— Ту-ру-ру-ру-ру-ру...

— В ружье!.. — закричал дежурный...

И тревога слышалась в его голосе.

— В ружье!.. Тревога!.. — крикнул дневальный еще тревожнее, и вмиг лопнула ночная тишина. Тревожный шум расколол ее и проник в палатки.

И вмиг тревожное слово обошло весь лагерь.

— В ружье!!!

По первой линейке от дежурного к дежурному пошло это слово.

Весь лагерь бурлил уже, шумел и торопился. Через две минуты на переднюю линейку стали выскакивать отдельные бойцы, в полном вооружении, с винтовкой в руках.

А через 4 минуты весь полк в полной военной форме выходил в лагерные ворота. Из других ворот показывались головы других полковых колонн. Дребезжали тачанки с пулеметами, грозно щетинились ряды штыков, громы-хали пушки и зарядные ящики.

По-одному догоняли полк опоздавшие бойцы. Пошли по дороге к лесу. В рядах—шумукание.

— Говорят, академия горит. Тушить идем,—заявил Дыркин.

— Чудаки, для чего же пушки и пулеметы? Что, ядрами тушить будем, что ли?..

— Не в этом дело. Восстание в Тушине. Вот туда и идем. Будет жаркий бой.

Шопот прекратился, когда на лугу у трибуны остановил полк комполка. Комполка на лошади выехал перед фронтом полка и поднял руку. Утих полк...

— Товарищи, тревога была учебной. Мы хотели посмотреть, как быстро приведете вы себя в порядок. В среднем полк вышел в 4 минуты. Это не плохо... Но в дальнейшем надо собираться еще быстрее... Спасибо за службу...

— Служим народу!—дружно рявкнул полк. И сразу спало волнение и нервное возбуждение.

— Вот тебе и академия горит!—насмехались над Дыркиным ребята.

— Насчет академии, не знаю,—сказал Федька Чернов,—а вот кому-нибудь нагорит—это действительно.

И впрямь, командиры взводов ходили уже по взводам и осматривали, кто что из снаряжений забыл захватить...

Воды во флягах не было у четверти школы. Кто забыл топор захватить, кто противогаз, кто в суматохе штаны задом наперед надел...

Ерлашу было много...

— Н-да,—сказал начальник школы.—Вот тебе и «служим народу»... Ну, это на первый раз. В будущем за такие вещи буду греть...

Досыпать ночь было почти невозможно. То из той, то из другой палатки слышались взрывы хохота.

У нас Цильский до того перепугался, что выбежал на тревогу без порток. Гостиницев взял первые попавшиеся вещи: мой топор, шинель Капернаута, противогаз Чернова и до того перепутал их, что всем нам пришлось обменяться снаряжением.

Неливцев со сна доказывал, что он освобожден от тревоги по болезни. Капернаут совсем потерял голову. При крике «В ружье!» он совершенно забыл, что он отделком, надел скатку, не распустив шинели, и долго копался под нарами, почему-то там именно отыскивая свой противогаз.

Потом он выбежал после всех и долго искал свой взвод и свое отделение...

Смеху было много. Утром уже все курсанты читали экстренный выпуск стенгазеты.

Под весьма показательными рисунками шли частушки

Одевался Цильский с шумом,
Взял Адзанова сапог,
У Чернова взял подсумок
И у Нейфельда мешок.

Дыркин,—парень был во взводе,—
Враг он всяческих тревог,
Выбегал при всем народе
На тревогу без порток.

Частушки читались вслух всей школой под громкий хохот, и заразительнее всех ржали сами герои ночной тревоги.

На следующую тревогу мы вышли в три минуты. И никаких казусов уже почти не было. Великое дело—учеба...

«ДЕНЬ ОБОРОНЫ»

17 июля был праздник—«день обороны». На лугу предполагался грандиозный парад и показательный бой.

Готовились к этому празднику и мы. На ленполянке должен был быть устроен вечер.

К вечеру, посвященному «дню обороны», массовая группа что-то таинственно готовила.

Школьный художник имел продолжительное совещание с руководителями группы Граммом и Неливцевым. О том, что говорилось на этом совещании, знали только плотники, собранные художником в столь же таинственной обстановке.

Различные слухи ползли среди курсантов.

Ленполянка перед мавзолеем Ильича стала наполняться народом.

Пришли гости из соседних полков.

И вот из-за кулис стали появляться какие-то загадочные сооружения.

Круги с зубцами, трещотки, стойки с бутылками и котелками, ложки.

С видом чародея взобрался на тубуретку Степа Кириков и ударил в бубен. Тотчас же другие музыканты заняли свои места, и пошла работа.

Играли на бутылках, гребенках, трещотках, дули в рупора. И в центре на все лады разливалась в руках политушка гармошка, а Грамм пришел в такую ярость, что чуть не разбил барабана.

Народу собралось—не пересчитать.

А музыканты дули во-всю, играли руками, ногами, головой... Много песен играли. И, пожалуй, почище всамделишного окрестра.

А потом пошли стихи, декламация, песни, рассказы. И в конце-концов, когда уже стемнело, веселую, залихватскую «барыню» лихо отплясывали первые плясуньи школы.

Горнист готовил рожок к отбою.

ЗНАМЯ ОТ ВОРОШИЛОВА

Рано утром поднялся полк. Да не только полк. Весь лагерь. День выдался на редкость, прямо для парада. И казалось, весь огромный луг между аэродромом и палатками был залит солнцем.

Сегодня—«день обороны». Сегодня массы гостей придут к нам в лагерь. Сегодня московский пролетариат должен увидеть все роды войск нашей Красной армии.

Каждый из нас переживал волнующее чувство подъема.

Все были в новом обмундировании. Ярко блестели на солнце звезды фуражек и штыки.

— Полк, становись!..—И стройные шеренги полка рота за ротой выстроились на лугу.

И когда вслед за командиром полка показался комдив, долго кричал полк «ура».

Для нашей дивизии сегодняшний день был особо торжественным.

Сегодня во время парада председатель Реввоенсовета товарищ Ворошилов должен был передать нам знамя, полученное им от рабочих Донбасса.

— Передайте это знамя лучшей части московского гарнизона,—дали наказ Ворошилову донбассовцы.

И сегодня он должен был передать его дивизии московского пролетариата...

В походной колонне вышли мы из ворот нашего полка и двинулись к центральной трибуне. Все шагали как-то особенно четко и старались иметь вид старых испытанных бойцов.

У трибуны остановились. Сюда же сходились другие лагерные части. Пришла школа ВЦИК, полк связи и другие наши соседи.

В ожидании парада отдыхали, перестреливались шутками.

— Ребята, а что к чему привешено—наган к Дыркину или Дыркин к нагану?—завопил Степанов, и дружный смех переливался по рядам.

А Дыркин, который заменял комвзвода, гордо ходил перед рядами и искоса посматривал, какое впечатление он производит на собирающихся на трибуне гостей...

А гостей собиралось все больше.

Все новые и новые колонны рабочих вливались на огромное поле.

Погода нахмурилась.

Временами небо плакало мелким дождичком. Но это не омрачило настроения собравшихся.

На трибуне собирались члены Моссовета, ЦИКа. Вот мелькнула фигура председателя Моссовета Уханова. Вот в белом костюме показался Карахан.

— Исбах и Фуражкин, к командиру дивизии!—крикнул внезапно Диванов...

Не понимая, в чем дело, пробились мы к командиру. Он стоял среди командиров полков и что-то рассказывал им.

— А, вы здесь,—сказал он, увидев нас.—Вот что, ребята... Надо будет принести знамя, которое будет нам передавать наркомвоен.

— Слушаемся, товарищ командир...

Вмиг мы исчезли в толпе и, энергично пробиваясь, двигались к зданию, где находилось знамя.

Взяв большое, красивое знамя донбассовцев, понесли мы его к трибуне...

Полил сильный дождь, и мы ускорили шаг...

Перед знаменем все расступились, и мы благополучно пронесли его к трибуне.

— Останьтесь у знамени,—сказал мне командир дивизии.

И вот я стою на трибуне, охраняя знамя донбассовских рабочих, которое через несколько часов будет знаменем Московской пролетарской дивизии.

Лил сильный дождь. Я прижимал знамя к плечу, и на гимнастерке моей красной полоской отмечалось древко знамени.

Когда я заметил это, было уже поздно. Так я и остался с красной отметкой боевого знамени.

Стоять у знамени пришлось часа полтора. Ждали с началом митинга, пока пройдет дождь. Мимо меня проходили комвойсками Шапошников, Уханов, Карахан, Ягода, Бубнов.

Вот показался начальник политстдела лагеря Писманик.

Хотел поздороваться, но, увидя, что я на посту, только ободряюще мигнул глазами.

Зашумел автомобиль... Из него вышли несколько человек.

Среди них я заметил Калинина. Вытирая платком намокшую бородку, Калинин поднялся на трибуну.

Я не заметил, как приехал наркомвоен.

Дождь прошел. Можно было начинать митинг. Говорили Калинин, Бухарин, Ворошилов, Уханов. Говорили не

хуже и не лучше, чем на всех торжествах. Но необычайная обстановка действовала на меня, и мне казалось, что сегодня вожди говорят особенно горячо.

И еще мне казалось, что я делаю какое-то огромное дело, стоя на часах у знамени донбассовцев. Я уже не замечал того, что знамя мокрое, что краска древка пачкает мне гимнастерку.

Я ждал той минуты, когда я буду передавать знамя Ворошилову.

Но когда эта минута настала, я оказался не подготовленным к ней и долго и смущенно сдирал упорствующий чехол со знамени.

Наконец, сняв чехол и подняв древко с распустившимся полотнищем, я понес его, спускаясь по ступенькам трибуны, туда, где перед фронтом войск стоял Реввоенсовет во главе с Ворошиловым.

Спустившись вниз, я передал знамя председателю Реввоенсовета

Ворошилов принял знамя и, передавая его в руки комдива Дмитриевского, сказал о том, что он надеется, что знамя шахтеров Донбасса сумеет с честью нести дивизия московского пролетариата.

Белый костюм Ворошилова потемнел от дождя. Видно было, что нарком основательно промок. Не первый раз уже передавал он знамена и для него это было не совсем таким исключительным делом.

Но мне казалось, что все были в таком же экстазе, как я.

Стоя за Ворошиловым, я глубоко переживал всю торжественность минуты...

Потом колоннами потянулись войска. Реввоенсовет принимал парад...

За войсками шли команды красных сестер, рабочих военных кружков, химкоманд.

После парада была инсценировка боя... Дымовая завеса закрыла поле. Вверху рокотали самолеты. Перебежками двигалась пехота... Море огня изрыгали огнеметы...

Ухали пушки... Сплошной стеной шли танки и бронемашинны.

Сверху потоки дождя беспрерывно поливали боевое поле...

Несмотря на дождь, гости не расходились и с увлечением следили за ходом боя...

До позднего вечера продолжалось празднество.

После «боя» были разные постановки, состязания, конкурсы.

Последние автобусы тоже с боем брали поздно вечером уезжавшие домой гости...

Ребята долго потом подшучивали надо мной.

— Теперь с ним, братва, осторожнее. Самого Ворошилова приятель,—говорил Симонов.

— Да это что... Смотрю я, куда Сашка из строя исчез. Вдруг вижу—Ворошилов, и он рядом. Ну, думаю, в гору полез парень,—рассказывал Федька Чернов.

— Да, теперь ему, пожалуй, нарядов не подсыпешь. Ворошилов заступится,—глубокомысленно острил Степа Кириков.

— Одно слово, жушок!—говорил свое излюбленное слово Нахимов.

Я отшучивался и сам переходил в атаку на Капернаута, Дыркина и других...

Праздник окончился, и на носу были летние экзамены.

Кончились лагерные дни с тактическими занятиями, стрельбами и летними досугами, когда по вечерам долго разговаривали, лежа на лугу, или закатывались в лагерьный клуб «Красная кузница» посмотреть новую кинофильму.

Предстояли маневры—последний этап лагерной жизни. А перед маневрами—летние экзамены.

Должны были выявить экзамены, чему научились мы за 9 месяцев учебы и можем ли на маневрах командовать взводами.

Особая команда напоминала теперь сумасшедший дом. Всюду—на лугу, в клубе, в ленпалатке—можно было встретить особистов с книгами, тетрадями, чертежами.

Особенно много книг таскал с собой Дыркин. Всегда ходил он с мрачным видом и десятком книг. И книги были все увесистые, каждая могла служить превосходным метательным снарядом.

Каждый курсант заявлял, что он ничего не знает. Это было кокетство своего рода. И все зубрили, зубрили, зубрили...

Стояли теплые июльские вечера. И часто после дня занятий выходили на площадку и дулись в любимую игру—волей-бол.

Федька Чернов, Гостинницев, Нахимов—голые, в одних трусах, с громкими криками целыми часами перекидывали мяч через веревку.

А на другом конце полянки руководитель спорткружка Карташев муштровал ребят.

Все они были тоже в трусах. Мускулистые тела изгибались по команде Карташева, составляли разные пирамиды и фигуры.

Сам Карташев был в изумительных широченных трусах, шириной с Черное море, с красной каемкой по краям и с разрезами. И был похож он в них на банщика.

Занимался он с ребятами с большим удовольствием, и спорткружок работал у нас на-ять.

А испытанные наши спортсмены—Лысовский, Чернов, Девенов и другие выступали на гарнизонных соревнованиях.

И к этим соревнованиям готовились они здорово.

Надо было отстоять честь полка. Давали им усиленный паек, освободили от нарядов,—и что ни день усиленно тренировались наши «чемпионы»...

Вскоре были и окружные соревнования...

И когда большинство «чемпионов» наших провалилось на них, издевались мы над ними самым зверским образом!

— Масло ели, вот и отяжелели...

— Эх вы, Аники-воины.

Не одна язвительная частушка была пущена в ход про них.

Не подкачал Лысовский—заслужил три значка за всесоюзное первенство по физкультуре.

Гонору у Лысовского прибавилось на двести процентов. И он стал еще хуже относиться к учебе и дисциплине...

Кончились наши стрельбы. Десять человек заслужили звание отличных стрелков. В том числе Симонов, Кирок, Чернов, Нахимов и другие.

Но когда шел общелагерный стрелковый конкурс на приз, позорно промазали мы от волнения, и призовые часы уплыли мимо носа...

Наступил день экзаменов.

Самыми страшными были экзамены по артиллерии и тактике. Комиссия была своя, полковая.

Экзамены шли два дня. Оказались они не такими страшными, как мы думали.

Хотя и просышались многие по ряду предметов...

Помню фигуру Капернаута, мрачно стоящего у пулемета Максима и безрезультатно пытающегося разобрать его.

Артиллерию знали все слабо.

По химии экзаменовал начхим Вольский.

Адзанова он совсем даже не спрашивал. Особенно обиделся он на курсанта Есаулова, который действительно ничего не знал. Вольский даже записал в своей книжечке, как выяснил после Нейфельд.

«Противогаз называет банкой»... И в этой фразе была кровная обида начхима.

По баллистике Кашин, конечно, засыпал Дыркина. Так или иначе прошли все. Некоторые назначены были на маневры комвзводами, некоторые—помкомвзводами, наиболее слабые—отделками.

В числе отделкомов попал и бедняга Капернаут, так и не осиливший Максима...

...Экзамены были окончены...

Надвигались маневры. Сразу после экзаменов на время маневров была распущена особая команда и распределена по ротам стажироваться на командных должностях.

Из школы тоже была сформирована рота, и Фуражкин Чернов, Кироков и я остались при ней.

Все недели наганы и стали заправскими командирами взводов.

Я получил под команду 2-й взвод, с которым мы когда-то делали «исторический» переход через лес и болото.

К маневрам готовились долго. Шутка ли, поднимался весь лагерь. В маневрах участвовали все роды войск: пехота, кавалерия, артиллерия, танки, броневики, самолеты.

Весь лагерь разделен был на две части: красных и синих. Нам пришлось выступать в роли синих. Не мало было по этому поводу бузы у ребят.

— Почему синие?.. Не хотим с красными драться. Сами—красные.

Долго пришлось объяснять условность этого обозначения. Целые дни до маневров проходили в заседаниях и совещаниях. Приводили в порядок агитповозки, совещались активы.

А в помещении штаба день и ночь сидели командиры над боевыми картами.

Для предстоящих маневров придали нам еще командиров запаса и посредников.

Командиры запаса были старые командиры времен гражданской войны, сейчас работающие на гражданской работе. Они должны были на маневрах познакомиться с новой тактикой.

Особенно понравился нам запасной комполка—высокий, статный мужчина, с большой окладистой бородой. Во времена гражданской войны он командовал дивизией на польском фронте.

Посредники играли роль «огня». Они должны были учитывать огонь той и другой стороны и выводить из строя, отмечая мелом убитых и раненых. Одна из главных ролей на маневрах принадлежала именно посредническому аппарату.

Часто, правда, не слушали посредников. Несмотря на белые меловые кресты на спине, убитые лезли в бой. Но

в конце маневров все уже уяснили роль и значение посредников.

Во главе маневров стоял начлагсбора Верховский и начполага Писманик.

Все маневры были рассчитаны на 5 ходов: встречный бой, бой за укрепленную полосу, оборона на широком фронте, ночной бой в лесу и бой со взаимодействием всех родов войск.

Последние дни перед выступлением были пропитаны особой первпостью и напряжением. Я был назначен редактором походной газеты полка и вместе с Федькой Черновым намечал план газеты. Федька редактировал школьную газету «Ударник». Школа под командой Диванова выступала, как 1-я рота полка синих. Все мы под звездами надели синие розетки.

Кроме красных и синих, на маневрах должны были еще быть зеленые.

Банды могли ночью сделать неожиданный налет и унести даже обмундирование. Поэтому надо было быть особенно бдительными.

— Так и останетесь без брюк,—стращал нас Диванов.

— Да, Сальников наверно останется...—хохотали ребята.

В прошлом походе Сальников заснул в сторожевом охранении, и противник забрал его в плен «живым». До сих пор не могли простить этому доблестному «охранителю» и всячески издевались над ним.

Наши ребята уже разошлись по ротам. И о них доходили до нас вести.

Говорили, что Капернаут до сих пор путает ногу всего взвода. И когда идет он во главе своего отделения, сзади все время слышатся почтительные просьбы:

— Товарищ командир. А, товарищ командир, перемени́те ногу...

Шли слухи о том, что Неливцев в предвкушении маневров уже слег в околоток.

Много было всяких разговоров.

А на вечере самодеятельности перед выходом весело разливалась гармошка.

Степа Кирсков подплясывал и, подмигивая, под громкий хохот подпевал:

Эх, играй, моя гармошка!
Ну-ка, друже, попляши.
У тебя, милочка Тимошка,
Больно ноги хороши.

И в ответ выплясывал Грамм!

Я бы рад, да пред походом
Ноги, брат, совсем не те.
Надо сбегать в околоток,
Справку взять о хромоте.

Повязал Митюха ухо,
На завязке пышный бант.
Ну, а врач сказал Митюхе,
Что Митюха — симулянт.

И под громкий хохот и аплодисменты пели уже Степа с Граммом вместе:

Вот так штука! Вот так штука!
Грянь, гармошка, веселей.
Пред походом, брат Митюха,
Симулянтством не болей.

Эй, ребята, грянем дружно.
Подтяни-ка каждый взвод.
Без сомненья, всем нам нужно
Провести на-ять поход...

Потом гремел на все лады наш шумовой оркестр в этот последний предпоходный вечер.

Рано утром было последнее собрание партактива и палаточников.

Еще раз объяснили боевую задачу и дали указания партийцам и комсомольцам.

Вперед ушла разведка. А за ней потянулся полк. В первом эшелоне шел наш батальон. Предстоял встречный бой.

Синие и красные шли друг другу навстречу. В этом бою одна из главных ролей принадлежала разведке.

Тихо двигалась вперед полковая колонна...

ПОСЛЕ БОЯ И ПОСЛЕ СТАНКА

Был встречный бой...

Ночь и день сходились синие и красные. Ночь и день щупальцы выдвигала разведка, шли бронемашины, мчалась конница, двигалась пехота.

Наконец грянул бой. Пушки, пулеметы, винтовки были главными инструментами в окрестре стычки. Несколько часов длился бой. Потом командиры с белыми повязками на рукавах—посредники—остановили движение.

Задача окончена.

На разборе учитывались недостатки и достижения.

Особенно отмечен был героизм ночной разведки, шедшей под командой Петряка и Степы Кирокова, и славный маневр одного отделения нашего взвода. Отделение вел мариец Саликаев. И оно, чтоб укрыться от неприятеля, проползло на животе через всю деревню и незаметно разузнало расположение вражеских пулеметов.

А потом на лугу расположились бойцы и с ближнего химического взвода пришли в гости шефы—рабочие химики.

— Вы прямо после боя и мы прямо от станка,—говорил старик-рабочий.—Мы глубоко чувствуем разницу между старой солдатчиной и Красной армией. И если понадобится, мы станем в одни ряды с вами и возьмем в каждую руку по винтовке, чтобы отстоять власть советов.

Потом говорили молодые рабочие-комсомольцы. Отвечал курсант, гремел «Интернационал» и по лицам бойцов трудно было заключить, что только что они шли в наступление, ползли по земле 100 и больше метров и преодолевали огромные трудности.

Долго говорили с рабочими, отдыхали...

— Ста-но-вись!—раздается команда. Заколыхалось поле. В походную колонну становится полк для второй задачи, второго боя.

В СТОРОЖЕВОЙ ЗАСТАВЕ

Во втором бою мы окапывались для обороны. Два дня стояли мы в деревне... Устроили здесь кино, провели несколько бесед с крестьянами, развернули наши агитповозки. А по вечерам, под гармошку, собиралась крестьянская молодежь, и все вместе пели мы песни и плясали русскую.

И опять всех побивал Тюрин.

Проведено было несколько партсовещаний. Учитывали все достоинства и недостатки партработы. Всех бойцов еще раз детальнейшим образом ознакомили с боевой задачей.

Были примеры «геройства» комсомольцев.

Так, Симонов взял в плен неприятельский пулемет и пулеметчика. Соколов и Федька Чернов, незаметно пробравшись в тыл противнику, бросили связку гранат в бронемашину, и хотя было это условно и противник объявил их пленными, машина все равно считалась испорченной.

Были и отрицательные моменты.

В 3-м взводе возникла буза из-за того, что не во время подвезли хлеб. Но при помощи комсомольцев бузу удалось быстро изжить.

Вечером в «Ударнике» уже красовались новые частушки:

Эх, вчера стреляли лихо,
Пораженный враг бежал,
А Неливцев тоже... тихо
За девушками стрелял.

Эх, бойцом лихим считался
В роте наш Чернов-спортсмен,
Но сегодня он зарвался
И попался к красным в плен.

Ночью Диванов позвал меня и Чекалина и передал нам приказ выдвинуться с нашим взводом в сторожевую заставу в соседнюю деревню Захарково.

Тихо мы подняли наш взвод и двинулись из деревни. Вот уже позади последние дозоры. С дозорами встретили мы друга нашего Степу Кирокова.

Идем дальше. Вот и Захарково.

Внимательно осмотрели мы все подступы к деревне. Расставили полевые караулы, установили приданные нам станковые пулеметы.

Деревня Захарково в кольце заставы. Ниоткуда не подступить незаметно противнику.

Ядро заставы расположилось на задах деревни в сарае.

Ночь кончилась, наступил жаркий летний день. Печет солнце и провокационно вызывает желание заснуть.

На крыше сарая сидит наблюдатель Симонов и водит биноклем по сторонам.

Но глаза наблюдателя не привыкли к биноклю. Посмотрит, отведет его в сторону и дальше уже привычными глазами всматривается в даль.

Все спокойно, будто не накануне боя, а так... в деревне на отдыхе. Вдруг наблюдатель ссыпается с крыши.

Три конных фигуры скачут по дороге. Стремглав мчимся им наперерез.

Противник открывает стрельбу. Но пеший конному не товарищ. Миг—и умчалась вражья разведка, считающаяся нами условно убитой.

Днем приходят крестьяне. Беседуем с ними, рассказываем о маневрах, о Красной армии, о Китае. Все, что знаем, выкладываем.

Одной бабке разясняем противогаз. Бабка даже напаяливает его на голову и потом стремительно стаскивает назад.

Опять ночь.

Темная, загадочная ночь. Теперь, именно теперь может нагрянуть противник.

Каждый шорох опасен и тревожен. Наши глаза и уши—полевые караулы—буравят тьму.

12 часов ночи. Иду поверять полевые караулы. Со мной двое красноармейцев. Один из них—член ЦИК'а СССР, ЦИК'а РСФСР и депутат Моссовета Андрей Цыганков.

Идем от караула к караулу. Стараемся не издавать ни звука...

— Кто идет?...—из мрака встает фигура часового.

— Свой...

Обмениваемся парой слов—и дальше. Во тьме ночной не скоро сыщешь часовых.

Возвращаемся обратно. Тьма стала, кажется, еще гуще, еще чернее. Воздух пропитан тревогой. Каждую минуту может вспугнуть его резкая и тревожная команда:

— В ружье!

Подходим к сараю. Медленно иду я впереди и думаю о том, где, в какой еще стране возможна такая вещь, чтобы член верховного правительственного органа страны был часовым в дозоре, чтобы представитель высшей власти глубокой ночью, с винтовкой на плече, поверял ночные караулы.

Но Цыганков не думает об этом.

Он сделал свое дело. Он снимает с плеча винтовку и идет в сарай.

Я сижу на пороге сарая и думаю. Думаю долго... На востоке начинает алеть полоска зари. Просыпается утро.

С ОРКЕСТРОМ В АТАКУ

После боя мы отступили в лесной район. Днем осматривали лесные дороги на случай отступления. Здесь в лесу должны были мы принять еще один бой.

Ночной бой в лесу, где так легко оторваться одному от другого и потерять своих, это—один из самых сложных боев...

Мосты через реку были условно взорваны. Эта условность часто очень сместила нас.

Примерно, нехватало у нас лишней батареи, мы обозначали ее условно. И неприятель, попавший под ее огонь, бывал из строя.

По поводу этой «условности» у нас в походной газете даже была напечатана юмореска.

Командовал армией Дыркин-герой.
Врагов покорял он бескровно;
Стояли бойцы за героя горой,
Но... все это было условно...

Заснул на посту наш Неливцев слегка,
Дышал он спокойно и ровно.
И орден вручил ему сам комполка,
Но... все это было условно.

Остер у редакторской мысли извив,
Редактор — велик, безусловно.
Стенгаз наш, как «Правда», велик и красив,
Но... это ведь только условно.

Пока бойцы отдыхали, командиры намечали места для
батарей, для огнеметов, для заражения газами.

Наконец начала спускаться ночь.

Мы углубились в лес и заняли места для обороны.

Моему взводу была поручена защита левой стороны
леса. Мне приданы были огнеметчики.

Через дорогу расположился Диван с ротным команд-
ным пунктом.

В полной тьме обходил взводы политрук и подбодрял
бойцов.

За 5 шагов не видно было низги. Только где-то впереди
высупывали наше охранение вражеские прожекторы.
Мы лежали и молчали.

Внезапно две черные фигуры выросли у моего команд-
ного пункта.

— Кто идет?..

— Свои...

К нам подошел начальник полка Писманик, обходя-
щий наш полк. Поздоровались и обменялись парой слов.
Писманик пошел дальше.

Лес был таинственный. Пугал каждый шорох лесной
листвы.

— Товарищ командир, к командиру роты,—передал
мне приказ связной.

У командира роты собрались все комвзводов.

— Мы сейчас выступим,—сказал Диванов.—Пришло известие, что неприятель окружает наш штаб. Надо отбить. Держите крепкую связь между взводами. Не натыкайтесь на отравленные места.

Я поднял взвод, и мы пошли во тьму.

Тьма была до того густа, что приходилось держаться друг за друга, чтобы не оторваться.

Скоро мы столкнулись с 1-м взводом и пошли за ним. Впереди шел Диванов.

Мы пробивались сквозь густую чащу. Ветки хлестали по лицам, и казалось иногда, что дальше идти невозможно... Шли...

Поднимались куда-то в гору... часть срывалась и летела вниз, увлекая за собой других... Наконец мы наверху горы у какого-то здания.

— Слишком поздно,—сказал Диванов.—Враг уже скрылся.

Мы начали считать свои ряды. Первый взвод потерял всех командиров. Не было Карташева, Гостинничева, Неливцева.

Наш взвод потерял Федьку Чернова, командира Чекалина и еще двух человек. Собрав остатки взвода, мы углубились опять в лес.

Надо было связаться с главными силами полка и выяснить обстановку.

По дороге мы сплошь да рядом встречали одиночных «красных» и брали их в плен.

Скоро число пленных было не меньше числа наших бойцов.

Вдруг из глубины леса слышали мы громкие звуки оркестра.

Играли «Интернационал» и громко пели бойцы. И сейчас же вслед за этим ожесточенная перестрелка завязалась в лесу.

Потом мы узнали, в чем дело.

Когда сняли с охранения нашу роту, противник прошел первую полосу обороны и стал подходить к нашему второму эшелону. Во 2-м эшелоне в глубине леса стоял 3-й батальон.

И вот командир 3-го батальона, увидев, что противник все равно сомнет его количеством, решился на интересный шаг.

— Ребята, даешь контратаку! Нужно ошеломить противника.—И он приказал оркестру играть.

Звуки «Интернационала» в ночной тьме, в лесной глуши, действительно ошеломили противника. Батальон воспользовался этим и отбил атаку.

В этот момент протрубили конец боя.

На большую дорогу стягивались бойцы. Усталость была очень велика.

Много бойцов потерялось в лесу и только потом добрались по-одиночке до привала...

А в эту ночь нас ожидало новое испытание. Чуть улеглись и заснули мертвым сном, когда жесткая земля кажется пухом,—выстрелы.

Тревога...

Налетели банды зеленых... В охранении был Симонов с полувзводом. Только благодаря его бдительности налет окончился неудачно.

Беспробудным сном спал полк до середины дня... Только стенгазетчики копошились под деревом, выпуская очередной номер походной стенгазеты, да часовые в охранении буравили глазами даль.

Днем был разбор.

Проводил разбор начлагсбора Верховский.

Водя указкой по карте, он блестяще отмечал наши ошибки.

— Надо их изжить,—чеканил Верховский.—Нам придется воевать. И там на настоящей войне не должно быть этих ошибок. Мы не хотим войны. Но если придется воевать... мы все равно победим. Мы не можем не победить... За нас **весь** ход мировой истории. Но мы должны изжить наши ошибки, чтобы победить меньшей кровью.

Железом отдавал голос Верховского, и мы со вниманием вслушивались в его указания.

Предстоял последний самый трудный бой.

Перед последним боем мы провели еще одно партсовещание, разобрали ошибки прошлого, когда партийцы не всегда были примером в бою, и объяснили последнюю боевую задачу. В тот же день провели совместно с крестьянами митинг, посвященный Сакко и Ванцетти.

БОЕВАЯ НОЧЬ

Еще с вечера разведка донесла, что противник укрепляется в нескольких километрах южнее нашего расположения.

Мы были спокойны. У нас была артиллерия, у нас были танки, и за приртытием этих бронированных гигантов дышалось как-то легче и ровнее.

Противник решил принять бой. Он перестал откатываться под напором наших колонн. Он закрепляется для обороны. Мы это знали и готовились. Проверялись противогазы. Инструктировались бойцы. Каждый боец должен был твердо знать свою задачу, свое место в бою.

Окруженные непроходимым кольцом сторожевых застав, спокойно спали мы в эту ночь...

Наутро горячо палило солнце, опьяняюще пахло сеном и совсем не верилось, что через несколько часов гул и гре-

хот расколюг безмятежный воздух и пламя огнеметов будет освещать небо...

Днем проводили беседы, объясняли задачи, читали, играли, играли как дети, смеясь и радуясь каждой шутке...

Первым предзнаменованием боя был крик часового: — Самолет противника с юго-востока...

Тревожно забил во дворе штаба гонг... Далеко-далеко на небе черной точкой показался самолет.

Вмиг кончены игры и пляски. Редкими выстрелами раздается команда. Бойцы бегут под укрытия в тень для маскировки от воздушного наблюдения. Что-то пушинкой отделилось от самолета и понеслось вниз к деревне...

— Узнал...—прошипел комроты. И еще сильнее и ожесточеннее забил гонг. В воздух выстрелило короткое и страшное слово:—Газы...

И на смену запаху сена всюду проник запах чесноку—страшный иприт...

— Одеть противогазы!

Но они уже и так одеты и из каждой щели смотрят на свет «марсиане» в резиновых шлемах с длинными гофрированными трубками...

После газовой тревоги над боевым весельем дымкой повисла забота.

Все тревожнее смотрели бойцы на веранду избы, где, обложенный картами, сидел командир батальона, в приказания которого вслушивались командиры подразделений.

А потом пришел, нет не пришел—прибежал разведчик и сообщил, что «половина разведки во главе с командиром взвода сожжена струей огнемета». И побежала весть от бойца к бойцу, незаметно выползла из штаба и пошла гулять по ротам.

— Спален огнем любимец первой роты, командир 3-го взвода Петряк.

Комбат только передернул бровями и стал намечать на карте установленные разведчиками сведения о границах минного поля противника.

Командир батареи внимательно вслушивался в слова комбата, струившиеся по телефонному проводу.

Гулко заухала артиллерия. К минному полю поползли саперы: поле надо взорвать... Взорвать раньше, чем наскочат на него наши части...

А когда первые краски вечера совсем по-иному расцветили горизонт, наши головные части вышли из деревни.

Идут роты. Без звука, без шороха только изредка звякнет котелок и сейчас же стыдливо умолкает... Тьма покрыла поля.

Тьма сегодня особенно черна и загадочна. Каждый куст таит опасность.

В каждом кусте может быть противник. Недаром ко всем кустам протянули свои щупальцы полковая, батальонная и ротная разведки.

Стали на рубеже. Комбат еще раз обдумал план наступления. И ровновчас ночи развернулись роты и двинулись вперед.

Наступление началось.

Каждый боец знал, куда он идет. Был ли страх... Да, пожалуй, у многих был страх, но молодой задор и особенно желание победы одерживали верх. Особенно молодцевато держались комсомольцы.

А в третьем отделении 2-го взвода шагал маленький депутат красноармейцев Цыганков.

На сжатой полосе ржи остановили мы нашу роту. По всему полю еле заметными во тьме черными точками двигались одни связисты.

Надо было наладить связь с комбатом и соседними ротами.

Выслав охранение вперед и в стороны, расположилась рота на колкой, сырой земле. Густая мгла обвалакивала нас непроницаемой пеленой. И в нескольких шагах с трудом различали товарищей.

Дни похода давали себя знать. Нипочем была колкость и сырость земли—утомленные переходами и бессонными ночами дремали стрелки.

И только вокруг политрука, сбившись неподвижной копной сена, коротали мы оставшиеся два часа в рассказах и воспоминаниях.

Вернее говорил один. Говорил комроты. А мы, юнцы, слушали, затаив дыхание.

И рассказы эти были окутаны дымкой какой-то таинственности, и особая красота была в них еще потому, что необычайна была обстановка. Непроницаемая темь... Где-то вдали—неведомые и потому загадочно бегающие огоньки. Тяжелый гул артиллерийской подготовки, и через несколько часов бой...

Комроты не покручивал густых усов, как обычно бывает в таких случаях. У комроты не было усов. Он сверлил глазами тьму. И нам видно было, как блестели эти, так много видевшие глаза.

«...В далекую польскую деревушку забросила война 7-ю роту. Рота была в головной заставе и не одну стычку вынесла уже с неприятелем.

По крестьянским избам разместилась рота. В школе разместился штаб. Усталость крепко сковала часовых. И не заметили они, как польские отряды окружили со всех сторон деревню, взяли ее в мешок.

Когда испуганно и тревожно закричал, предупреждая товарищей, опрокинутый часовой, было уже поздно.

Но все же жестоким огнем встретили неприятеля бойцы роты, окружившие штаб.

Был убит пулеметчик, и сам командир роты строчил по полякам.

Сила сломила силу. Рота была взята. И в штабе со связанными руками депрашивался комроты.

Ничего не сказал комроты. Ни слова не подарил он полякам и потом избитый, исколотый штыками лежал и ждал смерти.

Была такая же вот густая темная ночь...

На миг замолк комроты, неслышно подполз связист и вызвал его к телефону. И пока принимал комроты приказ из батальона, мы сидели и думали о его рассказе и вслушивались в гул артиллерийской канонады.

«...А вот когда лежал я и думал о том, что не увижу никого больше из своих, не увижу победы нашей и торжественного парада на Красной площади, я с горечью перебирал все причины нашего поражения.

И когда заскрипела дверь и темная фигура проникла в сарай, я в последний раз мысленно простился с друзьями и решил умереть, как большевик.

...Кто-то в дубленном тулупе (мне особенно запомнился запах кожи) схватил меня и тихо сказал: «За мной!..»

И откуда-то пришла уверенность, что я спасен. Не будет смерти. Будет опять широкая жизнь. И друзья. И победа.

Я пошел... что рассказывать дальше... Это была учительница. Как она проникла в сарай, как одолела часового, не знаю и до сих пор. Не знаю и то, почему она решилась освободить меня.

Была эта пожилая женщина. Вечером перед позорным поражением за чаем мы молчали. По-русски она говорила плохо. Может быть, сын был у нее в армии, не знаю. Я ни-

когда не видел ее с тех пор. Я даже не написал ей. Деревушки на карте не было. Да и куда там писать было в боях и походах.

Я... кажется, я... даже не поблагодарил ее. Она вывела меня за околицу, и я окунулся во тьму.

Когда на завтра мы отняли у поляков деревушку, я не нашел старой учительницы.

Только в сундуке под койкой нашли мы портрет белокурого юноши и старую, истлевшую на сгибах польскую листовку...»

Замолк комроты... Скрутил папирску и закурил «в рукав». И опять смотрели мы вдаль и думали о рассказе. Ничего необычного не было в рассказе. Не раз о подобных случаях и слышали и читали мы, но в эту предвоенную ночь он звучал по-особому. И ярко в ночной тьме вставала далекая польская деревушка и старая польская учительница. И судьба этой учительницы казалась интересной и загадочной.

Сильней заухала артиллерия.

Мы получили приказ двигаться в наступление.

Тихо ползли вперед. Вдруг пламя огня с треском лизнуло ряды передних бойцов.

Разорвался фугас. Это было началом. По всему полю начались разрывы. Затрещали выстрелы. Зататакали пулеметы. Химические бомбы изрыгали смертоносный газ. Море огня разливалось по полю. Пораженный осколком упал наш комроты. Вклиниваясь вперед, вглубь противника, двигались наши пулеметы, и за ними перебегали стрелки.

Сзади слышался гул орудий...

А потом каким родным показалось знакомое тарахтанье танков. Танки поравнялись с нами и пошли вперед на про-

тивника. Противник встретил их убийственным гранатным огнем. Не один бронированный гигант попал в слоновую яму и выбыл из строя.

А сбоку новое испытание ждало наших бойцов. Один за другим начали огненными струями прорезывать тьму огнеметы. От палящего пламени трудно было скрыться. Уже не передавал приказ комбат, сраженный струей огнемета. Уже 2-й эшелон двинулся в атаку. И тогда лавиной ринулась на пас конница противника.

Это была незабываемая ночь...

Где же был этот бой?.. В какую войну, на каком фронте?..

Это был не настоящий бой. Это только одна ночь из маневров нашего лагеря.

Правда, вместо пуль посредники крестами отмечали убитых. Правда, роль фугасов играл бенгальский огонь, а артиллерия стреляла холостыми патронами. Правда, вместо смертоносного иприта безвредный дым заполнял химические снаряды. Правда, все «выбывшие из строя» остались живы и здоровы.

Но мы об этом забыли. Для нас это был настоящий бой, для нас эта ночь огня осталась незабываемой боевой ночью...

И когда на разборе занятий у большой карты начлаборатора снова четко и ясно разбирал наши ошибки, мы волновались, мы переживали еще раз этот бой, чтобы не забыть ошибок, чтобы исправить их тогда, когда не бенгальский огонь, а настоящие фугасы будут взрываться у нас под ногами и когда не учебным газом, а настоящим убийственным ипритом будут заражены химические бомбы.

Кончены маневры. Последний бой окончен. Полк стягивается для того, чтобы отправиться домой в палатки...

Ноги болят после долгой ходьбы. Некоторые повесили носы и спят на ходу. Но таких мало. Песни, песни и песни. Боевая задача выполнена, теперь можно и попеть.

А на привале—круг. И в круг под общие рукоплескания выходит первый плясун полка.

Политрук берется за гармонию, и под «барыню» с лихими коленцами пляшет Тюрин.

И тогда навстречу Тюрину, пробившись в круг, выходит командир взвода, «убитый» и чудодейственно воскресший Петряк.

Ай-да ну... Кто кого... Лихие коленца загибает командир. Но не отстает Тюрин.

Пот с обоих—градом. В присядку, с вывертом пройдет командир, и в ответ, перевернувшись через голову, с лихой частушкой откалывает Тюрин.

Двенадцать раз сходились плясуны. Двенадцать раз с гордостью и изумлением смотрели на них окружавшие тесным кольцом их бойцы.

Но когда на руках по кругу прошелся Тюрин и потом завернул невиданное коленцо—не выдержал, сдал комвзвода и вместе со всеми долго хлопал победителю...

— Ста-а-новись!..

Кончен отдых. Построены колонны. В путь...

И впереди взвода идет побежденный командир, а в третьем ряду чеканит шаг победитель-плясун, стрелок Тюрин...

Затягивает песню полковая школа.

И плывут в воздухе слова:

Скоро, может, в эту пору
Враг откроет хищный рот.
Глаз наш зорек,
Сух наш порох...
Эй!.. Товарищи, вперед!..

А близ лагеря, на боевом стрельбище остановка. Здесь командующий войсками МВО принимает парад бойцов лагеря. Речи, поздравления с удачно окончившимися маневрами.

— Наши маневры—лучший ответ Чемберлену,—говорит начполага Писманик.—Мы выдержали летний экзамен.

А потом Верховский объявляет:

— Считаю летний лагерный сбор оконченным. И под звуки оркестра, скинувши усталость, мимо командования округа рота за ротой проходят «синие» и «красные» и «зеленые» бойцы.

Ах, как сладок был сон в родных палатках. Спали почти целые сутки. Усталость ночных боев и походов дала себя знать.

Кончался последний этап нашей летней учебы... Не за горами и возвращение на зимние квартиры.

НА МЕТАНИИ ГРАНАТ

Из всей летней учебной программы осталось у нас невыполненным одно—метание боевых гранат.

В последние дни перед переездом на зимние квартиры был назначен выход на стрельбище для гранатометания.

Надо сказать, что многие шли на это дело с большой боязнью. У Капернаута обычно учебная граната летела не дальше 10-12 шагов, и мы уже собирались писать некролог о нашем славном товарище.

У Капернаута, что называется, поджилки тряслись. Да, правду говоря, не у одного Капернаута.

Последний раз собрались мы в поход на стрельбище.

Каждый должен был бросить по одной русской гранате системы 1914 года и одной французской гранате системы Миллса.

Школа остановилась в приличном расстоянии от гранатного тира. Взвод за взводом под руководством самого Диванова подходили к тиру и по одному метали гранаты.

Соблюдены были все предосторожности. В «тылу» ходили «страшные» рассказы о том, как в прошлом году один курсант неосторожно бросил гранату из окопчика. Граната упала на бруствер, скатилась в окоп, курсант, испугавшись, лег на нее плашмя и буквально был разорван.

Нельзя сказать, чтоб эти разговоры прибавляли нам храбрости. Взрывы один за другим раздавались в тире, вспышки пламени сопровождали разрыв гранат.

Страх понемногу стал проходить.

Маленький комичный Зверев пытался даже достать где-нибудь еще одну гранату, чтобы еще раз кинуть в цель. Саликаев сопровождал каждый взрыв громкими радостными криками.

Метание гранат кончилось, и мы весело вернулись в лагерь. Прощались с каждым кустиком, дорогой, по которой было столько раз хожено, на которой так глубоко были отмечены следы наших походных сапог.

Полк готовился к отъезду на зимние квартиры. Собирались последние партийные и комсомольские собрания, подытоживались результаты летней лагерной работы, много говорили о недостатках и достижениях.

— В общем за этот год мы научились вести партработу в боевой обстановке, — сказал Шиманский, закрывая партийное собрание.

Много новых партийцев и комсомольцев воспитал полк за это лето.

В этот вечер последний раз выходили мы на лагерный луг и прощались со знакомыми звездами.

Последнее утро в лагере... Последний раз протрубил утреннюю зорю рожок. Дежурным по полку был Неливцев и он передал всем ротным дежурным—к 8 часам утра подготовить полк к выступлению. Зашевелился лагерь. Снимались палатки, в которых провели столько дней и ночей. На двуколки и четырехколки грузились вещи.

Ровно в 8 часов, в полной боевой готовности стоял полк. И командир полка говорил напутственное слово.

Кончилась речь комполка. Заиграл встречу знамени оркестр.

— Смирно! В походной колонне!.. Первая рота, вперед!..

— Первая рота, шагом марш!—скомандовал Диванов...

И по старому, знакомому шоссе пошел полк...

Глазами прощались мы с лагерем, где столько радостей и печалей пережили мы в летние месяцы.

Вот уже скрылся за поворотом шоссе лагерь. Впереди показалась Москва...

Большой-большой этап нашей учебы был окончен.

Опять зимние квартиры. Зимние экзамены... Новые планы... Новая работа. И новые, совсем новые дни.

НА ЗИМНИХ КВАРТИРАХ

Опять ожили наши казармы. Вернулись мы и ахнули от изумления. Все помещение было выкрашено, все было отремонтировано, прямо блестело.

А во 2-м этаже, к радости спортсменов, был устроен огромный хорошо оборудованный спортзал.

Настали последние дни в казарме... Школа готовилась к экзаменам для производства в младшие командиры. Мы, особисты, готовились к выпускным экзаменам. Намечены были уже сроки демобилизации. И в полку начали создаваться курсы для подготовки демобилизуемых.

Курсами пришлось руководить нам. Я вел курсы сельвоенкоров, Фуражкин—совпартстроительства, Дыркин—кооперации, Копернаут—волмилиции.

Еще были курсы трактористов, киномехаников и другие.

Особая команда опять была собрана из рот в одно помещение. Начались последние дни учебы. Только младший комсостав был выделен теперь из нас самих. Вместо угрюмого Сотникова старшиной нашим стал Володя Нахимов. Был он самым рослым красноармейцем в полку, и мы говорили, что наш старшина даст очко вперед любому кадровому.

Нагрузка была огромная. Кроме учебы, надо было подводить итоги партработы. Через 10 дней должны были быть

экзамены в школе. После экзаменов школа распускалась. Новые младшие командиры расходились по ротам ожидать нового пополнения 1905 года.

А вместе со школой кончала свое существование наша школьная ячейка.

ДЕЛА ПАРТИЙНЫЕ

За время существования школы в два раза увеличилась и партийная ячейка, и комсомольская группа.

В партию пришли такие хорошие активисты, как Симонов, Степанов, Дрондин. В комсомол пришли—депутат наш Сасаров и много других ребят.

Были и отрицательные моменты. Были и выходы из комсомола.

Пришел раз курсант Евдонин.

— Не могу быть больше в комсомоле. Головы нехватает. Не могу учиться и военному делу и в школе союзной.

Не раз слышали мы такие заявления:

— Или винтовку выищу или в союзную школу пойду. Совместить не могу.

Много беседовали мы с такими ребятами, доказывали им на фактах, что можно совместить это. Указывали на Симонова, Сасарова, Цыганкова.

Большинство удалось воспитать, и только один ушел из союза.

А другие росли. И когда прочтешь бывало письмо, которое пишет комсомолец домой в деревню—прямо удивляешься, как вырос он за этот год.

Два сложных случая было у нас в ячейке. Пришлось исключить из комсомола помощника командира взвода Любавина. Был он раньше хорошим комсомольцем. А как

только стал помкомвзвода, нос задрал и перестал вообще комсомольскими делами интересоваться.

Устроили мы показательное собрание — докладик сделали о «чванстве», на примерах показали, что в служебное время командир есть командир и подчиняться должны ему беспрекословно, но после службы — на собраниях ли комсомольских, на партшколе ли — он такой же комсомолец, как и все.

И сам начальник школы Диванов сказал, на Ваню Фуражкина указывая:

— В школе я ему командир, и каждое приказание он выполнить должен. А на партийном собрании я — член партии, он — секретарь ячейки.

Долго говорили на эту тему, указывали на товарищество партийное, на недопустимость высокомерия и заносчивости.

А Любавин даже на собрание не пришел. Так и пришлось исключить его из комсомола. Исключили единогласно.

Другой случай с Мироновым. Лучшим нашим комсомольцем был курсант 4-го взвода Миронов. И в стенгазете главным помощником Федьки Чернова был. Подал Миронов заявление в партию. А при разборе выяснилось, что он был когда-то замешан в бандитском восстании и даже в тюрьме сидел.

— Нужно дело выяснить, — сказал член президиума Карташев, — так принимать нельзя, запросить волком.

Жаль нам было отклонить заявление мионовское. А пришлось так и сделать. Запросили волком. Долго говорил я потом с Мироновым. Рассказывал он мне о том, что случайно замешали его в бандитское дело, будто за укрывательство. Был он совсем мальчонкой тогда и не было его вины в этом деле...

Уже перед самым уходом нашим из полка пришел ответ из волкома. Рекомендовал волком принять Миронова в кандидаты... Мы были довольны бумажке не менее самого Миронова. Был он действительно настоящим комсомольцем-активистом. Любила его вся школа...

Много работы было у нас с партучебой. Нужно было разъяснить ребятам все ошибки оппозиции.

Разбили я, Фуражкин, Гостинницев все решения пленума ЦК на три части и на партийных собраниях, иногда до глубокой ночи, после докладов наших заводился разговор. Каждую ошибку, каждую неправильность оппозиционных взглядов раскусывали мы до конца. И сотней вопросов закидывали нас партийцы и комсомольцы, пока все становилось ясно...

ПОХОД С ПИОНЕРАМИ

В команде у нас началась зубрежка. Когда будут выпускные экзамены и нас произведут в командиры взводов запаса, не было еще объявлено. Но зубрежка началась. Экзамены предстояли гораздо более серьезные, чем летом.

Кроме того, часто приходилось ходить в караулы, на дежурства по полку. В эти последние дни нагрузка была больше, чем когда бы то ни было. Но винтовки были уже сданы. Сдано было все снаряжение, и мы чувствовали, что выпуск не за горами.

Главные «бузотеры» наши Адзанов и Кулаков в команде почти не бывали. Им была поручена постройка нового тира, и там в тире проводили они целые дни...

Осенью в связи с усилившейся кампанией за оборону страны целый ряд гражданских организаций проводил учебные походы.

Каждое воскресенье были стрельбы для членов Осоавиахима на лагерном боевом стрельбище. И стрельбами руководили Ильиченко и наши курсанты— Степа Кироков, Соколов, Грамм и другие.

Проведен был поход с пишевиками, где командовали ротами Нейфельд и Федька Чернов.

Прошел комсомольский поход. И наконец 1 сентября был назначен поход пионеров.

Сформировался пионерский полк, и все командные должности в полку были заняты нами. Главруком пионерского похода был Буденный. А полком пионерским командовал фактически Федька Черный.

Стенберг командовал 1-м батальоном, я—вторым, и командирами рот у меня были Нейфельд и Дыркин.

Целый вечер составляли мы приказы и распоряжения по полку.

Рано утром должно было быть выступление.

Особенно гордился своей ротой Дыркин, который сам ростом не превышал пионеров.

Поход был похож на все походы. Маленькие бойцы наши были удивительно выносливы и без всякой жалобы отмахивали километр за километром. Потом был бой по всем правилам. Сближались роты. Трещали шутихи вместо пушек. Ребята палили из пугачей. Была и разведка и охранение.

Мы объяснили ребятам все, что могли они понять из современной боевой техники.

А когда после боя, уже на привале, услышали ребята топот коней и подъехавший Буденный приветствовал их, восторгу ребят, бойцов наших, не было границ.

После похода прошли мы во главе с Федькой Черновым торжественным маршем по Тверской мимо Моссовета и

с балкона приветствовал нас случайно заседавший в это время президиум Моссовета и наш комдив Дмитриевский. Федька Чернов командовал:

— К торжественному маршу!.. По-батальонно!..

И звучало это у него не хуже, чем у командующего войсками на Красной площади.

А в МЮД мы со всем пионерским полком, одетым в защитные костюмы и летние армейские шлемы, торжественно прошли по Красной площади во главе всей Красной Пресни.

201

А в школе шли экзамены. Ребята ходили бледные и взволнованные. Особенно боялся маленький мариец Саликаев.

— Знаю все, понимаешь, а сказать не могу...

И он по ночам сидел над учебником отделенного командира...

Многие знающие ребята тушевались на экзаменах. В общем все прошло благополучно. Срезались только 4 человека. Полк получил двести новых боевых младших командиров, отделкомов и помкомвзводов.

«Мы пришли сюда из далеких глухих деревушек разных концов огромного Советского Союза»...

Так начал свою речь в ответ на многочисленные приветствия представитель выпускаемых командиров — вчера еще курсант полнколы, а сегодня молодой командир Симонов.

И каждый из сидевших в зале вспомнил, как шел он на призывную комиссию, как потом тарахтели колеса вагонов, увозя его в далекую, невиданную Москву.

Много воспоминаний пронеслось перед молодыми командирами. Дни учебы и походов. Дни, когда одной тесной,

спаянной семьей брали они баррикады знаний, делили радости и трудности походной жизни.

Вставляла перед глазами картина первого вручения оружия, простая и торжественная в своей простоте.

Стрельбище, маневры... Через край были полны те прошедшие дни первого военного года.

И сегодня, как венец всего—парад, и сегодня на огромном плацу, вдоль и поперек исхоженному курсантами, сегодня там гремел оркестр. И каждый из курсантов становился командиром.

Читал список начальник штаба. В ответ на каждую фамилию сильнее билось сердце под зеленой гимнастеркой в ровных и стройных рядах.

А потом... потом были речи. Потом—в ряды младших командиров Красной армии влился двести один человек.

И все они сидели сейчас в большом зале, слушали приветствия и горячо отвечали.

Были из них лучшие, которых особенно отмечал командир полка и начальник школы. Но это были лучшие из лучших, и их первенство признавали все двести один.

На груди у многих алел новенький значок за отличную стрельбу.

— Ни одна пуля у этих стрелков не пролетит мимо,—сказал командир полка.

Горячи были речи. Долго аплодировали любимому начальнику школы. Говорили и шефы—рабочие-химики.

А потом отвечали. Отвечали трое: сухощавый Симонов, крепко скроенный Миронов и маленький член ЦИК'а Андрей Цыганков.

Целые листы были исписаны у каждого. Даже ночью готовились ребята к столь сложным и ответственным речам.

Было в этих листах все—начиная от мировой революции и кончая мелочами школьной жизни. Но говорили не по листам. Говорили много и задущево.

И говорили их словами не трое, а все двести один.

Каждое слово было четко и ясно.

— Перед нами стоит задача внедрить в молодого красноармейца учебу, внедрить дисциплину, стать самым ярким примером не на словах, а на деле, впереди своего подразделения. И мы это выполним.

Так сказал Симонов, и дружным одобрением ответили ему двести один.

Кончилось торжество. Наступили новые дни серьезной и ответственной учебы.

НАШ ПОДАРОК К XIII МЮДУ

Из выпущенных двухсот командиров сорок было комсомольцев—комсомольцев, которых воспитала наша группа, которые шли в роты не только младшими командирами строевиками, но и хорошими, крепкими, понимающими общественниками.

И эти сорок комсомольцев были нашим подарком XIII МЮДУ.

4 сентября было торжественное собрание комсомола полка, посвященное МЮДУ. Замерло собрание, чутко вслушиваясь в слова докладчика.

Перед глазами комсомольцев полка проходили картина за картиной.

Вот первый МЮД. Вот демонстрация с яркими, горящими ненавистью к войне знаменами. Вот вдохновенно говорит Карл Либкнехт. Вот градом пуль встречают демонстрацию и падают наземь, окрашивая алою кровью землю, молодые

рабочие. Польша—Бодвин и Энгель. Далекие китайские поля и маленький Чен весь в крови.

Вот стремительней понеслись картины. Советский Союз. Комсомольский поход. Тысяча пионеров в красноармейских шлемах идут в наступление.

Внимательно слушает притихшее собрание.

Конец речи. Оборвалась картина. Аплодисменты.

И резолюция, большая, пламенная резолюция.

А из зала плывут записочки—послать письмо китайским комсомольцам.

Предложение единодушно принимается. Слово берет оторг Карманов.

— В день МЮДа,—сказал он,—мы выпускаем из школы сорок младших командиров-комсомольцев. И это наш подарок МЮДу.

Сорок крепких бойцов-командиров—не плохой подарок комсомола.

Наш подарок МЮДу—живой подарок—покажет нашу силу и нашу готовность в любой момент стать на защиту нашей страны и свободного празднования в ней мирового дня комсомола.

Кончил оторг, и бурей аплодисментов покрыли его слова. Вместе с другими аплодировали и новые молодые командиры.

А на вечере самодеятельности, который был устроен после собрания, по-старому гремел шумовой оркестр, и Степа Кириков под гармонь откалывал новые чашушки.

Эх, я с таким талантом
Удивлю советский мир.
Был вчера еще курсантом,
Нынче—бравый командир.

Напишу в село знакомой:
«Тань, зазнобушка, мой свет.
Вы любимы отделкомом,
Отделком вам шлет привет».

Веселитесь, ребята,
Эх, гармошка весела.
Подвела меня граната,
Но винтовочка спасла.

Выйду я перед народом...
— Ай да, Ваня, ай да ну.
Вышел в роту помкомвзводом,
Три угольничка воткну...

Что за парень—удивленье,
Срежет выправкой одной.
Будет в роте без сомненья
Самым бравым старшиной.

Нынче каждый стал веселым,
Все ребята хороши.
И начальнику полкшколы
Шлем спасибо от души...

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ШКОЛЫ

Не было больше курсантов школы. Были младшие командиры. Через несколько дней расходились они по ротам, чтобы подготовить все к приему нового пополнения, которое они будут обучать, как обучали год тому назад их самих. Ребята очень гордились своими треугольниками в петлицах.

Симонов сразу после экзаменов был мобилизован для организации ленуголков на призывных пунктах и пропадал там целые дни.

Степанов, Шипов и некоторые другие комсомольцы поступили в нормальную школу среднего состава. По-немногу наши активисты брались за самостоятельную работу.

На последнем партийно-комсомольском собрании сделали мы с Ваней Фуражкиным отчетные доклады и простились с ячейкой.

После нас много говорили ребята, говорили о том, что дала им ячейка, как выросли они за время учебы в школе.

Расходились ребята по ротам. Школа распускалась и готовился набор в новую школу. Одна особая команда оставалась последние дни для подготовки к выпускным экзаменам.

Последний раз собрались мы в комнате ячейки: Ваня, я, Гостинницев, Симонов, начальник Диванов, Миронов—старый школьный актив, сроднившийся за этот год. Только в углу не писал стенгазеты Федька Чернов. Окончилась стенгазета.

И рассказал нам Диванов, что уходит в другой полк, а начальником школы назначается Ильиченко.

Долго сидели мы в этот вечер в ячейке, перебирали события пролетевшего года, говорили с любовью о тех прошедших днях, когда с большим трудом строили мы нашу военную учебу. Были и рытвины и ухабы, но больше было хорошего, о чем всегда будешь вспоминать как-то по-особенному тепло...

ДВЕ ДЕЛЕГАЦИИ

Экзамены особой команды все приближались.

В промежутки между зубрежкой ходили мы в экскурсии на фабрики и заводы.

Правду говоря, больше выбирали мы такие, где полакомиться можно было. Вспомнили мы, что во время похода с союзом пищевиков приглашали они нас к себе в гости.

Шоколадное производство не дурное дело.

Поручили обстрелять это дело старшине Володе Нахимову.

... Был тогда поход. Настоящий поход с боями, атаками, пальбой из винтовок.

Только форма чудная была у бойцов. Вместо шлемов красноармейских—кепки и... красные платочки.

Батальон союза пищевиков наступал на противника засевшего близ Мытищ.

Высылалась разведка. Выставлялись дозоры. Зорко глядело вдаль охранение. Все было, как в настоящих боях. Только изредка прорывался такой предательский, демаскирующий смех и звенел и рассыпался в утреннем воздухе.

Но что было делать командирам, когда так хорошо было это утро и когда так заразительно смеялись бойцы в красных платочках.

Это было несколько недель тому назад. Боевая страда. Боевые встречи. Одним словом: поход.

А сегодня на фабрику «Большевик», где за длинными столами и у машин мирным трудом занимался боевой батальон—сегодня в район расположения батальона пришли гости.

Бывшие командиры времен того недавнего и памятного похода—курсанты полка—пришли навестить своих бойцов, пришли посмотреть на них в мирной обстановке.

Не было винтовочной пальбы, не было разведки и дозоров. Из комнаты в комнату мирной делегацией экскурсантов ходили командиры.

Мерно стучали машины. Ползли из холодильников ровные шоколадные плитки, бурлило молоко для конфет, а за столами быстро-быстро работали бывшие бойцы в красных и белых платочках. Порой вскакивал какой-нибудь разведчик в косынке или помкомвзвода с длинными ресницами и радостно приветствовал своих бывших командиров.

Из-за всех столов шла усиленная пальба по командирам. Только обоймы винтовочные прятались за густыми ресницами и совсем не смертельны были разящие пули.

И в ответ на военную учебу, что была там на походе, разъясняли мастера и работницы устройство фабрики, показывали машины... и кормили... и угощали...

В коридоре неожиданная встреча—делегация немецкого союза молодых фронтовиков прибыла на фабрику. Удивительная встреча. В коридоре фабрики столкнулись бойцы Красной армии с германскими молодыми бойцами.

Хоть и с трудом понимали друг друга, а сговорились. Говорили и о походе и о комсомоле, много о чем говорили на фабричной лестнице.

Был перерыв. На лестницу высыпали рабочие и работницы и тесным кольцом окружили нашу группу.

И в кольце красных платочков и белых халатов пищиков особенно ярко и рельефно вырисовывались две фигуры: рослого курсанта со значком отличного стрелка на груди, Володи Нахимова, и молодого германского фронтовика со значком КИМа на фуражке.

Два бойца вели жаркую беседу

НАШИ АГРОНОМЫ

Последние дни доживала особая команда. Ушел Диванов, и в школе властвовал опять Ильиченко. Ушел и

наш начальник команды Петров—учиться на высшие военполиткурсы. Нам прислали вместо него одного из командиров рот—Михайлова.

Михайлов был внешне угрюмый человек, оказавшийся впоследствии очень хорошим и командиром и товарищем.

После службы ходил он слушать лекции в университет. И в этой университетской учебе мы помогали ему, чем могли.

Любимым словом Михайлова было «чертовщинка».

Не удавалась ли ему какая-нибудь тактическая задача, слишком ли шум большой был в команде—Михайлов вызывал старшину Володю Нахимова и говорил:

— Э, того... этого, товарищ старшина... Чертовщинка у вас...

С Михайловым начали мы усиленно заниматься. Решали задачи на картах и на планах, разбирали баллистические упражнения, вообще с головой погрузились в военную учебу.

Донимали нас только наряды. Ходили мы теперь в полковой и в гарнизонный караулы. Почти каждый день вся команда бывала в наряде.

Только агрономы наши—Гостинницев и Реголов—сидели в клубе и усиленно занимались своей, какой-то неведомой работой.

Потом рассказал мне Гостинницев очень интересную вещь.

Он в Самарской губернии и Реголов в Узбекистане еще до армии, совершенно не зная друг друга, задумали интереснейшую работу по вопросу организации труда в колхозах. Я не совсем понимал сущность этой агрономической работы. Но Гостинницев разворачивал передо мною планы, диаграммы, карты и вдохновенно объяснял неисчислимую

пользу для государства в случае проведения этих планов в жизнь.

Здесь в армии встретились два агронома—из Самары и из далекого Узбекистана. Были они абсолютно непохожи друг на друга. Один—кряжистый, коренастый рабочий-коммунист, другой—белокурый, тонкий, типичный интеллигент. Общая работа объединила их. И здесь в казарме после тяжелого дня военной учебы они ночами сидели над своими планами.

Гостинницев уже написал докладную записку в ЦК партии. ЦК переслал записку в один из крупнейших сельскохозяйственных главков и там разбирали планы наших друзей.

Однажды я пошел с ними на заседание одного из главков, где они делали доклад. Картина была изумительная.

Вокруг длинного стола сидели ученые, с бородами и без бород, но все весьма солидного вида. И перед ними двое молодых красноармейцев излагали и горячо защищали свой проект.

И большинство ученых принуждено было согласиться с мнением докладчиков.

Я не знаю, чем кончилась вся история с проектами Гостинницева и Реголова. Мы расстались раньше ее окончания. Знаю только, что в Наркомземе отнеслись к ней весьма серьезно, и после армии оба должны были приступить к практическому осуществлению проектов...

За неделю до экзаменов образовали мы синдикат: Гостинницев, Реголов, Стенберг и я набрали всюду книжек и начали генеральную зубрежку.

Синдикат наш, правда, вскоре раскололся, но кое-что основательно повторить мы все-таки успели.

ПЕРЕД ДЕМОБИЛИЗАЦИЕЙ

Уезжал 1903 год. И к его демобилизации усиленно готовился полк.

Организовались курсы, проводились лекции и беседы... В каждой комнате клуба—учеба. В каждой комнате—курсы.

В читальне руководитель разъясняет группе красноармейцев основы построения милиции.

В комнате отдыха будущие селькоры. В кабинете политработы группа советского строительства.

Скоро домой в родные деревни повезут поезда красных бойцов. И нужно, чтобы они были подготовленными и подкованными.

Там, в деревнях, не будет политруков, не будет руководителей, которые давали бы разъяснения по всем интересующим вопросам. И это заставляет внимательнее вслушиваться, не пропускать ни одного слова.

Уезжают в деревни и села бойцы 1903 года, впитав в себя за два года массу новых знаний, и военных и политических, и навыков практической работы.

А совсем недалеко от полка в одном из домов Таганки заседает призывная комиссия. И там через большую комнату один за другим проходят будущие бойцы, проходит 3-я смена, 1905 год идет выполнять свой долг, идет «стать в ряды».

Подходят к столу призывники. Просят послать во флот, в технические войска. И когда врачи бракуют, долго упираются.

— Так я же кули ворочаю. Не может быть, чтоб не был годен.

А внизу тир и там призывники набивают руку.

Один за другим прикладываются из мелкокалиберной и бьют пригвожденного к стене Чемберлена...

Целый месяц продолжалась учеба на курсах. Приезжали специальные лектора из разных ведомств, ходили на экскурсии в типографию, музеи, на фабрики.

Будущие строители новой деревни впитывали в себя все больше знаний, чтобы закрепить полученное за два года в армии.

А потом группами стали отправлять домой демобилизованных.

Последняя очередь была наша—особистов. Мы пережили все очереди и принимали участие в проводах.

Был торжественный вечер. Говорили командир дивизии и командир полка.

— Вы были два года в нашей семье. Теперь вы идете на новую трудную работу. Вы идете на баррикады деревенской тьмы. Не забывайте того, чему вас учили. Помните, что вы—воспитанники полка московского пролетариата. Будьте всюду крепкими, красными бойцами.

Выступали и рабочие-шефы. Старик рабочий-химик сказал:

— Наша казарма была тюрьмой. Нас истязали, над нами издевались. Мы были серой скотинкой для господ офицеров. Ваша казарма—школа. Вы многому выучились здесь за два года. И в деревне вы должны рассказать о том, что дала вам наша родная Красная армия.

Потом от остающихся бойцов 1904 года говорили Сасаров и Цыганков. И слушая их серьезные, веские речи и их наказания уезжающим в деревню и обещания хранить их традиции, нельзя было не удивиться тому, как выросли за год эти простые парни, эти Симоновы, Степановы, Цыганковы и Сасаровы.

От уезжающих говорил Серогодский. По-обычному широко раскрыты были его изумленные глаза. Но он уже не спрашивал, он бросал крепкие и четкие слова.

— Выполним... Мы и в деревне будем на красноармейском посту.

И я вспомнил, как год назад в канцелярии 6-й роты долгими вечерами сидели мы с Серогодским, и он вопрос за вопросом выкладывал все свои сомнения.

В речи этого Серогодского, выступающего сейчас на трибуне, не было сомнений. Это был один из тех незаметных, крепких бойцов, кому суждено было строить новую советскую деревню.

Последним говорил демобилизованный рабочий Мелехин.

— Вы пойдете, товарищи, в деревню. Мы возвращаемся на фабрики и заводы. Не забудьте, товарищи: как здесь в армии стояли мы рядом с вами, так и всю жизнь в деревнях и на заводах должны мы бок-о-бок крепить нашу власть, нашу рабоче-крестьянскую страну.

Гролом аплодисментов и звуками оркестра отвечал зал...

А потом качали командиров, качали товарищей.

Высоко к потолку взлетала маленькая фигурка помкомвзвода Утина.

Утин переборол свою тоску по дому и оставался добровольно еще на год служить в армии.

— Утин, как же ты? Ведь так рвался домой?—спрашивал его я.

— Раньше было. Сейчас хочу еще больше подучиться в армии. А тогда и домой,—широко ухмылялся Утин.

В эту ночь я был караульным начальником. И, поверяя посты, наткнулся на пьяного красноармейца. Забрал я его в караулку.

Проспавшись, рассказал красноармеец, что должен сегодня он вместе со всеми уехать домой. Попутала его легкая и дернул вчера напоследок бутылочку.

— Товарищ карнач,—говорил красноармеец,—вы уже пустите меня. Ошибку в последний день сделал. Сам не понимаю, как это вышло.

— Хорош строитель новой деревни. Так-то ты будешь ее строить, пьяный как стелька...

А на дворе уже трубил рожок и выстраивались с торбочками и сундучками уезжающие домой бойцы...

На отрезвевшего красноармейца жалко было смотреть.

— Товарищ карнач. Уедут ведь... отпустите...

Жалко мне было его, а проучить надо было. Посоветовался я с начальником штаба, тот вызвал красноармейца, пробрал его насквозь и приказал отпустить...

Потом уж я видел, как он радостно пристраивался к общим рядам.

Последний раз выровнялись ряды... Напоследок еще раз речь сказал комполка перед строем. И ответил ему коренастый, низкий красноармеец:

— Мы уезжаем, товарищ командир, но даем вам обет по первому зову явиться опять в ряды на защиту наших советов.

Заиграл оркестр. Раскрылись ворота и, четко отбивая ногу, стараясь напоследок шагать особенно молодцевато, потянулись ряды бойцов с того самого казарменного двора, куда два года назад пришли нестройной разношерстной толпой.

Два года не прошли даром. Теперь это были бойцы Красной армии и крепкие бойцы за новую деревню.

Из-за поворота улицы донеслись на казарменный двор слова нашей полковой походной песни

Вслед за комсомольским и пионерским походами военные игры стали устраивать очень многие рабочие организации. Военизация стала лозунгом масс. И в один из октябрьских дней Московский Осоавиахим решил устроить большой поход всех военных кружков и химкоманд.

Руководство этим походом должно было принадлежать нашему полку. Все мы были назначены командирами взводов, скомплектованных из рабочих.

Опять предстояло идти в знакомые лагерные места.

Как десять лет назад,—в бурные Октябрьские дни,—заполнились улицы вооруженными рабочими.

С вечера, прямо от станка, двигались заводские колонны на широкий казарменный двор, чтобы получить винтовки и пулеметы, опоясаться патронташами, быть готовыми к бою...

Моросил дождь с мелким снегом, сильный ветер пробивался сквозь пальто и тужурки. Рабочие батальоны шли и шли. До 5 тысяч человек стало в ряды «красных» и «синих».

Ночь в казарме. Предбоевая ночь. Командиры знакомились со всеми бойцами.

Беседовали, объясняли пулемет, говорили о завтрашнем бое. Недолгой была эта ночь.

И лишь только 4 удара отбили большие часы на Красной площади, встал полк.

Это не были уже только рабочие «Динамо», «Гужона», «Цинделя»—это были бойцы пролетарской дивизии. Каких только бойцов не было в полку—от курьера до директора треста.

Рабочие Москвы ранним осенним утром 16 октября вышли на маневры. И, казалось, что снова встает далекий

Октябрь, что снова боевые красногвардейцы идут на штурм Зимнего дворца.

В кожанках и сапогах, повязанные шарфами, с патронташами и винтовками шли бойцы. Бородатые ветераны перемешивались с юнцами. И у всех на кепках, на меховых шапках, на старых, не один бой в прошлом видевших шлемах, был красный лоскут—знак красной стороны.

И в самом деле, это была интереснейшая картина. Недаром на место боя приехали кинооператоры снимать полк в роли красногвардейцев.

В одной роте было целое семейство, отец—старый солдат, сын—комсомолец и дочь—санитарка.

Трамвайной тягой полк был доставлен в район Покровского-Стрешнева. Бой начался...

Ушла разведка. Разворачивались батареи, затрещала артиллерия, засновали самокатчики. Пулеметным огнем отвечали синие. Бой был жаркий. Пылу хоть отбавляй. И вопреки всем тактическим законам прямо на вражьи пулеметы с винтовками наперевес шли взводы.

Опасны были переправы через реку Химку. Подавив артиллерийский огонь синих, взяли переправы, прорвались через Иваньково и гнали противника. Напрасно посредники останавливали чересчур увлекшихся бойцов. Только отбой положил конец сражению. А другие батальоны шли на Тушино. Красные и синие бились до последнего патрона.

Вместе с бойцами, всегда готовые к помощи, были боевые санитарки.

Окончился бой. И красные и синие вместе дружной атакой одолевали обед. Опять друзьями стали красный с «Цинделя» и синий с «Богатыря». И на привале, чтобы согреться, затеяли общие пляски.

Окружив своих командиров, лихо плясали оба полка. Несколько тысяч человек плясали на огромном поле. Это была невиданная картина. Потом бойцы качали своих командиров, прощаясь с ними и сдавая снаряжение и оружие. Боевые колонны проходили мимо командующего войсками МВО тов. Шапошникова. Поход был окончен. Надо было опять от винтовки возвращаться к станку.

ПОСЛЕДНИЕ ЭКЗАМЕНЫ

Уже начало прибывать новое пополнение, когда начались наши экзамены. Экзамены были при дивизии. Половина экзаменаторов были командиры из нашего полка.

Особенно боялось большинство курсантов экзамена по политграмоте. Вся ночь перед экзаменом прошла в проработке всякого рода международных вопросов. Особенно беспокоил всех Китай.

— Ведь обязательно по китайскому вопросу засышемся. Там сам черт ногу сломит,—говорили ребята.

Некоторые до того дозубривались, что путали топографию с артиллерией, артиллерию с администрацией и с самым серьезным видом спрашивали, сколько «нарезов в азимуте»...

Наконец настал день экзаменов. Последний раз построилась команда, и с песней, чтобы подбодрить себя, двинулись в клуб. В первый день экзаменов врезалось неожиданное событие. К нам в полк прибыли иностранные гости из числа приехавших на праздник 10-летия Октября.

ДВА ДЕПУТАТА

Ветром мировой революции повеяло у нас на полковом дворе.

Делегации всего мира посетили наш полк.

И мы увидели французских фронтовиков в каскетках с советскими юбилейными значками, увидели немецких рабочих, представителей пролетариата Пруссии, Саксонии, Тюрингии. И рядом с плотной коренастой фигурой Вайяна Кутюрье шагал маленький смуглый, живой, как ртуть, представитель африканских риффов.

О, мы много читали о героической борьбе риффов. Мы хорошо помнили о борьбе за свободу марокканских племен. И потому не одна сотня пар глаз с особым вниманием вонзилась в маленького африканца.

Ахмед-Хассан Маттар первый раз был среди красноармейцев. Речь африканца нельзя было назвать просто пламенной. Словно палящее африканское солнце обжигало от фланга до фланга почетный караул. Бурной страстной речью, подобной которой никогда не слыхали мы, приветствовал этот маленький представитель риффов наш полк.

И когда он кончил и стал рядом с Вайяном Кутюрье и когда красноармейский шлем одел Вайян—казалось, сильнее забились наши сердца.

Мы показывали наши казармы, наши кабинеты и клуб дорогим гостям. Интересовал их и быт наш и учеба. И особенно—взаимоотношения с командирами.

Случилось так, что на кухне в этот день дежурил депутат райсовета Сасаров. Когда мы пришли на кухню, он стоял за широким столом и резал хлеб.

— Вот наш депутат районного совета,—познакомили мы Сасарова с делегатами.

— А, хорошо,—сказал Вайян Кутюрье,—я тоже депутат... французского парламента.

И два депутата, Иван Сасаров—отделком полковой школы, и Поль Вайян Кутюрье,—редактор ц. о. фран-

цузской компартии, пожали друг другу руки над большим столом в кухне 3-го батальона.

В химкабинете у витрины, где показано было действие иприта, рассказывал Вайян Кутюрье, как много дней на фронте, в дни кровавой бойни, подвергались они, французские солдаты, газовым атакам.

— О, вы мне не должны объяснять, что такое иприт... Я это хорошо знаю, изучил на практике.

Немцы, французы, австрийцы, голландцы, англичане— делегаты мирового пролетариата, приехавшие на великий юбилей—перемешались сейчас с красноармейцами.

Они ведут жаркие беседы на не знакомых друг другу языках. И понимают друг друга. Понимают с полуслова, понимают смысл, не зная слов.

Недаром же так жарко заседал на командира полка маленький африканец, говоря о том, что он хочет поступить в Красную армию, чтоб научиться лучше воевать за мировую революцию...

Познакомили мы наших делегатов и с нашим членом правительства Цыганковым.

Один старый французский социал-демократ долго выяснял, на скольких языках разговаривает этот член правительства, и был весьма удивлен, узнав, что только на русском.

Другие, отводя нас от командиров, выпытывали, где у нас карцер—и никак не хотели верить, что у нас нет никакого карцера.

— Пусть капитаны выйдут,—говорили французы.—Тогда вы скажете нам.—«Капитаны» выходили, но мы ничего нового и без «капитанов» не могли сказать о несуществующем карцере.

Молодые французские фронтовики менялись с нами карточками, давали адреса, просили писать им.

Уже уезжая, увидев на карауле в воротах марийца Саликаева, Вайян Кутюрье заинтересовался им и долго беседовал с нами о быте национальных меньшинств в Красной армии.

Саликаев молчал и весело скалил зубы. Разговаривать часовому не полагалось.

...Красочным ярким пятном промелькнула встреча делегации. И опять прежние будни—продолжались экзамены...

Волновались ребята, многие путались, но в общем все сошло благополучно...

Выдержали экзамены почти все. Только четверо самых больших бузотеров команды срезались на политграмоте...

Пролез даже Капернаут...

И на экзаменационной комиссии особенно старался «спасать» курсантов начальник наш, Михайлов...

Через два дня опубликован был приказ по полку.

На плацу перед казармами был парад. И был объявлен приказ о производстве 50 курсантов в командиры рабоче-крестьянской Красной армии.

Были приветствия. Говорили командиры.

А потом неожиданно подъехал автобус. Международная женская делегация прибыла на наш праздник. Приветствия командиров сменились приветствиями на немецком, французском, английском языках.

Торжественный обед был совсем необычным. Говорились речи, играл оркестр, качали товарищей. Главное—не было никакой натянутости. И-когда за нашим столом зав-женотделом ЦК английской компартии тов. Бэт Тернер разливала суп, казалось, что мы в большой семье, и совсем родными казались эти шотландские, саксонские и марсельские работницы.

После обеда состоялся вечер, последний наш вечер в полку.

И казалось, будто давно мы были знакомы с нашими гостями.

Недаром на груди делегатов красовались красные звезды из наших шлемов и знаки за отличную стрельбу, а на наших гимнастерках рубиновым огнем переливались звездочки, полученные взамен от делегатов.

Коротки были речи на этом полковом вечере. Но в немногих словах был выражен такой горячий привет молодым командирам, что сильнее билось сердце и, кажется, ярче блестел новенький свежеиспеченный квадратик на петлицах гимнастерок.

В конце вечера делегатки вышли на сцену. И одна за другой полились песни на английском, французском, немецком языках.

Потом встал весь зал и на разных языках, под звуки оркестра, загредел мировой рабочий гимн.

Громче всех пели 50 новых командиров.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Промелькнул год бысролетным степным конем. Ровно год назад пришли мы в полк. День за днем все креп наш коллектив, теснее становилась наша красноармейская семья.

За этот год научились мы быть настоящими бойцами, командирами Красной армии. Много тяжелого было в этих прошедших днях. И морозы, когда сталь винтовки жгла руки, и тяжелые походы, когда изнывали мы от жары под тяжестью походной нагрузки и шагали десятки километров через леса и болота.

Но больше было хорошего. Было сознание силы, крепкого, стального армейского коллектива, в котором мы все научились, как нужно уметь сражаться за нашу родную советскую страну.

Многому, очень многому научила нас армия.

Научила всех. От надменного инженера Адзанова, который понял, что значит подчинять свою волю воле коллектива, до мариинца крестьянина Саликаева, ставшего развитым, сознательным борцом, понимающим за что он борется.

Последний раз перед уходом из полка четко отбивали мы дробь шагов на параде десятилетия Октября.

И, проходя по Красной площади мимо Ворошилова, Калинина, иностранных гостей, мы особо молодецкато отбивали шаг и равнялись на мавзолей.

Вечером мы прощались с полком. Мы прощались с командирами, с начальником команды Михайловым, с милым другом—политруком нашим Горовским, со строгим и внушительным Ильиченко.

Там, в полку, оставались еще товарищи наши, кончившие полковую школу и дослуживающие второй год младшими командирами.

По-братски целовались мы с Симоновым, Цыганковым, Сасаровым, друзьями, с которыми вместе шагали по путям армейского года.

А потом прощались друг с другом. Уезжали куда-то в совхозы для большой и сложной работы Гостинницев и Реголов, на работу в уезд уезжал Ваня Фуражкин. Опять на прокурорский пост отправлялся наш любимый Капернаут, милый и хороший товарищ, с которым так сроднились мы за этот год.

В Москве оставался я, Федька Чернов, Степа Кироков и многие другие.

Обменялись мы адресами, обещали писать. И крепко-крепко жали напоследок друг другу руки.

Этот год крепко спаял нас, и потому грустно было разлетаться во все стороны.

Последнее напутственное слово сказал командир полка.

В последний раз Ваня Фуражкин отвечал от нашего имени. Мы обещали не терять связи с полком, всегда помнить, что мы являемся и в запасе его бойцами, его воспитанниками. Открылись широкие железные ворота. Еще раз мелькнуло лицо первого командира нашего, Утина... Он махал нам шлемом—такой же, как тогда, год назад, маленький, с огромным наганом у пояса.

Шумной гурьбой высыпали мы на улицу с сундучками.

С этого момента перестали мы быть военными и становились вольными гражданами.

Каждого из нас ждала своя привычная, большая и сложная работа. И каждый из нас, выходя в этот вечер из казарменных ворот, думал о таком большом-большом прожитом армейском годе.

И каждый вспоминал о нем с теплым чувством... И то, что было в прошедших днях плохого и тяжелого, бледнело перед тем хорошим и нужным, чем были наполнены наши дни на путях пропедших армейских месяцев.

На Серпуховской площади, близ знаменитой «сковородки», мы последний раз пожали друг другу руки и разошлись.

Весь город был залит огнями. Толпы народа на улицах. Московский пролетариат справлял великий праздник 10-й годовщины Октябрьской революции.

ПРОШЕЛ ГОД

Прошел год с тех пор, как я написал эту книжку... Год тому назад я ушел из полка, простился с Симоновым, Сасаровым, Цыганковым. Я не имел возможности часто навещать своих товарищей в полку. Изредка мы встречались, толковали, вспоминали прошлое, говорили о настоящем.

Ребята работали попрежнему, учились, командовали отделениями, руководили ячейками и комсомольскими группами. Попрежнему гремел бас Ильиченко, попрежнему рассказывал о решениях правительства Цыганков и проводил комсомольские беседы Симонов.

Но если в прошлом году они больше учились, то теперь они и учили. Теперь в полк пришел новый молодняк, которому они передавали свой опыт, свои знания, то, что они накопили за прошедший год.

Приближалась демобилизация. Ребята уже подумывали о том, что делать после армии, как использовать знания, приобретенные за два года...

Эти два года совершенно преобразили их. Маленький мариец Салим Саликаев, который не мог двух слов сказать по-русски, рассказал мне теперь при встрече о том, как он был старшиною команды где-то в госпитале и как он учил красноармейцев. Говорил Салим свободно, поблескивали его маленькие глазки, и, разговаривая с ним, я уже

видел нового, совсем другого Салима, который вернется теперь в свою далекую марийскую деревушку и будет там бороться с вековой тьмой.

Я уходил в этот день из казармы полный сознанием того, какое огромное дело сделала Красная армия, совершенно перевоспитав этих ребят—сегодня еще красноармейцев, а завтра строителей новой деревни... Я простился со всеми. Но мне пришлось еще встретиться с моими старыми товарищами.

СИМОНОВ

...Ко мне в комнату постучались... Вошел парень, лет 25, худой, с энергичными чертами лица, в военной шинели без петлиц.

Когда он снял шинель, под ней оказалась коричневая гимнастерка, перехваченная узким ремешком.

— Симонов... Веня... Какими судьбами?..

Мы долго беседовали с моим старым товарищем.

Симонов демобилизовался и поступил на рабфак. Он мне рассказывал об учебе, о трудностях и радостях жизни рабфаковца...

— Я вот решил еще подучиться, а тогда вот поеду домой,—сказал Симонов.

Учеба была для него большой радостью. Он говорил мне о книгах, которые прочитал, рассказывал о том, что начал читать Толстого, и каждая новая книга была для него маленьким праздником. Перед ним раскрывался совершенно не известный ему доселе мир.

Потом мы вспоминали о прошлом, об армейских годах...

— А тревогу в лагере помнишь? А начхима, а Капернаута?..

Поздно вечером ушел от меня Симонов... И, оставшись один, я еще раз подумал о том, какой путь проделал Симонов за два года в армии, о том, сколько вот таких крепких, энергичных, закаленных Симоновых снимают каждый год красноармейские шинели и идут биться на новые фронты и в села и в города...

И рядом с Симоновым передо мной встал другой образ, образ нашего депутата-пулеметчика—Ивана Сасарова... В ящике письменного стола у меня лежало письмо Сасарова.

И на конверте был штемпель Сибири.

КОММУНАРЫ

Два года пробыл в армии Иван Сасаров и его товарищи. Два года они впитывали в себя слова такой, казалось, трудной и непонятной военной и политической науки. Эта наука казалась трудной только сначала. Только сначала, как в старый, распатавшийся пулемет с трудом вдевается пулеметная лента, так же трудно вдевалась в сознание лента военной и политической учебы. А потом лента продергивалась быстрее и вот уже совсем легко и свободно овладевает сознание мудреными словами науки.

Пулеметчик Иван Сасаров был вожаком в четвертом пулеметном взводе. Пулеметчик Иван Сасаров быстро овладел азами науки.

Через несколько месяцев Сасаров стал комсомольцем, потом партийцем, и всюду на занятиях во взводе, на партшколе, на занятиях внешкольных кружков Иван Сасаров старался узнать как можно больше, старался, чтобы два года военной жизни были туго набиты знаниями, как подшумки пулями у дежурного взвода.

Иногда знания заедали. Получался такой же перекося, как в старом Максиме, к которому начал привыкать Сасаров. Но перекося исправлялся, задержки уничтожались, и дальше спокойно и четко работала сасаровская мысль.

Скоро Сасарова узнал весь полк. И потому, когда полк ходил выбирать своих депутатов в советы, рядом с будущим членом ЦИКа, маленьким, белесым Андрюшей Цыганковым, была названа фамилия плотного, коренастого, круглолицего пулеметчика Ивана Сасарова.

Иван Сасаров стал ходить на заседания совета, стал принимать участие в управлении огромным городом, столицей страны советов. И к этому тоже было очень трудно приучиться. В совете было так много областей работы. Все они были пригнаны одна к другой, как части старого Максима, но чтоб понять их, чтобы самому принимать участие в управлении, нужно было очень многому научиться, нужно было очень многое узнать.

И Сасаров учился, учился и учил других.

И часто вечером, во время долгих коечных разговоров, в те два часа от поверки до выключения света, когда разговаривает вся казарма, во время этих разговоров собирались ребята в кружок, читали крестьянские письма из Ярославской, Владимирской, Нижегородской губерний и обсуждали важный и сложный вопрос, как помочь крестьянскому хозяйству.

Два года сначала казались длинными и трудными, как толстый учебник по тактике пехоты. А потом промелькнули два года так же быстро, как прескакивает пулеметная лента во время учебной стрельбы. И на койках, и на нарах в лагерях, в палатках начали поговаривать о том, что скоро придется снять красноармейские шинели и отправиться на новую работу, где дни бегут совсем не так четко

и просто, как в казарме, где нужно будет меньше учиться и больше учить.

В палатке Сасарова начала созревать новая, смелая мысль. Оставить ярославские земли. Переселится. Пойти искать других, более просторных земель и на этих новых землях зажить по-новому, построить новую красноармейскую коммуны.

Мысль зародилась. Мысль росла и вот она уже проникает из палатки в палатку, и вот она уже будоражит умы всей роты, всего полка, всей дивизии. И в холодные предосенние ночи редко в какой палатке не ведутся разговоры о новой, неизведанной коммуне.

И разговоры эти даже согревают, и кажутся теплее холодные осенние ночи.

Мысль созрела и дала плод. Иван Сасаров уже в политотделе дивизии, а потом в Наркомземе говорит о своем замысле, о своей красноармейской коммуне. Костяк мысли облекает в плоть. Политотдел дивизии и Наркомзем помогают будущим коммунарам. В первый список коммунаров записывается до пятидесяти человек. Приезжает инструктор Наркомзема, долго говорит о коммуне. Инструктор Наркомзема—умный человек. Инструктор Наркомзема не сулит для начала никаких благ будущим коммунарам. Инструктор Наркомзема говорит о том, с какими трудностями придется столкнуться коммунарам на далекой и холодной сибирской земле.

И вот, как от частого пулеметного огня, дрогнули ряды коммунаров. Начинается отступление. Список становится все меньше. Сорок человек. Тридцать. Двадцать пять. Двенадцать. Девять. Девять человек—это то ядро, которое прикрывало отступление, не дрогнуло от холодных предупреждающих слов инструктора Наркомзема.

Девять человек—это ядро. Это крепкое ядро, которое не боится никаких трудностей, которое решило построить красноармейскую коммуну, построить во что бы то ни стало. И во главе этого ядра—Иван Сасаров.

Опять по палаткам идут разговоры. На этот раз разговоры выливаются в жаркие непрекращающиеся споры.

Девять человек спорят с сотней. Девять человек доказывают, что они победят. И ядро начинает вновь обростать. В списке, который держит под подушкой Сасаров, уже семнадцать фамилий. Многие сомневаются. Многие боятся, многих отговаривают неровные строчки в самодельных конвертах, приходящие из Ярославской, Нижегородской, Владимирской губерний. Но семнадцать человек—это твердый список дивизии. Семнадцать человек поедут в Сибирь строить красноармейскую коммуну.

На посту демобилизация. Но это не значит, что кончена военная учеба. Попрежнему уходят на занятия будущие коммунары, попрежнему дежурят под большим грибом на первой линейке, попрежнему уходят в поход и на маневры. И вперемежку с этим идет лихорадочная подготовка к организации коммуны. Семнадцать человек разбиваются на отряды. Одни учатся на курсах трактористов, другие—на курсах советского строительства, третьи готовятся быть пропагандистами... Все понадобится в будущей коммуне. В Сибирь надо ехать во всеоружии.

Тридцать первого августа семнадцать выделяют двух—Сасарова и Ватутина—ехать в разведку. Два разведчика должны ехать в Сибирь высмотреть подходящую землю для новой коммуны.

И вот два коммунара в красноармейских шинелях многие тысячи километров трясутся в вагоне. Путь! Москва—Ново-Сибирск.

Два разведчика прибыли в Ново-Сибирск. Начинаются путешествия по учреждениям, по переселенческим пунктам. Бумажка от Наркомзема имеет свою силу. Представителей семнадцати направляют в Ачинский округ.

Скупно и просто описывает Иван Сасаров свое путешествие в дневнике. Дневник этот ярок и четок, как боевое донесение. Десятого сентября Сасаров записывает: «Утром десятого сентября в десять часов пришли в канцелярию заведующего водворением Ачинского округа, поговорили с ним, отдали свои документы, какие у нас были из Ново-Сибирска и из Москвы от Наркомзема. Затем заведующий водворением посоветовался с нами и еще там с разными сотрудниками, и послали нас на станцию Крытово, в село Красная Речка, к землеустроителю Овсянникову, где производилась нарезка земли. Пришли на вокзал. Нужно ехать тридцать километров по железной дороге. Поезд идет в 7 часов 51 мин. Его нужно ждать до вечера, да еще платить деньги. Сели на тормоз товарного поезда и приехали в Крытово в пятнадцать часов дня. Из Крытоса шли километров семь пешком до села Красная Речка.

У разведчиков казенные деньги. Дело важное и большое, но если можно не тратить денег, если можно ехать на тормозах товарного поезда и потом идти пешком, то надо деньги беречь. Деньги не свои. Деньги семнадцати. И вот—из села в село передвигаются разведчики, в поисках подходящей земли, той самой земли, на которой развернется будущая красноармейская коммуна.

В перерывах между поисками разведчики возвращаются в Ачинск на переселенческий пункт, и здесь, на переселенческом пункте, идут жаркие споры с другими переселенцами, противниками коммуны. Двенадцатого сентября Иван Сасаров заносит в свой дневник! «Ночевали в пере-

селенческом пункте вместе с волынскими мужиками, приехавшими тоже на переселение. Ищут участка, а семьи ихние покуда находятся в переселенческом пункте. Поговорили с ними, но они с коммуной не согласны и говорили, что из коммуны ничего не выйдет».

Здесь, на ачинском переселенческом пункте идет продолжение тех споров, которые начались в полотняном городе, в палатках московских лагерей. Двое разведчиков упорно ведут борьбу с волынскими мужиками, упорно доказывают им преимущества коммуны.

Наконец Ачинская колхозсекция находит для будущих коммунаров подходящий участок. Этот день, день четырнадцатого сентября, будет когда-нибудь праздноваться коммунарами, как начало зарождения коммуны. В этот день Сасаров записывает: «Колхозсекция предложила нашей коммуне слиться с коммуной «Первое Мая», которая расположена в трех километрах от города Ачинска, на берегу реки Чулым».

Коммунары из коммуны «Первое Мая» встретили разведчиков от московских красноармейцев как лучших товарищей. В коммуне «Первое Мая» было двенадцать человек.

Среди них были и коммунисты и комсомольцы. Было созвано собрание коммунаров, и на этом собрании выступал Иван Сасаров и говорил о задачах коммуны и о постановлениях XV съезда партии и о том, что двенадцать хорошо, а двадцать девять лучше. Сейчас же после собрания занесит Иван Сасаров в свой дневник: «Почти все выступали в прениях и задавали нам вопросы. Наконец решили вопрос поставить на голосование, решили единогласно принять, так как ребята из Красной армии—состав хороший и подготовленный для этого дела, как высказался седой старик и тетка Егорьевна».

Так объединилась коммуна «Первое Мая» с будущей коммуной красноармейцев. И решили будущей объединенной коммуне дать имя Московской пролетарской дивизии.

В коммуне сейчас пятьсот гектаров земли. Еще три тысячи гектаров прирежут коммуне весной от села Белый Яр. Переселенческая партия забронировала за коммуной восемь тысяч рублей. Коммунары немедленно после демобилизации поедут в коммуну, и только много после, когда построят коммуну как следует, перевезут туда семьи из родных деревень.

Двое разведчиков выяснили также то, что сейчас в коммуне «Первое Мая» уже намолочено хлеба до тридцати тонн, есть и помещение и даже ленинский уголок. Так что первое время будет легче новым молодым коммунарам.

Иван Сасаров был не только на земле. Он сходил и в ачинский окружком партии и долго толковал о будущей работе новых коммунаров. Ведь среди семнадцати есть шесть партийцев и семь комсомольцев. Это в соединении с партийцами и комсомольцами коммуны «Первое Мая» даст крепкое партийное ядро будущей коммуны.

Все дела, порученные коммунарами, сделали два разведчика. И вот опять через тысячи километров мчит их вагон, и Ваня Сасаров, депутат райсовета и вождь коммуны, на дрожащем вагонном столике дописывает последние строчки своего дневника.

...Семнадцать коммунаров заслушали доклад своих товарищей. Рассказал Сасаров и о земле, и о коммуне «Первое Мая», и об инвентаре коммуны, и о самих коммунарах, и о бабке Егорьевне, которая поила чаем разведчиков.

В эту ночь долго не спали в палатке Ивана Сасарова. Сасаров говорил, говорил он и о трудностях, которые предстоят, и о той большой и крепкой коммуне, которую

они построят. Говорил он о том, что в трех километрах от коммуны находится город и мост и на мосту пятнадцать столбов и от этих столбов можно будет взять электрическую энергию и электрифицировать коммуну.

Ярко горели глаза будущих коммунаров, а те, которые сомневались, те, которые вычеркнули себя из списка, поворачивались к стене и старались поскорее заснуть, чтобы усмирить завистливые мысли, бродившие в мозгу.

Лил сильный дождь. На первой линейке, под большим грибом, плотно закутавшись в шинель, стоял часовой. Часовой тоже думал о коммуне. Часовой был один из семнадцати. ...Пробежали два года. Прошли еще дни. Очень немного дней.

10 октября был торжественный вечер в полку. Громче обычного играл оркестр, говорил представитель Наркомзема, тот самый инструктор, который несколько месяцев назад рассказывал о трудностях коммуны, выступал представитель Московского совета.

Скупыми, но полновесными словами отвечал от имени коммунаров председатель временного правления коммуны Иван Сасаров. А в заключение начальник политотдела вместо напутственного слова прочел приказ по дивизии:

«11 октября в Ачинский район Сибири отправляется семнадцать чел. красноармейцев-отпускников для организации с.-х. коммуны имени Московской пролетарской дивизии.

Эти товарищи после двухлетней военно-политической учебы в армии будут закладывать камни коллективного хозяйства в деревне, идя по пути, указанному XV съездом ВКП(б).

Им предстоит тяжелая работа в новых трудных условиях. Понадобится много настойчивости, упорного труда и выдержанности, чтобы довести до конца начатое дело.

Коммуна имени Пролетарской дивизии должна быть образцовым коллективом не только в своей внутренней

жизни, но и в качестве примера для окружающего крестьянского населения в деле перехода его к коллективным формам сельского хозяйства.

Школа Красной армии дала нашим коммунарам необходимые знания и качества для выполнения этой задачи.

Пролетарская дивизия уверена в том, что ее воспитанники оправдают возложенные на них надежды.

Красноармейский привет бойцам-коммунарам».

И в ответ долго гремел зал...

Это был последний вечер семнадцати коммунаров в родном полку. А на следующий день семнадцать красноармейцев вскинули на плечи сундучки, попрощались с родным полком, с родными товарищами и с широкого казарменного двора пошли на вокзал, чтобы оттуда поехать в далекую Сибирь, на новые земли, строить новую коммуну при помощи тех знаний, что накопили они за два года. В сундучках у коммунаров было много книг, подаренных для библиотеки коммуны. А Иван Сасаров держал свернутым красное знамя, которое получили коммунары от своей дивизии, чтоб водрузить его в ленинском уголке новой коммуны...

На московском рабфаке и в далекой Сибири, на крупном Иваново-Вознесенском заводе и в маленькой деревушке Марийской области стоят теперь на своих постах мои товарищи, герои этой книги.

И им, рядовым бойцам, строящим нашу великую советскую страну, им всем—Симоновым, Сасаровым, Саликаевым и Цыганковым—посвящаю я эти страницы.

ВСТРЕЧИ

Прошел еще один год. Я не терял связи с товарищами по полку. В самых различных областях работали они, и письма, получаемые мною из Сибири, из деревни Прохоньево Иваново-Вознесенской области, из Марийской области, из Звенигорода, рассказывали о том, как на всевозможных фронтах советской стройки борются бывшие красноармейцы Московского полка.

Симонов продолжал свою учебу на рабфаке. Капернаут опять ушел на работу в суд и при встрече долго рассказывал мне о всяких любопытных случаях судебной практики. В штатском его фигура не была столь мешковатой, как в шинели, и только по развалистой походке можно было узнать старого армейского Капернаута. Федька Чернов вернулся к излюбленной пионерработе, редактировал один из пионерских журналов. Ваня Фуражкин работал секретарем волкома в одном из уездов, потом его выдвинули заведывать орготделом укома. На перевыборы советов я ездил к Ване, увидел его напряженную, нервную работу и потом ночами, когда уже белел рассвет и когда мы по снежным полям возвращались с проведенных перевыборов из деревень, мы обменивались впечатлениями о перевыборах и между этими сегодняшними заботами вспоминали о днях дружной армейской жизни.

Теперь Ваня послан на учебу в счет тысячи коммунистов во втуз и так же, как боролся со сложным механизмом Максима, день за днем борется с упорными математическими формулами, и формулы начинают сдавать под Ваниным напором.

АНДРЕЙ ЦЫГАНКОВ

В феврале я получил письмо от нашего члена ВЦИКа Андрея Цыганкова. В обширном письме Андрей Цыганков сообщал мне о своей жизни в деревне, о своей работе и борьбе. «Живу сейчас в деревне,—писал Цыганков,—в своем крестьянском хозяйстве, работаю в райсельизбиркоме и в райкомиссии по распределению хлебопродуктов, избран в свой сельский совет»—и дальше подробно сообщал Цыганков о том, как проходили выборы, как снабжается хлебом беднота, какую политику проводит он в хлебоснабжении района. Все это было подкреплено солидными цифрами, цифры эти были убедительны, и видно было, что маленький член ВЦИКа основательно вошел в работу своего села и является в нем не маловажным работником.

Кончая письмо, Цыганков подробно расспрашивал о жизни города: «Просьба к вам описать вашу жизнь, что нового в Москве, как в Москве с продовольствием, как настроение рабочих; у нас здесь пошли слухи (конечно, все это враги наши распускают), что де в городах хлеба нет, голод, и рабочие де недовольны властью. Конечно, все приходится разъяснять, что все это—сплетни и т. д., но крестьянин верит, только если ему укажешь конкретно или на примере. Поэтому просьба написать лично от вас мне, а со мной вместе нашему крестьянству письмо, которое служило бы примером в рассеивании разных слухов...»

И дальше писал Цыганков о необходимости связи города и деревни и в конце особо расспрашивал об адресе Сасарова и как писать ему, и как держать связь с сасаровской коммуной.

Письма Цыганкова стали приходиться часто. Как всегда, начинал Цыганков строго трафаретно и официально, а потом переходил на дружеский тон и рассказывал о всей своей работе и делился всеми своими сомнениями.

В своих рассказах Цыганков был подробен и точен: он сообщал о том, как улучшается сельское хозяйство в его волости, как идет хлебоснабжение, как раскачивается крестьянство. «Крестьянство поняло,—писал Цыганков весною,—что ведение хозяйства по старому способу невозможно, ибо плох тот крестьянин, который вместо выбрасывания хлеба на рынок ввозит его к себе в хозяйство».

И я представлял себе Цыганкова в избе-читальне, на сельском сходе разъясняющим крестьянам основные мероприятия советской власти, долго и подробно рассказывающим им о работе правительства, так же, как он рассказывал это красноармейцам своего взвода. В апреле Цыганков был послан в Иваново-Вознесенск на съезд советов. В конце письма, где он рассказывал мне о работах съезда, Цыганков приписал: «Еще, друг, сообщаю вам, что я сегодня в издательстве «Основа» нашел книгу, вами написанную, под названием «С винтовкой и книгой» и, прочитавши несколько статей, передо мной как-будто встало знакомое прошлое из военной службы и знакомые друзья и командиры». И эта приписка была самой дорогой для меня рецензией о книге.

Самым характерным в письмах Цыганкова было то, что он старался не обойти молчанием ни одного случая своей жизни и работы. С горечью писал он мне, что плохо обстоит дело в волости с коллективным хозяйством, писал о том, как

развалился крупный колхоз из-за внутренних распри и раздоров, писал о том, что он хотел организовать колхоз в своей деревне, но ничего не вышло, потому что набралось очень мало хозяйств. Но Цыганков обещал, что на этом не остановится и что он будет дальше продолжать работу по организации колхоза.

В мае Цыганков как член ВЦИКа приехал на Всесоюзный съезд советов. Он мало изменился за тот год, что я не видел его. Маленький, крепкий, с пытливыми глазами, густо окаймленными белыми ресницами, Цыганков был все тот же, каким пришел он несколько лет назад в армию. И вместе с тем это был не тот Цыганков. У этого Цыганкова за плечами было два года красноармейской учебы, этот Цыганков был членом правительства, у себя в хозяйстве, у себя в деревне разъясняющий и проводящий решения правительства в жизнь.

Мы долго толковали с Цыганковым. Целый вечер мы сидели с ним и обсуждали отдельные мероприятия по его волости. Цыганков не изменил себе. Он мало предавался воспоминаниям о прошлом, он больше советовался о том, как лучше работать в селе, как лучше поставить культурную работу в волости.

После съезда советов Цыганков опять уехал в свою деревню. И уже в сентябре я получил от него новое письмо. Подробно рассказывал мне Цыганков о районировании Ивановской области, приводил точные и аккуратные цифры о проведенной посевной кампании, рассказывал о налоговой политике и в конце письма опять просил совета и помощи.

«В связи с китайскими событиями,—писал Цыганков,—местная кулацко-поповская часть населения начала распускать слухи, что уже идет война, что власть советская приходит к концу и на крестьян эти слухи очень отражаются:

крестьянин старается запасться товарцем и даже заметно задерживает хлеб от продажи и другие продукты, говоря, что если будет война, то будет голод. И на все эти сплетни приходится крестьянину разъяснять, что войны-де нет, нас только провоцируют, приносишь на собрание газеты, читаешь, и крестьянин, смотришь, уже идет навстречу. Но сильно еще влияние зажиточной верхушки у нас в деревнях и слабо организована беднота, а поэтому трудно вести общественную работу. На каждом шагу наживаешь врага из зажиточных».

Написав уже письмо, Цыганков вкладывает еще один листик, в котором просит, убедительно просит написать ему подробнее о правом уклоне и о настроениях рабочих: «Пропиши, чтоб я мог ваше письмо прочесть на сходе и тем разбить лживые слухи кулаков и поповщины».

Видно, не легко живется в деревне Цыганкову. Между прочим, между цифрами о посевной кампании и о борьбе с поповщиной вставляет Цыганков несколько незаметных строк о своей семейной жизни: «Теперь друг, поговорим о житейском. Как известно, приехавши после службы из армии, я поженился, но при случившихся обстоятельствах мне пришлось с женой развестись, а сейчас я не в тех, не в сех, а особенно в деревне это много отражается и даже, другой раз думаешь, что тебе тут в деревне за жизнь: и работай как вол, а все тебе от хозяйства остается очень немного». Но через несколько строк Цыганков сам старается разбить свои сомнения и опять пишет о своей работе и рассказывает о том, как он читал крестьянам присланный мною роман «Бруски» и какое впечатление произвел этот роман на крестьян.

Большой и сложной, очень сложной и совсем нелегкой жизнью живет Цыганков в своей деревне. Я пересматривал все письма Цыганкова и вспомнил, как в один из предосен-

них вечеров после поверки сидели мы группой на большом лугу у палаток, и каждый из нас—Симонов, Сасаров, Фуражкин, Цыганков—тихо рассказывал о том, что он будет делать после демобилизации. Небо над лугом казалось особенно глубоким, особенно яркими и непонятными казались осенние звезды, и предстоящая жизнь мнилась неизведанной, интересной и сложной.

Хорошо бы сейчас так вот опять собраться на лугу, и каждый опять бы рассказал о том, как исполнилось его предположение, о том, как он живет и борется. И среди этих рассказов, несомненно, одним из интереснейших был бы простой, такой же простой, как сам рассказчик, рассказ о том, как строит жизнь в деревне Прохоньево Андрей Цыганков.

БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ

Село Белый Яр вошло в историю гражданской войны, в ту ее главу, которая рассказывает о борьбе с верховным правителем России адмиралом Колчаком. Село Белый Яр Ачинского округа Сибири было одной из крепких баз верховного адмирала. И посейчас кулачество села не без сожаления вспоминает о Колчаке и его правлении.

В 1928 году через восемь лет после того, как был расстрелян Колчак, через восемь лет после того, как село Белый Яр стало советским, крестьяне села стали участниками и свидетелями борьбы за землю красноармейцев, основавших коммуну невдалеке от села, в нескольких километрах от города Ачинска.

11 октября 1928 года Московская пролетарская дивизия провожала 17 коммунаров, 17 красноармейцев дивизии, во главе с Иваном Сасаровым, Бусыгиным, Ватутиным и другими. 17 красноармейцев полка ехали в Сибирь на новые зе-

млю организовывать коммуны имени Московской пролетарской дивизии.

Эта борьба за землю, борьба за коммуны ярче всего встает перед нами, когда мы вчитываемся в слова тех писем, которые шлют в свой полк коммунары-красноармейцы. Эти письма показывают, насколько крепкое воспитание получили коммунары в армии, чтобы не бояться трудностей, чтобы в коммуне стоять на посту так же крепко, как они стояли под большим грибом на первой линейке красноармейского лагеря.

27 октября, через две недели после отъезда в Сибирь, Иван Сасаров рапортует пролетарской дивизии.

«Здравствуйте, товарищи командиры и политработники пролетарской дивизии. Сообщаю, что коммуна имени Московской пролетарской дивизии прибыла в Сибирь, поселилась на зачисленные земли. Прибыли мы сюда 16 октября, сразу же принялись за работу за доделку дома. Скоро в него переедем жить. Здесь в коммуне старые коммунары нас приняли радушно, провели собрание, от наших ребят провели в члены совета коммуны Сасарова и Сушкова, организовали партячейку. Настроение ребят веселое».

Через несколько дней я получаю еще одно письмо от Ивана Сасарова. Начинает Сасаров с официального обращения и обычного приветия, а потом попросту рассказывает о том, как они приехали в Сибирь. Сасаров пишет: «Сообщаю, что коммуна, на проводах которой вы были, живет, ибо наша пролетарская стойкость, красноармейская закалка наших коммунаров оправдали звание Московской пролетарской. Мы прибыли сюда 16 октября и сразу же принялись за усиленную работу со свежей энергией, и по истечении полутора месяца у нас уже есть достижения. Мы теперь перешли жить из-под горы, где жили раньше, в общий большой коммуналь-

ный дом, построили скотный двор, баню и кузницу. Но наряду с этим есть у нас и недостатки. У нас нет трактора и нет надежды его получить, потому что на тот округ, в котором мы находимся, согласно распределения только два трактора. А без трактора нам гиблое дело. Мы проектируем на 1929 год засеять 150 гектаров, и наша задача сводится к тому, чтобы показать пример окружающему населению. Мы прибыли сюда, в далекую Сибирь, где, как говорят местные крестьяне да и наши коммунары, что здесь советская власть на деле существует только с 1926 года, и среди этого населения нужно завоевать авторитет. Партячек в этих селах совсем нет, а если есть, то слабые. Мы при коммуне организовали партячейку. Ну, ладно, хотя и трудно, но думаем скоро все пережить, потому что наша коммуна с каждым днем растет. Но главный наш недостаток—это нет у нас трактора, без которого у нас гибельное дело. Ты, брат, давай, выручай нас. Шуми через печать в соответствующих органах...»

Отсутствие трактора было первой большой трудностью, с которой столкнулись коммунары, и о тракторе они пишут не одно тревожное письмо в дивизию и отдельным товарищам.

Если Андрей Цыганков борется в одиночку за новую землю, то Сасаров и его товарищи борются коллективно, одну за другой преодолевают трудности. К 11-й годовщине Октября Московская пролетарская дивизия получила большое письмо за подписью всех коммунаров, письмо, в котором коммунары слали свой привет товарищам-бойцам. Все было в этом письме: и история Октября, и гражданская война, видно было, что все свои знания мобилизовали коммунары, чтобы не ударить лицом в грязь, чтобы написать в свою дивизию большое и «настоящее» письмо. И особенно много было написано в письме о коллективизации, и от общих слов о коллективизации переходили коммунары к рассказу о том,

как живет их собственная коммуна: «Теперь коммуна из 25 хозяйств с количеством 72 едока. Мы заложили фундамент социалистического гнезда, который будет развиваться и станет крупным социалистическим гнездом, которое родила доблестная Красная армия. Это наличие народа, настоящая энергия и сплоченность дают нам возможность преодолеть все трудности, которые встречаются на нашем пути». «В будущем году,—писали коммунары,—мы намеряем произвести ряд строительных работ как жилищных, скотных дворов и других необходимых сооружений. Произвести посев в количестве 150 гектаров и иметь 150 голов рогатого скота, заняться травосеянием. Но это только начало. Сейчас зима. Мы подготовляемся к заготовке леса, чтобы с ранней весны взяться за строительство». Коммунары подробно останавливались на своих планах и заверяли бойцов дивизии в том, «что наряду с хозяйственной работой мы зорко следим за событиями в капиталистических государствах, и если потребуется, встанем на защиту советских границ, снова возьмем в руки винтовку и станем на защиту труда».

Тепло, по-дружески тепло обращались коммунары с призывом к борцам дивизии организовывать новые красноармейские коммуны. «То воспитание, которое нам дала Красная армия, дало нам возможность отказаться от своей собственности и поехать в далекую Сибирь строить социализм».

Строить социализм,—далеко не легкое дело. В ряде писем, которые присылают коммунары в полк, они указывают на все трудности, с которыми им приходится сталкиваться, и опять неоднократно просят добыть им трактор. В феврале 1929 года, в день годовщины Красной армии, Иван Сасаров опять обращается с письмом к бойцам дивизии. Он им пишет: «То-

варищи, вы еще, наверное, не забыли, как организовалась наша пролетарская коммуна в первом стрелковом полку. Когда уезжали, наши коммунары говорили, что мы оправдаем звание Московской пролетарской дивизии. Когда прибыли сюда, мы встретились с большими трудностями. Наша коммуна находится в самой полосе бывшей контрреволюции, около известного по всей Сибири села Белый Яр, которое в годы гражданской войны было главной опорой Колчака. Несмотря на все эти трудности в течение нескольких месяцев мы достигли значительного улучшения: мы построили дом, новую столовую, баню, кузницу и завели ряд сельскохозяйственного инвентаря. В настоящее время заготавливаем лес, а весной примемся рубить еще дом. В смысле политрабл мы с большим трудом возобновили работу ячейки, которая была в селе Белый Яр в загоне. В настоящее время она является главной опорой бедноты всего села.

На ряду с этим у нас есть и отрицательные стороны, вытекающие из нашей бедности: у нас нет трактора, который нам необходим в настоящее время.

Мы на 1928/1929 год думаем, если достанем трактор, увеличить нашу посевную площадь до 150 гектаров. Это бы нам дало возможность скорей стать на ноги и уплатить государству тот кредит, который мы у него взяли, и вести наше хозяйство по пути социалистического строительства».

Наконец трактор получен. Получение трактора было большой победой коммунаров. Это придало им новых сил для борьбы за землю.

...Зима 1929 года была тяжелой для коммунаров. Через несколько месяцев после образования коммуны начались раздоры. Один из руководителей коммуны, Иван Сасаров, который пользовался большим авторитетом среди товарищей, решением коммунаров был послан в Красноярск на учебу.

Коммунары хотели, чтобы из Сасарова вышел собственный сельскохозяйственный спец, собственный красный агроном.

С отъездом Сасарова начинаются трения в коммуне.

8 февраля политотдел дивизии получает совершенно неожиданное письмо из коммуны. После первых строк, где говорится о значении коммуны, о том, что «мы решили оставить свои индивидуальные хозяйства и поехать в далекую сторону, Сибирь, про которую мы могли слышать и книги читать»; после слов о хорошей работе коммуны шло не совсем связанное изложение каких-то крупных раздоров, которые назрели среди коммунаров. Группа коммунаров—Морозов, Никунов, Горчаков и Евдокимов—писала в Подив: «Среди органов правления, т. е. партийцев, которые состоят в совете коммуны, именно секретарь комсомола, в то же время кандидат ВКП, который уже позволяет не в первый раз, как товарищ Емельянов Роман. Первый раз он позволил совершенно никуда не годится такой поступок, второй раз что же выявляет нам Емельянов Роман. Категорически заявляет нам, что вы, красноармейцы, приехали сюда из России, окончив срок военной службы, поступив в нашу сельскохозяйственную коммуну им. Первого Мая, на кой вы загнулись, можете выкуриваться как пробки. Правленцы поддерживают товарища Емельянова Романа, как своего сибиряка-односельчанина. Товарищи командиры, политработники и рядовой состав, мы с веским убеждением просим вас и объясняемся перед вами ради той цели, что мы, красноармейцы, уехав в далекую Сибирь, не страшились ничего, сейчас что мы получаем: выгон в шею нас, красноармейцев, и всей сельскохозяйственной коммуны.

Товарищи командиры, политработники и рядовой состав, скажите нам на наш вопрос, что должны мы в настоящее время делать, или же котомку за плечи и пошел на свежий

воздух, как несчастный заяц с берлоги. Так как в настоящее время они нами не нуждаются благодаря тому, что мы, красноармейцы, приехав первоначально, то что ж мы видели: у них не было уютного двора, кузницы, бани и недоделаны дом, которые жили в земле, а сейчас живут все в доме и плюс к этому разрешили лесу 7 десятин и вот его уже почти кончают работать. Коммунары видят, что они начинают заживать, а потому они начинают и говорить о том, что вы, красноармейцы Московской пролетарской дивизии, нам не нужны».

Письмо было тревожно, письмо говорило о каком-то разладе между приехавшими красноармейцами и местными крестьянами—членами коммуны.

Этот разлад грозил жизни всей коммуны.

Через неделю получилось другое письмо, письмо от одного из организаторов коммуны, друга Сасарова—Алексея Бусыгина. Бусыган рассказывал о тех трудностях, с которыми столкнулись коммунары, о том, как эти трудности преодолевались, но все это было только предисловием. В основном писал Бусыгин о раздорах и разделе в коммуне. «К нашему сожалению,—писал Бусыгин,—там, где требуется необходимая дисциплина и дружеская спайка, среди наших уезжающих товарищей из рядов Красной армии оказалась часть, которая через малое время по прибытии на хозяйственный фронт занялась ненужным делом, которое вредит настолько нашей хозяйственной жизни, что в дальнейшем нет возможности продолжать нашу коллективную жизнь». И дальше по пунктам перечислял Бусыгин, чем вредят наши товарищи:

«1. Крупные неуместные суждения, восходящие в бузу на почве своих личных интересов и требований единоличных интересов, не поддерживаемых никем из членов.

2. Недобросовестное отношение к выполняемым работам, и были случаи отказа от работы и нежелание.

3. Неприсутствие на собраниях партийных, общественных и других.

4. Недовольствие харчами.

5. Пьянка единоличная, группировочная и в пьяном виде буза и угрозы.

6. Карьера на руководство.

7. Самоопределение той или другой работы.

8. Самовольные уходы, не справившая и не ставив в известность совета, и ряд других ненормальных явлений со стороны товарищей Пикунова, Горчакова и Морозова Ильи, который является организатором этой группы и всей этой работы, вредной для нашей коллективной жизни».

«Мало того,—писал Бусыгин,—тов. Морозов занимается еще разладом семейной жизни других членов. Партийная ячейка вынесла решение об исключении тов. Морозова из членов коммуны и поставить вопрос на общем собрании членов коммуны, как одного из злостных разладчиков нашей хозяйственной жизни.

Ибо нет никакой возможности перевоспитать означенного товарища».

Прочтав это письмо, я постарался возобновить в своей памяти образ Ильи Морозова. И вспомнил: поход, привал в деревне. Морозов пьяный, единственный пьяный из всей дивизии, буянит на деревенских улицах, замахивается на меня кирпичом, когда я пытаюсь остановить его, а потом валяется в пыли и сквернословит. Тогда за пьянку Морозова исключили из полковой школы, и он понес должное наказание. Странно было узнать о том, что Морозов вызвался ехать в коммуну. Но он говорил, что больше не пьет, что армия исправила его. И вот теперь этот случай в коммуне. Напрасно взяли с собой коммунары Морозова. Или, может быть, Бусыгин ошибается?..

Через несколько дней пришло письмо от председателя совета коммуны, с выпиской из протокола общего собрания. Председатель совета коммуны излагал все обстоятельства дела, о котором писали четыре коммунара. Прежде всего выяснилось, что писали не четверо, а только двое! Морозов и Пикунов. Остальные подписи были сделаны без ведома самих товарищей. Это уже накладывало тень на письмо Морозова. Председатель совета коммуны писал о том, как дезорганизаторские действия Морозова только увеличивают трудности в стройке коммуны.

«В нашем быту,—писал председатель,—эти товарищи сразу организовали отдельную группу и все время вели разлагающую работу, куда втянули и сибиряка-комсомольца Минеева, который через их науку вовсе разложился, и вот товарищ Емельянов, как секретарь ячейки ВЛКСМ, вызвал Минеева и стал его по-комсомольски, как говорят, жечь и между прочим указал на разложившуюся группу, указывал, куда, дескать, ты залез. Морозов с Пикуновым это услышали и давай бузить красноармейцам, что вот нас всех хотят выгонять и т. д. Емельянову за грубые слова по партлинии на заседании совета и постановлением общего собрания сделан выговор; что касается Морозова и Пикунова, то о них было специальное постановление собрания, принятое единодушно».

И дальше предсовета коммуны переходил уже к очередным вопросам и рассказывал о достижениях и нуждах коммуны.

Постановление общего собрания коммуны проливало свет на все дело Морозова и Пикунова. Постановление говорило: «Письмо Морозова и Пикунова было написано только для того, чтобы подорвать авторитет нашей социалистической семьи. Эти товарищи—Морозов Илья, как организатор, Пикунов, как его сообщник—вели среди нас, красноармейцев членов коммуны, разлагательскую работу, старались не

в пользу коммуны, а во вред. Недостаточно вредить среди нас внутри семьи, так они еще написали в ту организацию, которая нас организовала и способствовала великому делу строительства социализма; чтобы там повредить, заставив думать, что труды дивизии пропали даром. Товарищи Евдокимов и Горчаков перед общим собранием абсолютно отрицают свое участие и подписи в письме и Морозов ложно подписал их к письму. Мы исключили из своих рядов Морозова Илью как вредный и разлагающий элемент, товарищу Пикуну дали жестокое общественное порицание и предупреждаем, что если он не исправится и не осознает своей вины, то мы принуждены и его оставить вне рядов наших, и он должен понять, ибо он такой же сын трудового народа, как и мы. В противовес письма мы, коммунары, еще теснее сольемся в единую трудовую семью и торжественно заявляем: нас не сломят никакие болезни отдельных членов, никакие беды и неудачи. Нам нужно только здоровое тело, и если отдельные заболевшие части этого тела не поддаются лечению, мы их будем беспощадно вырывать, как бы больно нам от этого не было». Под письмом шло несколько десятков подписей, и среди них имелись и подписи Евдокимова и Минеева. Кроме письма, была прислана выписка из протокола собрания коммуны, гласившая об исключении Ильи Морозова. Протокол говорил о целом ряде недостатков Морозова, выразившихся в пьянке, угрозах, делении на красноармейцев и не красноармейцев, в недовольстве питанием и т. д. «Все это ведет,—говорило решение,—не к улучшению морального состояния коммунаров и сплочению их для нашей социалистической работы, а к разложению». Пункт за пунктом разоблачало решение общего собрания Морозова. Морозов еще в рядах Красной армии неоднократно пьянствовал и хулиганил, что приводило его к гауптвахте, Морозов неоднократ-

но выражал недовольство пищей, не принимал участия в политучебе и отвлекал других, не посещал собраний, не подчинялся совету коммуны, проводил разделение между красноармейцами и другими крестьянами, написал подложное письмо, организовывал пьянки и т. д. «Принимая во внимание,—говорил 15-й пункт решения,—что Морозов Илья, как человек развитой, хорошо грамотный, делал все сознательно, подрывая порядок коммуны, как сознательно злостного элемента исключить из состава коммуны. Пикунову и Минееву сделать строгий выговор».

Дело о разладе в коммуне было очень серьезным, оно грозило сорвать большое и важное дело, и в него вмешался Ачинский райком партии. Ачинский райком согласился с решением общего собрания коммуны и с исключением из коммуны Ильи Морозова.

Так окончился эпизод с Морозовым, эпизод, стоивший не мало здоровья молодым коммунарам, эпизод, который только иллюстрирует с какими неожиданными трудностями в работе коммунарам пришлось встретиться.

...Окончилась тяжелая зима. Началась подготовка к посевной кампании. Был получен трактор. Были преодолены первые трудности, и красноармейцы-коммунары с новой бодростью продолжают работать и пишут в Москву письма, в которых просят прислать из нового пополнения новую группу красноармейцев для укрепления коммуны.

Коммунары вызвали на социалистическое соревнование коммуны имени Коминтерна Назаровского района и с жаром принялись за весеннюю посевную кампанию. Всего было намечено засеять 400 гектаров, из них 180 гектаров пшеницы, 170 овса и 50 прочих культур. Заготовлены семена, приведены в порядок сельскохозяйственные машины.

Сейчас хозяйственное положение коммуны рисуется уже следующим образом.

Если в 1928 году, еще до приезда красноармейцев, в первый хозяйственный год коммуны было засеяно всего 32 гектара и имелось рабочей тяговой силы всего лишь 7 лошадей и несколько коров, то сейчас хозяйственная мощь коммуны выросла во много раз. Сейчас коммуна объединяет 272 едока, из них рабочих рук 180 человек. Имеется лошадей 80, коров 85, овец 150, свиней 60, развито птицеводство. Из сельскохозяйственного инвентаря имеется 1 трактор, 1 сложная молотилка, 5 жаток-самосбросок, 3 сенокосилки, 4 конных грабель, 2 веялки, 1 сортировка «Триумф», 20 плугов, 8 борон «Зигзаг», 2 дисковые бороны, 2 пружинные бороны, 5 сеялок, 3 сепаратора, 2 соломорезки, 1 пожарная машина и т. д.

Возведен ряд новых жилых построек. Намечается постройка клуба, яслей, мастерских: сапожной, пимокатной, кузницы, слесарной и других. Из хозяйственных построек намечены: постройка еще одного хлебного амбара, конюшни, коровника, свинарника, птичника и бани. Для возведения будущих построек заготовлено уже 1 500 корней леса.

Весь земельный участок коммуны составляет 775 гектаров. Плохи жилищные условия.

В коммуне проводится большая культурная работа, опыт которой перенесли коммунары из рядов Красной армии. Идет ликвидация неграмотности, имеется ряд кружков, работают общественные организации: Осоавиахим, Мопр и т. д. Партийный состав коммуны—27 человек членов партии и 40 комсомольцев. Ни одна кампания по округу не проходит без участия коммунаров. Большую работу провела коммуна в хлебозаготовительной кампании.

Основными недостатками коммуны сейчас являются: недостаток тяговой силы—нужны еще тракторы—слабая поста-

новка учета хозяйства, кризис в общежитии, недостаток агрономической, санитарной и ветеринарной помощи.

За лето коммуна выросла еще больше. Летом же ей пришлось испытать новые трудности, которые сильно потрясли всю коммуны.

В конце августа я получил письмо от Ивана Сасарова. Иван Сасаров писал о том, как он учился в Красноярске, как он кончил семимесячные агрономические курсы.

«Наша коммуна,—писал Сасаров,—скоро будет праздновать год своего существования. За этот годичный период коммуна сильно возросла. Мы имеем 2 трактора, около 80 лошадей, 60 коров и т. п. Из построек—2 дома, клуб, детские ясли, библиотеку, кузницу и т. д. Численность коммуны около 360 человек, но народу еще мало хватает. Я думаю, что коммуна будет года через три крупным сельскохозяйственным производством. Много интересного за время своего существования имеет наша коммуна, но дневника я не веду, потому что был сильно загружен работой. У нас вот не так давно в коммуне прошла полная революция, т. е. борьба за руководство коммуны. Эта революция здорово потрясла наши ряды, но все же ничего. Ведь всегда на перегное растут свежие и здоровые ростки. Если бы ты был у нас, то много мог написать в свои произведения. Я боюсь только вот за то, что у нас сейчас партиячка при коммуне состоит из большинства середняков, а которые наши ребята батраки-пролетарии, они еще кандидаты, поэтому иной раз получается и не так как должно бы быть. Была у нас чистка партии, из нашей коммуны выгнали двух человек из членов ВКП(б) и из коммуны».

Сасаров, как всегда, писал очень скупо, и с трудом можно было догадаться, что же собственно в коммуне произошло.

Скоро я узнал об этом подробнее.

Кончилась двухлетняя служба красноармейцев призыва 1905 года. И так же, как в прошлом году, в дивизии стала организовываться новая коммуна на пополнение ушедшим в прошлом году коммунарам. Так же, как в прошлом году собирались ивановцы и тульцы, рязанцы и ярославцы, и вели долгие беседы о колхозах, о том, куда поехать, о Иване Сасарове и об опыте сибирской коммуны.

37 красноармейцев Московского полка решили образовать новую коммуну и, как и в прошлом году, двое ходоков, Попов и Шевелев, поехали в Сибирь и на Дальний Восток в поисках земли.

Двое разведчиков были в Барабинске, в Новосибирске, в Иркутске, в Хабаровске, вернулись в Красноярск, здесь встретили Ваню Сасарова и долго совещались с ним. Из Красноярска поехали в Ачинск, в родную красноармейскую коммуну. Здесь ходоки-разведчики остались пожить и посмотреть на жизнь коммунаров, чтобы потом поделиться их опытом с новыми коммунарами. Они увидели, как выросла коммуна, и здесь же они были свидетелями той революции в коммуне, о которой писал Иван Сасаров:

Кулаки села Белый Яр, около которого расположена коммуна, чинят коммунарам всевозможные препятствия в их работе. Классовая борьба все обостряется, особенно она обострилась в момент хлебозаготовительной кампании.

Сейчас будут произведены нарезки к коммуне от земель белоярских кулаков. Это еще более обострило ненависть кулаков к коммунарам. Они хотят уничтожить коммуноу. Коммунары привлекают на свою сторону белоярскую бедноту. Они ездили в Белый Яр с трактором.

И вот в обстановке жесточайшей классовой борьбы выяснилось, что председатель совета коммуны Тронов—сын бело-

ярского кулака—якшается с кулачеством, не без ведома секретаря ячейки. Тронов закупал у кулаков поломанные негодные машины, помогал кулакам в хлебозаготовительную кампанию. Об этом селькор написал в газету. Тронов пытался замазать все дело и исказить заметку. Комиссия РЙК выехала в коммуны и после проверки подтвердила сообщение селькора. Тронов и секретарь ячейки были исключены из коммуны. Председателем совета коммуны избран красноармеец Московского полка. Это-то и была революция в коммуне. Но революция эта была глубокой, она потрясла коммуны, она показала, какие своеобразные проявления принимает классовая борьба и как зорко надо стоять на посту красноармейцам-коммунарам.

Два ходока интересовались всей жизнью коммуны, особенно понравилась им та напряженная бодрая работа, в которую втянуты все члены коммуны. Сейчас в полном размахе стройка. Строят большой двухэтажный дом с клубом, читальней, кухней и т. д. Строят большие детские ясли на 50 детей. Постройка кухни особенно важна, так как летом кухня была устроена на берегу озера в землянке. Обедали прямо на берегу у озера. «Как на палубе,—говорит Попов,—очень художественно»...

Плохо еще обстоит дело с учетом труда. Есть праздновающиеся. Новый совет коммуны пользуется большим авторитетом. Особенно хорошее отношение к Ване Сасарову. На него смотрят как на будущего своего красного спеца. Во время посевной кампании коммунарам помогли красноармейцы находящегося в Ачинске полка. Они приезжали командами человек по сто, приезжали также ачинские делегатки, комсомольцы и т. д.

Полной жизнью живет молодежь коммуны. У пионерского отряда есть свой огород, свои телята, поросята и т. д. После

работы молодежь учится, веселится, выходит на улицу с плясками и песнями.

Жизнь в коммуне понравилась ходокам. Они прожили полторы недели и отправились в соседний Назаровский район искать земли для новой коммуны. Им посоветовали влиться в коммуну имени Коминтерна, существующую с 1925 года. Разведчики приехали в эту коммуну, детально осмотрели все хозяйство. Коммуна понравилась им. Вечером этого же дня собрание коммунаров единогласно решило принять в свои ряды демобилизующихся красноармейцев. Шевелев уехал в Москву сообщить об этом товарищам, а Попов остался в коммуне, помогал коммунарам, был огородником, мельником, работал на тракторе и т. д. 3 июля он уехал из коммуны в полк. 19 июля Шевелев во главе дружины из демобилизованных красноармейцев, будущих коммунаров, поехал в Сибирь, в коммуну имени Коминтерна на новые земли.

Опять, как и в прошлом году, были проводы. Теперь красноармейцы знали, на какую тяжелую работу они едут, но они понимали, как велики задачи и значение этой работы. Опыт первых коммунаров, опыт коммуны Ивана Сасарова не страшил, а увлекал их.

Рядом с коммуной имени Московской пролетарской дивизии вырастает новая красноармейская коммуна. С каждым годом число этих коммун будет расти. Красноармейцы-коммунары весь свой опыт, всю свою закалку, полученные в Красной армии, включают в дело новой борьбы, борьбы за землю, борьбы за социалистическое переустройство сельского хозяйства. И на постах этой борьбы будут также уверенно и твердо стоять Сасаровы, как твердо сжимали они винтовку, находясь в Красной армии.

Три года прошло с тех пор, как я оставил полк. Три года тому назад по разным концам советской земли разошелся наш спаянный полковой красноармейский коллектив. И должна была быть очень крепкой спайка тех прошедших армейских лет, чтоб не порывались связи у людей, впервые встретившихся в полку, впервые узнавших друг друга и связавшихся в полку так, чтоб на протяжении ряда лет помнить друг о друге, подавать друг другу весть—каждый со своего участка фронта, каждый со своего поста общей социалистической стройки.

У каждого из нас тысячи своих малых и больших повседневных дел. У каждого свои повседневные заботы. Но когда неожиданно встретишь на улице ли, в трамвае ли товарища по тем прошедшим армейским годам, сразу вспоминается полк, вспоминается красноармейская школа, которая всем нам дала неизмеримо много, которая воспитала нас.

Совсем недавно «рзыскался след Утина». Того самого Утина, который когда-то первый знакомил нас с армейской жизнью. Утин теперь — секретарь фабричной партийной ячейки и ведет серьезную партийную работу.

Комсомолец Лукин, которого втянули мы в полку в комсомольскую работу—член бюро крупного студенческого партколлектива.

В Иваново-Вознесенске, на конференции пролетписателей я встретил отделкома Леонтьева; того самого Леонтьева, который был организатором первой нашей генеральной стрижки; того самого Леонтьева, бас которого казался нам таким громоподобным в длинных казарменных коридорах.

Леонтьев работал на заводе и завод послал его на учебу.

Длинный и нескладный Гостинницев, по ночам работавший в ячейковой комнате над своим сельскохозяйственным проектом — директор совхоза. Он на практике теперь осуществляет свои проекты.

Огромный, угрюмый старшина Сотников, вступивший в партию в конце нашей службы, остался в армии и теперь, секретарь большой армейской партячейки.

Ваня Фуражкин, несменный наш секретарь ячейки, работает над сложными чертежами сельскохозяйственных орудий, одолевает математику и технику, постигает трудную науку сельскохозяйственного машиностроения.

Во время летней переподготовки комсостава повстречались мы с Граммом, с Поташонком, с Нейфельдом. И опять в одной палатке провели не один день, в промежутках между сегодняшними делами и заботами вспоминая о прошлых армейских днях.

Многих старых товарищей пришлось постречать за последние годы. С разных концов Советского Союза приходили письма, рассказывающие о жизни товарищей-армейцев.

Но, пожалуй, самым любопытным являются письма бывшего нашего члена правительства—Андрея Цыганкова.

Маленький Цыганков остался у себя в селе. Каждые две недели регулярно сообщал мне, как идет жизнь в деревне Прохоньево, как он, Цыганков, участвует в перестройке деревни.

Он был членом сельсовета и уполномоченным земельного общества. Работы у него было много. Часто трудности угне-

тали его. И бывало вслед за бодрыми, радостными письмами получались письма тяжелые, гнетущие, переполненные сомнениями.

Вот пишет мне Цыганков: «При помощи прибывших из города Иваново рабочих-ударников у нас в Аньковском районе хлебозаготовки пршшли очень хорошо. Контрольная цифра выполнена по ржи—на 200%, по овсу—на 450%...»

В одном из писем он писал мне, что сомневается в правильности политики партии. Но после хлебозаготовительной кампании сомнения эти рассеялись и он пишет решительнее: «Еще, друг, я недавно колебался в правильности политики партии и стоял на точке зрения правых, но практика деревенской жизни сама говорит, что политика партии верна, на что я сам убедился в проведении хлебозаготовок, когда хлеб везут бедняк и середняк, а противится кулак».

В длинных письмах рассказывает он мне о том, как трудно ему приходится. Он просит рассеять его сомнения, просит поддержки и помощи.

Я давно не видел Андрея Цыганкова. Свыше двух лет. Но каждый раз, когда я получаю от него письмо, я вспоминаю, как у тумбочки дневального готовил член правительства свой отчет ЦИК'у, и я ясно представляю себе, как теперь в далеком Прохоньеве после длинного трудового дня Андрей Цыганков пишет мне свои длинные, подробные письма, и старается ничего не забывать, чтоб разрешить все свои сомнения, чтоб поделиться всеми заботами. Написать так, чтоб я увидел все рытвины и ухабы, пересекающие его, цыганковскую, дорогу и дорогу его села.

О работе Цыганкова и тысяч Цыганковых не напишешь в послесловии. О ней надо писать книги. Писать о том, как растет день ото дня Цыганков, как труден и извилист рост этот.

Если бы мы попросили Ваню Фуражкина отложить на время свои чертежи и начертить диаграмму роста Цыганкова, кривая вышла бы очень извилистой. Были бы в этой кривой не только подъемы, но и спуски. Но начало своего движения вверх получила бы кривая именно в том месте, под которым стояла бы подпись: два года в Красной армии.

Некоторые критики упрекали меня в том, что в своей книге я приукрасил жизнь Красной армии, что слишком «хорошими» получаются у меня все люди.

И действительно, мне следовало бы больше остановиться на трудностях армейской жизни. Если бы я писал книгу сейчас, я попытался бы глубже показать те процессы, которые в Красной армии происходят.

Я хотел показать рост людей, показать, какой гигантский воспитательный аппарат представляет собой наша Красная армия, какими пришли в Красную армию Цыганковы и Сасаровы и какими они уходят.

Сейчас, на дистанции лет, я вижу, что ряд событий надо было вскрыть полнее и глубже. Когда я буду писать новую книгу об армии, я постараюсь учесть все недочеты первой книги.

На маневрах, на переподготовке, в лагерях, сталкиваясь с Красной армией сегодняшнего дня, я увидел, как изо дня в день Красная армия растет. Я увидел много новых, глубоких и важных процессов, происходящих в ней.

Красная армия должна выделить своих красноармейских писателей, которые должны дать и дадут еще не одну книгу о красноармейской жизни, учебе и борьбе.

Мы объявили призыв ударников в литературу. Ударники есть и в Красной армии. И сколько еще ударников... Из них должны выковываться новые кадры красноармейских

писателей,—писателей, которых ждет Красная армия, которых ждет литература.

Книги этих писателей, будут, конечно, несравненно более полны и глубоки, чем моя первая книга о красноармейских буднях.

И еще одно: я не хочу порывать связи с героями своей книги. Я прошу их писать мне о своей жизни, о своей работе, отовсюду, со всех концов нашей великой страны, со всех участков, где они строят социализм.

Еще целы наши шинели и наши шлемы. Еще каждый из нас помнит номер своей винтовки. И когда придет тот день, когда рожок протрубит боевую тревогу и мы опять сойдемся в один коллектив, мы сумеем вместе вписать не одну страницу в книгу о новых боевых днях Красной армии.

По первой тревоге на боевой поверке, когда назовут имена тех, о ком говорится в этой книге, когда назовут имена Сасарова и Цыганкова, Фуражкина и Капернаута, каждый, без лишних слов, четко, по-боевому ответит: «Я»...

Я отвечаю за всех вас, мои товарищи по полку. И я уверен, что не ошибся в своем ответе.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	5
Часть первая. В роте	7
Часть вторая. Полковая школа	67
Часть третья. Полотняный город	135
Часть четвертая. Последний этап	199
Послесловие ко 2-му изданию	227
Послесловие к 3-му изданию	238
Послесловие к 4-му изданию	259

2583

6,75

(1986)

Дешевая библиотека „Молодой гвардии“ — массовое издание, рассчитанное на широкую популяризацию лучших произведений художественной литературы, общественно-политической и научной популярной литературы для молодежи.

Дешевая библиотека „Молодой гвардии“ — общедоступное издание, дающее возможность каждому приобрести по дешевой цене библиотечку хороших книг.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА „МОЛОДОЙ ГВАРДИИ“

Дешевая библиотека „Молодой гвардии“
выходит тремя сериями:

- 1) Художественная литература,
- 2) Общественно-политическая литература,
- 3) Научно-популярная литература.

Серия „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“:

1. БОГДАНОВ Н. Первая девушка. 192 стр., ц. 40 к.
2. ДОРОГОЙЧЕНКО А. Большая Наменка. 421 стр., ц. 80 к.
3. КИН В. По ту сторону. 252 стр., ц. 50 к.
4. ЛУГОВИК Л. Праги. 124 стр., ц. 25 к.
5. ОГНЕВ Н. Дневник Кости Рябцева. 320 стр., ц. 50 к.
6. Исход Никпетожа. 254 стр., ц. 50 к.
7. ПЛАТОШКИН М. В дороге. 332 стр., ц. 65 к.
8. СЕМЕНОВ С. Наталья Тарпова, кн. 1. 300 стр., ц. 60 к.
9. СЕМЕНОВ С. Наталья Тарпова, кн. 2. 412 стр., ц. 75 к.
10. СТАЛИН И. О комсомоле. 63 стр., ц. 10 к.
11. ЭРДБЕРГ О. Нитайские новеллы. 221 стр., ц. 45 к.

Заказы направлять в Книгоцентр, Москва, Богоявленский пер., 4.

АЛ. ИСБАХ

С ВИНТОВКОЙ И КНИГОЙ

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 3 1

№ 12

ЦЕНА 51